

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

3/2016

Редакционная коллегия Серии Б: Гуманитарные науки

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Заместитель ответственного редактора – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Княшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Криנקо** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

Editorial Board of Series B: Humanities

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: terkulov@rambler.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 11 от 26.12.2016 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2016

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2016

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Басыров Ш. Р.* Эволюция немецких рефлексивных глаголов: структура и семантика 5
- Белоконь Н. А.* Эстетические поиски Ивана Чендея в контексте «проблемы реализма» 11
- Кудрейко И. А.* Региолект как особая форма функционирования национального языка 19
- Лозовая Л. В.* Романтические тенденции русского футуризма 24
- Стеценко Н. М.* Особенности содержательно-фактуальной информации в заголовках новостных медиатекстов: прагматический аспект 30
- Ястребов-Пестрицкий М. С.* Сленговые и эвфемистические речевые обороты в поэтической метафоре И. Сельвинского (с привлечением материала поэтического очерка «Путешествие по Камчатке»). 36

Педагогика

- Кобзова С. Н.* Организация практической подготовки студентов высших учебных заведений на территориях с неопределенным правовым статусом 42
- Чеботарёва И. В.* Христианские основы духовно-нравственного развития будущих педагогов 50
- Бугаева Т. И.* Использование формализованных математических моделей для анализа педагогических данных 56

История

- Кухтин М. М.* К вопросу о преемственности верховной власти в царском Риме. 66
- Ландик Л. П.* Социально-благотворительная деятельность Российской Православной Церкви в 1988 - 2004 гг. в Донецкой области 69
- Федоровский Ю. Р.* Из ранних документов ЛНР (Болотовский период) 74

Философия

<i>Андрienко Е. В.</i> Солидаризм как ответ на вызовы глобализации	81
<i>Муза Д. Е.</i> О русской цивилизационной альтернативе глобальному диктату Запада	88
<i>Шелехов Е. А.</i> Аксиологические аспекты взаимодействия науки и образования	96
Правила для авторов	104

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 3/2016

CONTENTS

Philology

- Basyrov Sh R.* Evolution of reflexive verbs in the German language: structure and semantics 5
- Belokon N. A.* Ivan Chendey's aesthetic searches in the context of «problems of realism» 11
- Kudreyko I. A.* Regional dialect as a special form of the national language functioning 19
- Lozovaya L. V.* Romantic tendencies of Russian futurism 24
- Stetsenko N. M.* Features of the content-factual information in the headlines of the news media texts: pragmatic aspect 30
- Yastrebov-Pestritskiy M. S.* Slang and euphemistic speech patterns in I. Selvinsky's poetic metaphor (on the material of the poetic essay "A Journey across Kamchatka"). 36

Pedagogy

- Kobozova S. N.* Students' internship at higher educational institutions in the areas with uncertain legal status 42
- Chebotarova I. V.* Christian basics of spiritual and moral development of future pedagogues 50
- Bugayova T. I.* Use of formalized mathematical models for the analysis of pedagogical data 56

History

- Kukhtin M. M.* On succession of the supreme power in royal Rome 66
- Landik L. P.* Social and charitable activity of the Russian Orthodox Church in 1988 - 2004 in Donetsk region 69
- Fedorovsky J. R.* From early documents of LPR (Bolotov's period) 74

Philosophy

<i>Andriyenko E.V.</i> Solidarism as a response to globalization challenges	81
<i>Muza D.E.</i> On Russian civilizational alternative to global dictates of the West	88
<i>Shelehov Ye.A.</i> Axiological aspects of interaction between science and education	96
Guidelines for authors	104

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.112.2:81 367.625

ЭВОЛЮЦИЯ НЕМЕЦКИХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ : СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

© 2016. Ш.Р. Басыров

В статье рассматриваются стандартные рефлексивные глаголы (РГ), образованные от мотивирующих основ при помощи рефлексивного элемента (РЭ) *sich*. Стандартные РГ противопоставляются нестандартным РГ, которые образуются путем одновременного присоединения к мотивирующей основе РЭ, префикса и/или суффикса. Данные образования сравниваются в средневерхненемецком и нововержненемецком языках с точки зрения их структуры и семантики, устанавливаются общие и отличительные черты, проводится количественный анализ выявленных структурных и семантических типов.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, стандартный/нестандартный рефлексивный глагол, глагол с рефлексивным комплексом, рефлексивный элемент, мотивирующая основа.

В настоящей статье исследуются рефлексивные глаголы (далее РГ) средневерхненемецкого (свн) и нововержненемецкого (нвн) периодов развития немецкого языка, образованные посредством присоединения к исходной (мотивирующей) основе рефлексивного элемента (РЭ) *sich*. Ср.:

(1) свн. *ängstigen* ‘пугать’ → *sich ängstigen* ‘бояться’, аналогично: нвн. *ängstigen* → *sich ängstigen*.

РГ типа (1) называются далее в статье *стандартными* рефлексивами и морфологически противопоставляются глаголам с рефлексивным комплексом (или *нестандартным* РГ), образуемым путем одновременного присоединения к мотивирующей основе (МО) РЭ, префикса и/или суффикса [1; 2; 3; 4].

Например: (2) свн. *heben* ‘поднимать’ → *sich über-heben* ‘надрываться’, нвн. *heben* ‘поднимать’ → *sich verheben* ‘надрываться’.

Материалом для сравнительно-исторического анализа РГ в средневерхненемецком и нововержненемецком языках послужила сплошная выборка данных языковых единиц из словарей [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12], памятников письменности, произведений немецкой художественной литературы и публицистики, а также специальных работ и пособий [2; 3; 4], посвященных немецкому глагольному словообразованию. Средневерхненемецкие РГ были извлечены из трехтомного словаря “Mittelhochdeutsches Handwörterbuch” [5] и однотомного словаря „Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch“ под редакцией М.Лексера [6]. Общий объем выборки свн РГ составил 899 единиц. Нововержненемецкие РГ были получены из наиболее авторитетных немецких толковых словарей, а также из двухтомного “Большого немецко-русского словаря” под редакцией О.И.Москальськой. Общее количество проанализированных нвн РГ составил 1661 единицу.

Остановимся на основных выводах, полученных в ходе сравнительно-исторического анализа РГ в свн и нвн периоды развития немецкого языка.

1. В плане категориальной принадлежности МО немецкие стандартные РГ обнаруживают в оба периода своего развития следующие общие структурно-морфологические типы:

1.1. РГ, мотивированные глагольной основой. Данный морфологический тип количественно преобладает в общем корпусе проанализированных РГ в обоих периодах (свн – 95,4% или 857 ед.; нвн – 98,1% или 1629 ед.). Ср.:

(3) свн. *er-vrischen* ‘освежить’ → *sich er-vrischen* ‘освежиться’, аналогично: нвн. *erfrischen* → *sich erfrischen*.

1.2. РГ, мотивированные именами существительными. Производные данного типа составляют в нвн период 1,8% (30 ед.), а в свн – 3,1% (28 ед.). Ср.:

(4) свн. *diu rotte (rote, rot)* ‘толпа, сборище’ → *sich rotten (roten)* ‘толпиться’, аналогично: нвн. *die Rotte* → *sich rotten*.

1.3. РГ, мотивированные именами прилагательными (свн. – 1,1% или 10 ед.; нвн – 0,1% или 2 ед.). Например:

(5) свн. *risch* ‘быстрый’ → *sich rischen* ‘спешить’; (6) нвн. *böse* ‘сердитый’ → *sich bosen* разг. ‘сердиться, злиться’.

1.4. Единичными примерами в свн представлены РГ, мотивированные:

1) наречием:

(7) свн. *dane (dannen)* ‘потом’, ‘отныне’ → *sich danen (Gen.)* ‘отвернуться от чего-л.’

2) местоимением:

(8) свн. *dier* ‘тебе’ → *sich dieren* ‘хлопотать, заботиться о чем-л.’.

3) союзом:

(9) свн. *ouch* ‘кроме того’ → *sich ouchen* ‘увеличиться’.

2. С точки зрения традиций и инноваций исследуемый корпус стандартных РГ в свн и нвн периоды неодинаков. Около 400 РГ (свн - 33 %; нвн - 24 %) являются “старыми” образованиями, которые принадлежат к консервативному слою лексики, существовавшему уже в свн период и продолжающий функционировать в современном немецком языке. Среди них большинство РГ сохраняют свое исконное значение (*sich bessern, sich entkleiden, sich heben* и др.). Около 13% “старых” РГ обнаруживают семантические различия (ср.: свн. *sich bängen* ‘много побегать’ и нвн. *sich bängen* ‘бояться’; свн. *sich zweien* ‘объединяться вдвоем’ и нвн. *sich zweien* ‘поругаться, разругаться’). Эти и другие семантические несовпадения обусловлены, в частности, фонетико-морфологическими и семантическими изменениями МО производных РГ. Около 67% (602 ед.) свн РГ не дошли до современного немецкого языка. Причинами исчезновения данных РГ являются в целом общие закономерности развития глагольной лексики в переходный период.

2.1. В рассматриваемый период исторического развития немецкого языка в сфере рефлексивного глагольного словообразования активно включаются префиксы (всего 60 префиксов), возникшие, как правило, на базе предлогов и наречий и уточняющие семантику всего глагола: *ab-, an-, auf-, aus-, bei-, dar-, durch-, ein-, her-, hin-, nach-, über-, unter-, vor-, wider-, zu-, entgegen-, entlang-, gegenüber-, hinter-, hoch-, her-, herab-, heran-, herauf-, heraus-, herbei-, herein-, herüber-, herum-, herunter-, hervor-, hinab-, hinan-, hinauf-, hinaus-, hindurch-, hinein-, hinüber-, hinunter-, hinzu-, auseinander-, dazwischen-, darein-, fern-, fertig-, fest-, fort-, frei-, gleich-, nieder-, tot-, umher-, voll-, weg-, voran-, weiter-, zusammen-, zurück-, zurecht-*. РГ с этими префиксами конкурируют часто с бесприставочными и префиксальными дериватами, вытесняя последних из языка. Так, “старый” РГ *sich ausziehen* ‘раздеваться’ вытеснил синонимичный ему свн РГ *sich abziehen*. Современные немецкие словари не регистрируют известный для свн периода РГ *sich bemengen* ‘вмешиваться’ [4, с. 71], который, в свою очередь, в нвн был вытеснен рефлексивом *sich einmengen* в том же значении (‘вмешиваться’) [8, с. 967].

2.2. Исчезновению некоторых РГ способствовали и внеязыковые факторы, связанные с изменениями в общественном укладе жизни (свн. *sich fürsten* ‘возвыситься до княжеской славы’, *sich ver-burgern* ‘покидать собственника одного замка и переходить к другому’).

2.3. Нестабильность фонеморфологической структуры слова, его вариативность в свн постепенно исчезают в переходный период. Отдельные фонеморфологические формы оказываются более приспособленными к рефлексивной деривации и закрепляются в нвн языке, вытесняя на задний план устаревшие и менее употребительные формы. Это относится, в частности, к отадективным глаголам на *-igen*, количество которых уже в свн период заметно возрастает благодаря их успешной конкуренции с аналогичными формами на *-en*. Данная тенденция продолжает развиваться в нововерхненемецкий период. Так, современный РГ (10) *sich sättigen* (*an/mit etw.*) ‘наестся досыта (чего-л.)’ (← *sättigen* ‘дать поесть кому-л. досыта’) вытеснил семантически близкий свн РГ *sich saten/seten/setten* (*Gen. oder mit/an*) (← *satен/setен/setten*). Ср. другие аналогичные примеры: (11) свн *sünden/sunden* ‘считать кого-л. грешным человеком’ → *sich sünden/sunden* ‘грешить’, *versünden/versündigen* ‘впасть в грехи’ → *sich versünden/versündigen* ‘провиниться’, ‘согрешить’; нвн. *sündigen/versünden* (устар.) ‘грешить’/ *Sünde* ‘грех’ → *sich versündigen* ‘согрешить’, ‘провиниться’ [6, с. 1377].

2.4. К исчезновению того или иного РГ из системы языка могло привести в свою очередь исчезновение отдельных аффиксов, принимавших ранее участие в глаголообразовании. Подобное явление произошло, например, с отрицательным префиксом *un-*, который в свн мог присоединяться не только к субстантивной (*un-art* ‘невоспитанность’, ‘дурная привычка’, *un-dank* ‘неблагодарность’), адъективной (*un-aessig* ‘несъедобный’, *un-behagen* ‘неприятный’) основам, к второпричастным прилагательным (*un-bedâht* ‘беспомощный’, ‘необразованный’, *un-behuot* ‘незащищенный’), но и к глагольным основам, в том числе и рефлексивным (*sich un-wirden* ‘быть униженным’, *sich un-êren* ‘лишиться славы’).

В свн периоде развития языка префикс *ge-/gi-* мог появляться перед глагольной основой и выражать разные аспектуальные значения, в частности, ‘завершенность действия’, ‘усиление действия’. Значимость этого префикса в образовании РГ на данном этапе исторического развития немецкого языка еще весьма значительна (выявлено 55 РГ). Следует также отметить, что ряд РГ с этим префиксом в свн имели также параллельные образования, т.е. однокорневые беспрефиксальные и префиксальные РГ с другими приставками, которые постепенно их вытеснили и закрепились в нвн. Ср.:

(12) свн. *sich ge-mêren* ‘увеличиваться’ = свн. *sich mêren* ‘увеличиваться’ = нвн. *sich mehren* ‘увеличиваться’;

свн. *sich ge-recken* ‘вытянуться’ = свн. *sich recken* ‘вытянуться’ = нвн. *sich recken* ‘вытянуться’;

свн. *sich ge-reinen* ‘чиститься’ = свн. *sich reinegen/reinigen* ‘чиститься’ = нвн. *sich reinigen* ‘чиститься’;

свн. *sich ge-rihten* ‘выпрямиться’ = свн. *sich rihten* ‘выпрямиться’ = нвн. *sich richten* ‘выпрямиться’;

свн. *sich ge-scheiden* ‘разойтись’ = свн. *sich scheiden* ‘разойтись’ = нвн. *sich scheiden* ‘разойтись’;

свн *sich ge-rüeren* ‘шевелиться’ = свн *sich rüeren* (*ruoren*) ‘шевелиться’ = нвн. *sich rühren* ‘шевелиться’.

В средневерхненемецком языке реципрокальные РГ выражали взаимное значение, в частности, при помощи префикса *under-*, который имел значение “между, среди” (*sich under-küssen* ‘целоваться’, *sich under-slahen* ‘биться’, *sich under-dringen* ‘смешаться один с другим’). В современном немецком языке у префикса *unter-* реципрокальное значение уже не отмечено.

3. Количественный рост стандартных РГ в нвн период развития немецкого языка происходит не только благодаря увеличению префиксальных образований (см. выше п. 2.1), но и через активизацию отдельных глагольных суффиксов в течение переходного периода, в частности, суффикса *-ier(en)* и его расширенных вариантов *-isier(en)*, *-ifizier(en)*. Суффикс *-ier(en)*, заимствованный из французского языка в конце 12 века, встречается уже среди свн РГ, хотя их количество пока еще невелико (лишь 5 единиц) (*sich môvieren*, *sich ver-noijieren*, *sich regieren*, *sich formieren*, *sich aventieren*). Данный структурный тип РГ заметно увеличивается в нвн (свыше 100 ед.). РГ с суффиксами *-ier(en)*, *-isier(en)*, *-ifizier(en)* употребляются чаще в немецком разговорном языке (*sich kapricieren*, *sich blamieren*, *sich strapazieren*, *sich abfrottieren* и др.), реже они относятся к специальной терминологии и к сфере культуры (*sich reflektieren*, *sich polarisieren*, *sich emancipieren*, *sich amerikanisieren* и др.). Добавим, что в современном немецком языке эти суффиксы присоединяются как к заимствованной МО (*die Revanche* (фр.) → *sich revanchieren*, *die Kaprice* (фр.) → *sich kapricieren*), так и к исконно немецкой (германской) МО (*das Maul* → *sich vermaulieren*, *die Lust* → *sich erlustieren/verlustieren*).

В нвн период формируется структурный тип с участием префикса *ver-*, суффикса *-fach-*, которые присоединяются к именам числительным (*sich verdreifachen/vervierfachen/verzehnfachen* ‘увеличиваться в три/четыре/десять раз’ и т.п.).

4. В свн период формируются основные семантические группы и ряды РГ, а также смысловые оппозиции нереклексивных глаголов (НГ) и их РГ (см. табл. 1):

Таблица 1

Семантические группы отглагольных РГ в свн и нвн, (ед.)

№ п/п	Семантические группы РГ	Количество РГ	
		свн	нвн
1.	Собственно-рефлексивные и посессивные РГ	38,2% (343)	39,7% (660)
2.	Отказативные РГ	34,3% (308)	27,1% (450)
3.	Автоказативные РГ	15,8% (142)	23,5% (390)
4.	Реципрокальные РГ	7,1% (64)	7,8% (129)
	Всего:	95,4% (857)	98,1% (1629)

Данный процесс завершается в целом в нвн период и характеризуется такими чертами:

1) увеличением префиксальных моделей в сфере стандартных РГ (см. выше п. 2.1) и появлением среди них инновационных образований;

2) увеличением количества РГ с различными аспектуальными характеристиками глагольного действия („завершенность“, „начало“, „интенсивность“). Особенно

заметен рост декаузативных РГ, обозначающих изменение формы, цвета, размера, температуры объекта (*sich vergrößern/zerspalten/erhitzen/ verbessern/ verstärken/ verschlimmern* и др.) либо изменение состояния субъекта (*sich austoben/ausrasen/ abreagieren/ abregen/ aufheitern/ erheitern /entheitern/ beleben/ beunruhigen* и др.);

3) ростом синонимичных рядов РГ с различной семантикой, что, в свою очередь, обусловлено развитием префиксальных моделей и появлением РГ по аналогии. Так, смысловой ряд автокаузативных РГ со значением «незаметно уходить/исчезать», отмеченный в обоих периодах развития немецкого языка, пополняется в нвн префиксальными РГ с приставками *fort* - (7 ед.), *weg-* (5 ед.), *davon-* (3 ед.). Например:

- (13) *sich davonschleichen* = *sich wegschleichen* = *sich fortschleichen*;
sich davonmachen = *sich wegmachen* = *sich fortmachen*;
sich fortbegeben = *sich wegbegeben*;
sich davonstehlen = *sich wegstehlen*.

Особенно высокую продуктивность в современном немецком разговорном языке обнаруживают РГ данной семантики с префиксом *ver-*. В словаре «Wörterbuch der deutschen Umgangssprache» под ред. Х. Кюппера зарегистрировано свыше 20 РГ рассматриваемой семантики, большинство из которых являются нестандартными РГ, мотивированными беспрефиксальными глаголами либо существительными. Среди них много дериватов, образованных по аналогии. Так, по аналогии к отсубстантивному нестандартному РГ *sich verduften* разг. ‘незаметно уйти’ [11, с. 874] (← *der Duft* ‘запах’) в немецком разговорном языке образуются семантически сходные рефлексивные дериваты *sich vernebeln/verfätzen/verkäsen* [11, с. 882, 875, 878], а по аналогии к *sich verquetschen* разг. ‘незаметно уйти’ [11, с. 884] образовался синонимичный РГ *sich verdrücken* [9, с. 874]. Отдельные РГ анализируемой семантики имеют дублетные формы с модифицированной морфологической структурой, в которую входят суффиксы *-l-*, *-ier-*, *-isier-*, например: *sich verpissen* = *sich verpieseln* [11, с. 883]; *sich verdünnen* = *sich verdünnisieren* [11, с. 874]; *sich verkrümmeln* = *sich verkrümmeln* [11, с. 879, 880].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш.Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении [Текст] / Ш.Р. Басыров. – Донецк: ДонНУ, 2014. – 562 с.
2. Басыров Ш.Р. Немецкие рефлексивные глаголы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : защищена 22.04.1988 / Басыров Шамиль Рафаилович. - Ленинград, 1987. – 191 с.
3. Basyrow Sch. R. Die vergleichende Analyse der Reflexivverben im Mittelhochdeutschen und Neuhochdeutschen // Sch. R. Basyrow // Словообразование в средневерхненемецком языке: [сб. науч. тр.]. – Донецк, 1998. – Выпуск 1. – С. 10 -15.
4. Климов В.В. Диахронические и ареальные аспекты рефлексивации в современном немецком языке / В.В. Климов. - Калинин, 1986. – 84 с.
5. Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch in 3 Bänden / M. Lexer. – S.Hirzel – Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 1992. – Bd. 1. – 2262 S.; Bd. 2. – 2050 S.; Bd. 3. – 1226 S.
6. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Leipzig: S.Hirzel Verlag, 1969.– 406 S.
7. Deutsches Wörterbuch von G.Wahrig. – Leipzig: Mosaik Verlag, 1980. – 1493 S.
8. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache von Dr. H.Küpper. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH, 1987. – 989 S.
9. Большой немецко-русский словарь. Под руков. проф. О.И.Москальской. В двух томах. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 1 - 760 с.; Т. 2 - 656 с.
10. Deutsche Verben. 7. Verhältnis zum Reflexivpronomen. Kompositionsbildung zu Grundwörtern. Erich Mater. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 110 S.
11. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin: Akademie Verlag, 1969-1977. – Bd. 1 - 800 S.; Bd. 2-1600 S.; Bd. 3- 2412 S.; Bd. 4 - 3212 S.; Bd. 5 - 4012 S.; Bd. 6 - 4551 S.

12. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Mannheim – Wien - Zürich. 1970 – 1980. – Bd. 1 - 464 S.; Bd. 2 - 928 S.; Bd. 3 - 1408 S.; Bd. 4 - 1904 S.; Bd. 5 - 2432 S.; Bd. 6 - 2992 S.

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

**EVOLUTION OF REFLEXIVE VERBS IN THE GERMAN LANGUAGE: STRUCTURE
AND SEMANTICS**

Sh. R. Basyrov

The article considers standard reflexive verbs (RV) formed from motivating bases with the help of the reflexive element (RE) *sich*. Standard RVs are opposed to non-standard RVs, which are formed by means of simultaneous joining of a prefix and/or a suffix to the RE of a motivating base. The author compares those formations in Middle High German and New High German from the point of view of their structure and semantics, and singles out the common and distinctive features. The comparative analysis of standard and non-standard RVs in Middle High German and New High German is accompanied by the characteristics of the structural and semantic types singled out.

Key words: reflexive verbs, standard/non-standard reflexive verbs, verbs with a reflexive complex, a reflexive element, a motivating base.

Басыров Шамиль Рафаилович.

Доктор филологических наук, профессор
Донецкий национальный университет
Заведующий кафедрой теории и практики перевода
E-mail: schambar@yandex.ru

Basyrov Shamil Rafailovich

Doctor of Philology, Professor
Donetsk National University
Head of Theory and Practice of Translation Department
E-mail: schambar@yandex.ru

УДК 82.091+821.161.2

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ ИВАНА ЧЕНДЕЯ В КОНТЕКСТЕ «ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА»

© 2016. *Н.А. Белоконь*

В статье рассматриваются особенности формирования реализма на примере творчества Ивана Чендея, с учетом того, что в творчестве писателя переплетается несколько художественных тенденций, но преимущество отдано реализму. И. Чендею импонировали традиционные, классические особенности реализма. Именно в этом случае и пригодилась культурная самоидентификация, которая в единстве с избранным методом обусловила его мировоззренческие, художественно-эстетические поиски.

Ключевые слова: метод, реализм, типология, характерология, самоидентификация.

Эстетическая позиция И. Чендея определена восприятием различных художественных тенденций, которые так изысканно переплелись в творчестве писателя. Такие наслоения были характерны для литературного процесса конца 50-х – 60-х годов, хотя у каждого писателя, которые презентовали ту или иную национальную литературу, своеобразны. Критические и многочисленные научные публикации отмечали особенности стилевой манеры И. Чендея, оригинальность создания народного характера, жанровые поиски (Д. Дончик, Н. Жулинский, Г. Корабельников, В. Марко), но не затрагивали ключевого вопроса – об индивидуальном творческом методе писателя. Таким образом, не достаточная изученность вопроса в отечественном литературоведении обуславливает **актуальность исследования**.

Предметом исследования являются творческие поиски И. Чендея в контексте реализма.

В 1960-е годы когда произошла своеобразная революция в гуманитарной сфере, вследствие этого соцреалистический универсализм обесценился. Были и попытки его реанимации в виде научных конференций, «круглых столов», ответов на вопросы редколлегии известных изданий и других, к которым были попытки привлечения и И. Чендея, как например, это сделал журнал «Вопросы литературы» [1, с.10]. Литературный мир раскололся – с одной стороны те, кто не имел намерений пожертвовать «соцреалистическими завоеваниями», с другой – поколение, творчески переживающее «эру индивида», имело другую цель [2, с. 11]. На наш взгляд, это проявилось во взаимодействии творческих методов с кардинальным изменением понимания «метод», «творческое сознание». Первые шаги на этом пути в 1960-е годы зафиксированы в трехтомном издании «Теории литературы», в котором заявили о себе молодые ученые Г. Гачев, В. Кожин, С. Бочаров, чьи научные новации были сделаны под благотворным влиянием С. Сквозникова. В украинском литературоведении резонансным был выход работы М. Коцюбинской «Литература как искусство слова», где акцентировалось внимание на эстетическом и художественном смысле литературы, а не политический или идеологический. Но время «оттепели» изменилось стагнацией во всей гуманитарной сфере. Мысли об индивидуальных методах так и не получили нужного обоснования. К тому же, в 1970-1980-е гг. большинство писателей вынуждены были придерживать написанное до лучших времен.

В конце 1980-х – в начале 1990-х годов возвращение к проблеме метода происходит своеобразно – как желание окончательно развенчать соцреализм, что повлекло дискредитацию метода в многочисленных публикациях. Также в это время к

проблеме метода возвращаются исследователи. Так, А. Михайлов, известный теоретик и культуролог, компаративист и специалист по истории европейской литературы, актуализировал наиболее уязвимые вопросы метода, в частности, «возникновение метода в произведениях писателей разных исторических эпох», - на чем акцентировал Г. Поспелов [3, с. 14].

Цель нашей статьи – рассмотреть особенности эстетических поисков И. Чендея в контексте «проблемы реализма».

Синтез реализма и модернизма соответствовал пафосу прозы И. Чендея – сильной, резкой, с элементами сатиры. Его произведения продемонстрировали не только широту тематики и проблематики, но и жанровое разнообразие: новелла, рассказ, повесть, роман. Каких-либо жанровых модификаций писатель не создает, но каждое прозаическое произведение является свидетельством реалистически-модернистической жанровой интерференции.

Также необходимо отметить, что антропологическая стратегия И. Чендея имела достаточно сложное философское обоснование, в котором есть аспект сочетания несочетаемого. Речь идет о том, что индивидуальный творческий метод И. Чендея с соцреализмом никогда никаким образом не был связан, что характерно поколению писателей, пришедших в литературу в конце 50-х – в начале 60-х годов. Но предвзятость к соцреализму не помешала многим представителям легендарного поколения исповедовать социалистические и коммунистические идеалы. Ситуация формировалась таким образом, что развенчание культа личности Сталина на XX съезде партии повлекло достаточно неожиданную реакцию молодежи – углубленный интерес к политическим учениям, которые себя казалось бы скомпрометировали.

Достаточно сложной была ситуация и с И. Чендеем. В 1969 году его исключили из партии только за то, что он не отказался от тех произведений, которые были раскритикованы чиновниками. Сам писатель указывает на такую важную дату своего бытия: «З 1969 року для мене з партією уже все ясно» [4, с. 9], то есть он достаточно драматично пережил завершение «оттепели», чехословацкие события, но окончательно сам разорвал с компартией спустя десятилетия после позорного заседания горкома. Однако в интервью в 1991 году Н. Жулинскому И. Чендей озвучил мысль, глубоко осознанную: «Переконався остаточно: найпрекрасніший зі всіх засад у світі – засади соціалізму. Що може бути прекрасніше за вчення про комунізм...» [4, с. 9]. Это было озвучено в период, когда в коммунистических идеалах разочаровались даже ярые поклонники, кто когда-то называл себя «детьми XX съезда». Еще более убедительным становится в своих взглядах И. Чендей в 90-е годы, когда и государство распалось, и идеалы компартии были раскритикованы «Соціалістичні засади і нині я вважаю прекрасними» [4, с. 9]. Согласившись со своим оппонентом, что соцреализм не стал реальностью, а остался мечтой, И. Чендей отметил: «Але як ідеал – це велика справа. Що може бути прекрасніше за соціальну справедливість...» [4, с. 9]. Напрашивается вывод – социалистический идеал, по словам И. Чендея, нес в себе «рівність і чесність у розподілі набутого мозолями, розумом, талантом» [4, с. 9], был преломлен им в творческий и был тем измерением, с каким он подошел к созданию народного характера, формирования своей характерологией. Сам писатель был носителем этого идеала, в какой-то степени даже его воплощением. Отсюда возникают те высокие критерии и ответственность за духовное состояние народа, которую он взял на себя, что и повлекло противостояние писателю не только со стороны власти, но и так называемой «творческой интеллигенции» и деревенской общины, растущая бездуховность которой так волновала И. Чендея. По этому поводу он сознался: «Мені

здається, що я не був заласканий, тим паче на Закарпатті. Я завжди привітніше почував себе за межами області у Львові, Києві, навіть Москві. А найгірший огуді, як літератор, піддавався на сторінках закарпатської преси... Але мене так товкли на Закарпатті за "Терен цвіте", "Березневий сніг" та "Птахи полишають гнізда", що коли лунають оці похвали, тим паче з уст тих, які мене розносили, то в цьому є якийсь осад кривди, болю» [4, с. 6]. Особенно большим ударом для И. Чендея было открытое письмо его односельчан по поводу повести «Иван», в которой был создан образ «потворной постати» - активиста, председателя сельсовета, у которого был реальный прототип. Из воспоминаний И. Чендея ясно, что трагедию Ивана он пережил лично [4, с. 6]. Но односельчане не понимали позиции писателя, его переживаний. Хотя в защиту И. Чендея, как известно, стал Петро Панч своей позитивной рецензией на «Ивана», но сдержанность наступления оппозиционных сил было сложно, поскольку практика «открытых писем», направленных против писателей, была тем идеологическим приемом, который бил больно и метко. Так, после публикации повести «Вологодская свадьба» с такими неприглядными образами опьяневших жителей деревни, ее автор, известный писатель А. Яшин пережил обиды и унижения, что прозвучали в «открытом письме». Не менее болезненной была обструкция архангельского крестьянства, которую устроили именитому Ф. Абрамову только за то, что он посмел указать на очевидное: утрату человеческого достоинства и навыков сельскохозяйственных работ. Не всегда складывались отношения и у В. Шукшина с односельчанами, который как и Ф. Абрамов, подходил к созданию народно-национального характера с позиции идеалов народной социальной утопии. Эти идеи, как и социалистические И. Чендея, были не приняты общиной, переживавшей кризис. В этом, с нашей точки зрения, смысл драматической страницы бытия писателей шестидесятников.

Причастность И. Чендея к этому мощному антропологическому направлению очевидна. Его «другой мир», в котором он находился, представлял сплав геокulturности и знаковости философствования, где мышление, творческая мысль является этическим действием, а творческий метод – путем и поступком.

Не менее значимым в писательских размышлениях И. Чендея является акцент на особенностях своей работы в жанре новеллы. Как известно, в шестидесятые годы новелла переживала свою вторую жизнь и была актуальна в связи с переизданием произведений 20-х г. Критика тогда много писала о достижениях И. Чендея в этом жанре. Обратимся к работе В. Фащенко: «В усіх новелах збірки І.Чендея панує якась дотикова і зрима реальність слова. Про те, що діється з персонажем, він пише так, як відчуває селянин: плескати каміння, яке носить дід Василь до криниці, «кришить крижі, пече лютими жаринами в грудях» спантеличена неувагою лікарки Анни з «Дороги туди й назад» тільки хотіла щось сказати, як раптом захлинулася, «відразу з легка лоскотлива, потім лоскітна до щему і прикрого драпота звідкілясь взялась і попала нагально, невідступно»[5, с. 64]. Книга В. Фащенко с анализом новелл И. Чендея вышла в свет во второй половине 80-х, когда великая литература «шестидесятых» уже начала терять свой авторитет и тем значимее является мысль В. Фащенко о тонко подмеченной особенности творчества И. Чендея, крепкая укорененность в культуре и социуме Закарпатья.

Обратимся к очерку И. Чендея о Д. Вакарове, в котором особое внимание уделено анализу героя как определенного социального типа: «Тип цей взято не пересічно, не випадково, можна б сказати – автор вдався до узагальнення. Іван Прокуп – герой нарису – той, кого здавна ми на селі впізнали і належно оцінили за дотепність та розум, за вміння самому все важити і оцінювати. Соціальна гострота нарису неабияка. Перед

нами стоїть Іван, той самий Іван, що немало труднощів на його долю випало, котрому все приходило через мозолі. Можливо, саме тому Іван ніколи не ховався з своєю гіркою правдою, не оглядався, де її говорити, а де її ховати, тримати для одного тільки себе. Бо його правда була така, яку давала йому сіромашна доля – гірка і многотрудна, хоч завжди велика і праведна. Прокуп – герой нарису – обтяжений нелегкою щоденною працею, здавалось би, нічого в світі білому його не цікавить окрім кусня хліба та клопоту, в що одягнутися» [6, с.54]. И. Чендей в анализе сосредотачивает внимание на раскрытии формирования социального сознания жителей Закарпатья на основе восприятия «неравенства и несправедливости». Таким способом, объединяя вечные формы борьбы с господами-эксплуататорами, общественной ситуацией того времени, И. Чендей приходит к выводу о том, что «класова свідомість розуміння причин, що приводять до визиску та злидорування, завжди були передумовою суспільного характеру» [6, с. 54]. Вывод И. Чендея обобщающий о том, что образы богатырей не случайны: в них обобщено лучшее, чем и наделил крестьянские типы, которые представляли деревню. Такой поворот мысли, что от простого крестьянина идет характерологическая суть, что наследовалась, воплощалась в явных человеческих типах. Можно сказать, что это был настоящий характерологический клад для писателей и этим щедро воспользовался И. Чендей, указывая на источник вдохновения. И это то, что соответствовало тому подходу к реализму, который определила Т. Венедиктова, как генетический. Мысль об изучении крестьянских типов И. Чендей акцентировал в своих писательских размышлениях, рассказывая об особенностях своей творческой работы.

Вспоминая свой написанный первый рассказ «Історія з грішми», И. Чендей акцентировал, что «йшов до життя», од «реальної буденності факту, що його добре знав» [7, с. 50]. Тут писатель повествует о случае, который потом перерос в рассказ. Это был рассказ о том, как его дед продал корову, а деньги берег дома, которые были поедены мышами. В этом произведении было два литературных источника – фольклор и жизнь. Рассказ о своей работе в жанре новеллы, собственно и есть мастер классом писателя, де он рассказал о наиболее «интимных» страницах своей творческой работы. С такого интимного признания начинается рассказ: «новелу я люблю і глибоко шаную, бо дуже багато достоїнств у цього жанру красного письменства» [7, с.50]. Но для того, чтобы признаться в этом, И. Чендею пришлось пройти достаточно трудный путь познания того, что значит новелла. С муками и трудностями ему пришлось отказаться от первой книги, поскольку был достаточно требовательным к себе. Произведением, о котором он мог уже говорить, анализировать свое движение к мастерству, была книга новелл «Чайки летят на Схід» с одноименной новеллой. Вопросы, которые он задает себе, это и есть тот путь, который он прошел, а именно: «що навело мене на цю страшну новелу, про велику трагедію двох поколінь, про святу не правду і правду батька, про боротьбу поневолених гуженою. Що послужило поштовхом до задуму і написання? Як вистигала вона від імпульсу до здійснення на папері, що передувало задумові» [7, с.51]. Отвечая на этот вопрос, писатель заново переживает эту достаточно интимную ситуацию, но раскрывает их во всей полноте. Его рассказ построен на реальных фактах из жизни закарпатцев, но в тоже время эта история эстетизирована. То, что предшествовало замыслу, как реальному факту из жизни, уже передается в эстетизированном варианте, как неотъемлемой части повествования какого-либо исторического события, на что указывает К. Исупов. Еще один штрих к творческой работе И. Чендея - «я обмірковував плани, приглядався до матеріалу, готувався до роботи, ще достеменно і не знаючи, а що ж маю написати оповідання –

повість – драму?» [7, с.52]. «Проте зрозумілим було одне: «потрібен був час, досвід(!), головне, як розумію зараз, потрібен був найсильніший імпульс, поштовх, який заставив би згодом сісти за стіл». Імпульс прийшов несподівано, з неочікуваного боку. Під час відвідування закарпатського краєзнавчого музею, письменник побачив «прострелені кулями кишенькові хустки» з лаконічним написом, що «цими хустками були зав'язані очі партизан Уйфалушів, батька і сина, розстріляних на березі Тиси» [7, с.52]. Это и был тот самый давно ожидаемый импульс.

Творческий замысел работал достаточно интенсивно, он почувствовал и пережил это событие практически физически, но не фактически, не документально, а в художественно-образном воплощении. «Дума, що спліталася в туге плетиво і брала в невідступний полон...Я бачив самих героїв – батька і сина». Тут писатель понял – «новелла была написана». Именно новелла, а не повесть, роман или драма. И. Чендей передает то, как он чувствовал художественный смысл произведения, в какой последовательности это произошло: «вистигали образи, карбувався лад і ритм фрази, настрою, окреслювався пейзаж» [7, с.52]. Во всем этом есть одно уточнение: «од імпульсу, що зародив новелу, до написання самої новели, минуло півтора роки. Нова новела була написана за один присід протягом п'ятнадцяти хвилин» [7, с.52]. Только после этого И. Чендей переходит к рассказу о таких компонентах новеллы: стиль, метод, ключевые новеллы [7, с.52]. Если говорить о тех самых ключевых, то в этом случае у писателя решающая роль принадлежит детали.

От факта и реальной истории отталкивался И. Чендей, создавая новеллу «Сын», не конкретизируя какое количество времени прошло от замысла к написанию. Автор только акцентирует внимание на том, что шел долгой дорогой размышлений, построения сюжетов, построения характеров.

Обобщая свои переживания по поводу освоения жанра новеллы, И. Чендей приходит к выводам, что «якогось єдиного правила для творчості бути не може, майже кожен окремо взятий твір завжди має свою «історію», свій «життєпис» од задуму до появи на світ [7, с. 54]. Тут И. Чендей начинает удачное сравнение о том, что новеллист-рассказчик «здається мені схожим до дерева цитрини на яким одне квітне, інше зав'язується, поростає плодом, зеленіє і наливається соком, ще інше вже починає вистигати і набирати пахощів, золотавити неповторним кольором. І все водночас на однім живім дереві!» Тобто процес написання новели від задуму до виконання новели є безперервним, безперервно творчим, в якому переплітаються фактичні історії з їх художнім осмисленням, побудовою твору, живим осягненням її образів. При цьому наголошує І.Чендей процес вистигання спокійний, тобто це досить «складний процес у нього є своя психологія, своє життя, свої руйнівні сили» [7, с.54]. При этом он вспоминает о своих блокнотах с зарисовками, деталями, а завершает свои размышления И. Чендей тем, с чего начинал, что работа над новеллой, в его понимании, имеет свою особенность: «іде вона у мене од життя, завжди од спостереженого у житті факту, що звичайно, береться на крила фантазії, домислу та вимислу; що пропускається крізь збагачувальний апарат думки, обігривається емоціями, хвилюваннями серця» [7, с.55]. Это возвращение к исходной мысли о факте, его обосновании, об обживании факта творческой фантазии, который несет в себе все те импульсы генетического подхода к реализму.

Риторика многочисленных литературно-критических работ и научных исследований творческого наследия И. Чендея насыщена интересными наблюдениями о художественных открытиях писателя, но кроме всего демонстрирует обобщения, которые определены такими фразами типа «реалистическое мастерство», часто не

конкретизируются. А в работах постсоветского периода наблюдается тенденция избегания достаточно противоречивого вопроса, связанного с мировоззренческой позицией И. Чендея, с его, скажем без лишнего пафоса, склонностью к соцреалистическим канонам и творческой практикой, где воплощен не столько этот идеал, сколько народный характер, который был носителем всего наилучшего, сформированного культурой народа. Очевидно, что в творческом сознании И. Чендея все достижения народа в сфере морали, бытия соотносились с социалистическими идеалами, хотя в произведениях И. Чендея отсутствуют лозунги, штампы, слова-клише, партийная лексика.

Но в глаза бросается то, что никто из исследователей даже из тех, кто был единомышленником И. Чендея, никогда не называл эти достижения как соцреалистическими, независимо от того, когда в какое время были написаны эти работы советское или постсоветское. Как и не было попыток назвать И. Чендея «мастером соцреализма». За исключением единичного случая, когда журнал «Вопросы литературы», совершая попытку реанимировать угасающий метод, обратился с вопросом к известным писателям-критикам, по поводу выживания социалистического реализма. Происходило это в период оттепели, когда литература и искусство переживали подъем. И. Чендей дал ответ сдержанно и без пафоса, раскрывая цель и задачи реализма не столько такого, каким он был, или каким он на тот час реализовался, скорее каким его видел И. Чендей, исходя из оценки личного творчества. Будучи участником дискуссии, которую проводил журнал «Дружба народов», И. Чендей, исходя из личного опыта, раскрыл ключевые доминанты, явления, но не соцреализма, а реализма. При этом он акцентировал на том, что «отриманий скромний літературний досвід привів мене до твердого судження, що читача може торкнутися і зацікавити лише правдивий, хоча і суворий твір. Я, не вважаю, що ми досягли того рівня, коли у нас читають все і коли кожне явище в літературі викликає загальний інтерес» [8, с.260]. Показательным было то, что никто из участников круглого стола, среди которых С. Ханзадян, В. Распутин, В. Белов, Л. Теракопьян, А. Бучис, Ф. Левин – представители национальных республик, не затрагивали вопрос социалистического реализма, но И. Чендей поднял этот вопрос: «за своєю природою мистецтво соціалістичного реалізму є життєстверджуючим, воно завжди кличе до високої мети. Та відомо, що чим вище мета, тим важче до неї шлях. І коли про труднощі сказано відкрито, з усією прямою, без спроби прикрашати, без самовтішення, цим лише полегшується досягнення мети. Думаю, що якщо говорити про літературу, присвячену селу, мова може йти тільки про велику правду, про відкритість і хвилювання письменника, про його чесність і громадську мужність» [4, с.260-261]. Собственно перечисленные им качества в разных интерпретациях встречаются у тех, кто пытался убедить в преимуществах метода социалистического реализма. Но у И. Чендея слова о гражданском мужестве, честности, ответственности, прозвучали как глубоко выстраданная личная позиция. Эти слова были для писателя не данью времени. Когда от соцреализма отвернулись все, вычеркнули его из жизни, И. Чендей в разговоре с П. Скунцем, в ответе на вопросы уже постсоветского периода подтвердил, что он остался на своих позициях. Но тогда возникает вопрос об особенностях индивидуального метода писателя. Был ли это соцреализм, или речь идет о социалистических идеалах, как их понимал И. Чендей.

В конце 90-х годов М. Наенко один из первых семинаров, которые проходят ежегодно в КНУ им. Т.Г. Шевченко, посвятил реалистическому типу творчества, на котором мысли о реализме высказали ведущие литературоведы. При этом на семинаре

были достаточно противоречивые толкования реализма. Так Д. Затонский еще в 1992 году опубликовал исследование «Реалізм – це сумнів?», в котором высказал гипотезу о том, что реализма творчества не может быть. «Химерою він був, химерою і залишився» [9, с.16]. Основанием такого вывода послужило то, что один из принципов реализма – жизненная достоверность не воспринималась ученым. А тот принцип считали и считают синонимом реализма. Д. Затонский соглашался с тем, что в живописи и других видах искусства он может быть кстати, но это нельзя сказать о стихотворении, рассказе, романе, объясняя это тем, что названные формы принадлежат искусству слова. А искусство слово, по мнению ученого, не может достичь жизненной достоверности. Насколько противоположной была мысль о реализме, свидетельствует и то, что в 1997 году Д. Наливайко опубликовал научное исследование «Типологія українського реалізму на європейському тлі», в котором он не высказал сомнений о существовании реализма. В то же время Г. Грабович, к этому же филологическому семинару, своим докладом обозначил проблему существования реализма в искусстве. Ввиду того, что до этого о реализме в украинском литературоведении серьезных работ не было, ученые ориентировались на источники литературоведов России. На наш взгляд, особенного внимания заслуживают теоретические размышления М. Наенко, высказанные им в книге «Художня література України». Так, комментируя позицию Д. Затонского, его не восприятие реализма, в чем безусловно просматривается то, что ученый был авторитетнее в вопросах модернизма и это не могло не сказаться на его взглядах на реализм. Полемизуя с Д. Затонским, М. Наенко отметил, что «реализм» «не тотожний з натуралізмом», він змушує митців не копіювати дійсність, а всього лише життєподібнішим, правдивіше відтворювати» [10, с.338]. Вновь напрашивается соотношение с высказыванием И. Чендея во время заседания круглого стола в журнале «Дружба народов», когда писатель акцентировал один из важных принципов его индивидуального метода – правдивость. Но наиболее интересным в размышлениях М. Наенко о реализме было следующее: рух до *реальності* в мистецтві завжди був і залишається тільки прагненням, і винайдений термін реалізм став відбивати лише більшу міру того прагнення більшу ніж, скажімо, у представників *романтизму, класицизму* чи давніших типів творчості» [10, с.338]. Опять напрашивается соотношение с размышлениями И. Чендея о социалистических идеалах и его художественным воплощением. Вопрос о том, что движение к реальности – это только стремление, как на наш взгляд, наиболее соотносится, с художественной практикой И. Чендея и, одновременно, является одним из основных принципов реалистического типа творчества.

Таким образом, можно сказать, что И. Чендей, как приверженец догм реализма, был близок к проблемам общественным, психологическим, культурной детерминации, что в его произведениях получило признаки детерминации художественной. В своих героях он воплотил единство типичного и индивидуального, отрицая, как Ф. Достоевский, «казенный взгляд» на будни, отдавая предпочтение изображению ее онтологических глубин. Творческий подход И. Чендея воплотил черты генетического и прагматического (согласно Т. Венедиктовой) реализма: с одной стороны, писатель был охвачен идеей «правды жизни», а с другой – укоренял свою художественную реальность на культурной почве и тем самым открыл путь широкого литературного взаимодействия. За творческой манерой писателя просматривается его понимание реализма как проявления «новой европейской культуры» [11, с.192].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Художник и революция: (Предисловие редакции «Ответы деятеля советской литературы и искусства на анкету редакции журнала «Вопросы литературы») // Вопросы литературы. – 1967. – № 11. – С. 3-17.
2. Распутин В. Я ценю порядочность в человеке / В. Распутин // Неделя. – 1987. – № 9. – С. 7.
3. Пospelов Г. Н. Теория литературы / Г. Н. Пospelов. – М. : Высшая школа, 1978 – 351 с.
4. Скунець П. Патріархальний чи патріарх? Спроба прочитати Івана Чендея в рік його 80-ліття / П. Скунець // Дзвін. – 2002. – № 5-6. – С. 139-141.
5. Фашенко В. В. Герой і слово. Проблеми, характери і поетика радянської прози 80-х років / В. В. Фашенко. – К., 1986.
6. Чендей І. «Коли на ранок благословлялася» / І.Чендей. – Ужгород : Карпати, 1967. – 60 с.
7. Чендей І. Вибрані твори : В 2-х т. / І. Чендей. – К. : Дніпро, 1982, Т. 1. – 623 с.
8. Николаев А. Многогранность темы / А. Николаев // Дружба народов. – 1970. – № 9. – С. 247-273.
9. Затонський Д. Чи може існувати реалізм в мистецтві? / Д. Затонський // Філологічні семінари реалістичний тип творчості : теорія і сучасність. – Київ : Либідь, 1998. – С. 13-14.
10. Наєнко М. Художня література України. Від міфів до модерної реальності / М. Наєнко. – К. : Просвіта, 2012. – 1088 с.
11. Венедиктова Т. «Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века» / Т. Венедиктова // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000 / под. ред. Л. Г. Андреева. – Москва : ВШ, 2001. – С. 186-200.

Поступила в редакцію 29.09.2016 г.

IVAN CHENDEY'S AESTHETIC SEARCHES IN THE CONTEXT OF « PROBLEMS OF REALISM»

N.A. Belokon

This article focuses on the characterological searches and discoveries of Ivan Chendey in the context of realism as an individual creative method of the writer. The combination of ethnocentrism and common cultural approach to creating a literary character makes Chendey's talent unique. The realism in Ivan Chendey's publications is based on the geo-cultural material, cultural and literary archetypes.

Key words: geo-cultural material, realism, self-identification, a method, creativity.

Белоконь Наталия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков

Belokon Nataliya Anatolievna

Candidate of Philology, Associate Professor
Gorlovka Institute of Foreign Languages
e-mail: nataliya_3012@mail.ru

УДК 811.161.1'282.2

РЕГИОЛЕКТ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

© 2017. *И. А. Кудрейко*

В статье рассматриваются доминирующие определения понятия «региолект», анализируются факторы, влияющие на лингвистический портрет города, определяются характерные особенности языка города.

Ключевые слова: региолект, регионализм, региолектный вариант языка, лингвистический портрет города, язык города.

Постановка проблемы. В последнее время особое внимание лингвистов привлекает проблема варьирования русского языка как на территории России, так и за её пределами. Решение этой проблемы вызвало дискуссию: как называть тот или иной вариант русского национального языка?

Анализ последних исследований и публикаций. А.Н. Рудяков в своих работах предлагает термин «национальный (украинский / казахский и т.п.) вариант русского языка», аргументируя тем, что «мировой язык не может не порождать варианты, функционируя в разных странах в ситуации постоянного и активного взаимодействия» [2, с.5]. С этим высказыванием невозможно не согласиться, потому что развитие языка, удовлетворяющего коммуникативные потребности говорящих в различных регионах, странах, предполагает наличие его вариантов. Но насколько правомерно называть эти варианты национальными?

В сложившейся ситуации, на наш взгляд, особого внимания заслуживает позиция В.И. Теркулова, изложенная в работе «Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы». Ученый акцентирует, что «национальный язык, национальный вариант языка связаны не с онтологической реальностью, не опираются в первую очередь на абсолютизацию тех или иных собственно языковых черт того или иного диалекта, а представляют собой некую конвенцию – лингвальное объединение более или менее сходных диалектов, опирающееся не столько на эти сходства или различия, сколько на воплощенное в слове идентичное национальное самосознание носителей этих диалектов, отличное от национального самосознания носителей диалектов языковой метрополии. Отсутствие воплощенного в слове национального самосознания носителей русского языка в странах бывшего СССР, их самоосознание принадлежности к русской нации и не позволяет, по крайней мере, на данном этапе, говорить о возникновении местных национальных вариантов русского языка. Те языковые разновидности, которые функционируют на Украине, в Казахстане и т.д., могут быть определены сейчас только как региолекты единого русского национального языка» [7, с. 119].

О «вторичном» варьировании языка, о регионально окрашенном языке, субстратом которого являются местные говоры, пишет и французский лингвист Ф. Брюно (цит. по: [10, с.32]).

Следовательно, из двух терминов, активно употребляющихся на сегодня в лингвистике, более уместным является региолект.

Изложение основного материала исследования. В нашей работе определим значение термина «региолект» и основные параметры, по которым осуществляется социолингвистическое портретирование города.

Термин «региолект» в языкознании является относительно новым. Он возник как термин романской школы диалектологов во французском языкознании еще в середине XX в., а впервые в обиход российской науки был введен В.И. Трубинским в 1991 году [8, с. 157]. Продолжили разработку региолекта Е.А. Оглезнева, Л.А. Грузберг, Н.В. Хорошева и другие исследователи. В 1995 году А.С. Герд писал, что «выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории [1, с.13]. А.А. Сидоров под региолектом понимает совокупность особенностей по отношению к регионально немаркированной норме, которые наблюдаются в узусе географически ограниченного континуума [6, с. 3].

Е.В. Ерофеева видит в региолекте промежуточный идиом, который может проявлять в большей или меньшей степени черты «перемешанных в нем идиолектов». Исследовательница постулирует положение о двойственной природе языка города (язык города по сути может быть отождествлен с региолектом). Язык города гетерогенен, поскольку рождается «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение» (с одной стороны), но (с другой стороны) взаимодействие этих разнородных языковых образований «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» (т.е. региолекта) (цит. по: [5]).

Существует опыт рассмотрения региолекта в ряду эволюционных изменений языковых вариантов. При этом региолект понимается как особое языковое звено в группе переходных неустойчивых явлений. Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию «язык» [5].

В нашей работе рассматриваем региолект как особую форму национального языка, которая на территории с билингвальной / полилингвальной языковой ситуацией, претерпевает ряд изменений, обусловленных социальной базой, культурным весом, территориальными диалектами.

Таким образом, региолект – особая устно-разговорная форма национального языка, присущая определенному территориально-административному образованию, характеризующаяся лексическими, фонетическими (реже морфологическими и синтаксическими) особенностями, обусловленными совокупностью диалектов (территориальных, социальных, профессиональных) и разговорной речи, объединенными внутривидовым языковым единством.

Составляющими региолекта являются диалекты и разговорная речь. Ошибочно, на наш взгляд, включать в региолект просторечие, поскольку оно чаще всего рассматривается как отклонение от литературной языковой нормы. Однако элементы этой формы национального языка могут присутствовать в региолекте, если носят массовый характер употребления, а не фиксируются у малочисленной группы респондентов, являющихся носителями городского просторечия.

Региолект имеет отличительные особенности на различных языковых уровнях: на фонетическом – вариативные типы произношения (литературное / региональное), на лексическом – наличие жаргонных, диалектных, профессиональных синонимов,

параллельно функционирующих на исследуемой территории, на морфологическом – синонимические морфологические формы.

Активное употребление в научном обиходе термина «региолект» обусловило появление понятия «регионализм», под которым понимается единица языка того или иного региона, которая используется жителями вне зависимости от различных социальных факторов (пол, возраст, образование и т.п.) преимущественно в устной коммуникации, но также функционирует в текстах художественной литературы, региональных СМИ [3, с. 214].

Регионализм – речевой маркер, присущий членам языкового общества, проживающим на определенной территории, номинирующий региолектные реалии по социальному, профессиональному, территориальному, историческому признакам. Употребление регионализмов зависит, прежде всего, от языкового вкуса говорящего, желания коммуниканта выделиться, быть узнаваемым.

Исследования региолекта в отечественной лингвистике во многом смыкаются с комплексным изучением языка города, одним из основных аспектов которого является локальная (региональная) вариативность литературного языка, а также взаимодействие литературного языка и его «нелитературного» окружения (см. обзор: [9]). Именно региолект является той интегрирующей средой, которая накладывает отпечаток на функционирование других идиомов в городской речи.

Для характеристики региолекта на исследуемой территории необходимым является социолингвистическое портретирование городов исследуемого региона, позволяющее отразить его геополитическую, демографическую специфику.

Определение социолингвистического портрета города не является новым в лингвистической науке. Во второй половине XX в. активизировались исследования, направленные на изучение функционирования языка в сообществе его носителей для определения границ ареалов, коррелирующих с определенными языковыми образованиями. Стоит отметить, что первыми в этом направлении были работы таких ученых, как Б.А. Ларин, в трудах которого находим программу исследования языка города, В. Лабов, Делл Х. Хаймс, Р. Макдэвид мл. и др., которые исследовали язык города, пользуясь наработками диалектологов в изучении сельских диалектов.

Методы исследования. Методы диалектологов, социологов используются и в современной социолингвистике для определения влияния социальных факторов на язык (языки), распространенные на определенной территории.

Социолингвистический портрет города – метод, позволяющий с помощью языковых показателей социальных разновидностей в определенном обществе выявить коммуникативные, общественные функции языка (языков), которые являются знаковыми и значимыми в современной языковой ситуации на исследуемой территории [4, с. 6].

В разработке социолингвистического портрета города большое внимание уделяется использованию языка (языков) в массовой, публичной, общественной, личной коммуникации, в устной и письменной речи.

Значительную роль в исследовании языка города играют особенности структурности и структурированности населения, что является показателем современных миграционных процессов людей, направлений социальной политики и форм их экономической реализации. В этом аспекте важны демографическая типология городов и территориальное деление на новые / старые районы с однородным или смешанным населением, особенности социально-экономической сферы и образовательно-профессионального уровня.

Исторический фактор является одним из решающих в проявлении параметров социолингвистического портрета города, поскольку позволяет проследить диахронический срез языковой ситуации, возникшей на исследуемой территории, определить сильные / слабые позиции языка (языков), используемого теми или иными языковыми сообществами на определенной территории в течение длительного времени, установить основные концептуальные параметры, обусловившие проявление современной языковой ситуации.

К факторам, влияющим на социолингвистический портрет того или иного города, относятся: 1) географический аспект; 2) история заселения; 3) многонациональность; 4) социальный статус: рабочие, служащие, крестьяне; 5) сосуществования различных коллективных и возрастных групп; 6) корпоративные интересы, сфера контактов крупного, среднего, мелкого бизнеса; 7) соотношение центра и периферии, речевые приоритеты жителей; 8) язык образования в городе; 9) образовательный уровень: наличие училищ, техникумов, вузов, их филиалов; 10) расстояние от крупных городов; 11) информационный языковой фон: газеты, журналы, радио, телевидение; 12) развитие города; 13) наличие / отсутствие пополнения состава населения сезонными рабочими; 14) наличие или отсутствие билингвизма [4, с. 23].

Характеризовать язык города можно лишь тогда, когда непосредственно будет изучена лингвистическая среда, в которой сосуществуют литературный язык и все разновидности речи городского коллектива. Любая социальная группа сочетается общностью языка и речи, наличием, кроме индивидуально различных, одного общего языка, без которого невозможно существование определенной социальной группы. В городе сосуществуют разные социальные группы, каждая из которых отличается от другой «своими» речью и языком. И на этом этапе речь выступает как фактор социальной дифференциации.

Разнообразие языка города состоит: во-первых, в сосуществовании различных языковых групп; во-вторых, в неоднородности речевых предпочтений, свойственных каждой языковой группе.

Язык города – это языковое явление, которому присущи следующие характерные черты: а) в своей целостности не совпадает ни с литературным языком, ни с диалектами; б) своеобразие социальной основы и лингвистических признаков; в) изучение требует специальных научных методов.

Итак, характерной чертой языка города является взаимообусловленность двух и более языковых систем, которыми пользуется каждая социальная группа (соответственно индивид), который (индивид) одновременно принадлежит к нескольким разным коллективам. Каждый новый житель города попадает в ту или иную корпоративную группу, соответственно дифференцируется его статус, круг общения и над ним начинают тяготеть культурно-языковые приоритеты, которые в совокупности формируют региолект национального языка.

Выводы и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. Таким образом, региолект – особая устно-разговорная форма национального языка, функционирующая на определенной территории, сочетающая черты различных идиолектов.

Следует отметить: на современном этапе исследования региолекта актуальны. Что же касается полного описания региолекта русского национального языка с учетом всех формирующих его факторов на территории бывшего Советского Союза, где русский язык длительное время был языком межнационального общения, то эта задача является одной из перспективных в современной региональной лингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 488 с.
2. Георусистика. Первое приближение. Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антика, 2010. – 152 с.
3. Зварькина И.С. Способ номинации регионализмов Астраханского края / И.С. Зварькина // Вестник ИГЛУ, 2014. – № 2 (27). – С. 213 – 219.
4. Кудрейко І. О. Соціолінгвістичні портрети міст Донеччини : Монографія / І. О. Кудрейко. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. – 174 с.
5. Оглазнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е.А. Оглазнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 10. – Благовещенск АмГУ, 2013.
6. Сидоров А.А. Региональная лексика французского языка : происхождение, статус, функционирование и перспективы существования в региолектах и общенациональной языковой системе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Сидоров Антон Андреевич; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2008. – 166 с. : ил. РГБ ОД, 61:08-10/421
7. Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы / В.И. Теркулов // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2(28). – С. 117-120.
8. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков, 1991. – С. 156–162.
9. Хорошева Н.В. Язык города как объект исследований в русской и французской лингвистике // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Иностр. языки и литература», 2008.–Вып. 5 (21).– С.120–125.
10. Хорошева, Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32-36.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

REGIONAL DIALECT AS A SPECIAL FORM OF THE NATIONAL LANGUAGE FUNCTIONING

I.A. Kudreyko

In the article the author considers the dominant definitions of the notion “regional dialect“, analyzes the factors influencing the sociolinguistic portrait of the city, describes the characteristic features of the city language.

Keywords: a regional dialect, regionalism, a regional dialect as a language variant, sociolinguistic portrait of the city, language of the city.

Кудрейко Ирина Александровна

Кандидат филологических наук

Донецкий национальный университет

Заведующий кафедрой украинской филологии и прикладной лингвистики, доцент кафедры

Kudrejko Irina Alexandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor

Donetsk National University

Head of Ukrainian Philology and Applied Linguistics Department

E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 7.03:111.852

РОМАНТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ФУТУРИЗМА

© 2016. *Л.В. Лозовая*

Русский футуризм и романтизм, как художественные направления переходных эпох, имеют общие черты. В статье проводится сравнительный анализ смыслового наполнения таких эстетических категорий как творчество и искусство, исследуется понимание художника и его призвания в эстетике русского футуризма и эстетике романтизма.

Ключевые слова: футуризм, романтизм, творчество, художник, художественное воображение.

Русский футуризм отразил в художественной форме мироощущение человека начала XX века, когда в России происходили значительные социальные и экономические изменения. Русский футуризм выразил изменяющееся сознание эпохи и, находясь в авангарде современного искусства, переосмыслил с учётом новых мировоззренческих, гносеологических, научно-технических аспектов человеческого бытия основные эстетические категории, роль художника и искусства в преобразении мира

Публикации последних лет [см. 1- 5] были посвящены либо конкретным живописным и литературным направлениям (кубофутуризму, супрематизму, лучизму), либо общим вопросам идеологии, поэтики и эстетики русского футуризма. В них русский футуризм рассматривается изолированно, вне связи с другими художественными направлениями. Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть русский футуризм как явление переходного исторического периода, имеющее общие черты с романтизмом. Достижение цели предполагает решение следующих задач: провести сравнительный анализ смыслового наполнения таких категорий как творчество и искусство, исследовать понимание художника и его призвания в эстетике русского футуризма и эстетике романтизма.

Неудовлетворенность действительностью и несовпадение представлений о должном идеале с настоящей реальностью стало причиной преобладания в творчестве русских футуристов «не воспроизводящего, а пересоздающего жизнь начала» [6, с. 46]. Русский футуризм использовал романтический тип творчества, которому присуща свобода от стесняющих правил и утверждение определяющего значения творчества по отношению к жизни. Основой романтического типа творчества выступило свободное воображение, базирующегося не на изучении, обобщении и типизации объективной действительности, а на её интуитивном познании, которое всегда усиливается в переходные исторические периоды, когда один уклад жизни сменяется другим, когда привычный целостный образ мира разрушается и только интуиция становится путем постижения формирующихся закономерностей нового мира. Интуиция раскрывает новые стороны действительности, она уходит от общих понятий и стремится проникнуть внутрь конкретного, обнаруживая его новые свойства и вскрывая родство разных явлений. Интуитивное начало заставляет сознание видеть мир не поверхностно, а в его глубинных, часто неожиданных и неприемлемых для разума, связях. Русский футуризм признавал, что только интуиция способна к абсолютному творчеству (к творчеству, ушедшему от влияния природы), так как воспринимает действительность не

в виде реальных предметов и связей, а как материал для создания новых художественных форм.

Догматичности мёртвых традиций романтическое сознание противопоставляло живое творчество современности. Для романтического склада сознания характерно освобождение от поглощенности старыми, уходящими формами действительности, отжившими традициями и нормами, проявление критически-творческого отношения к ним. Романтическое искусство утверждало свободу идейных и художественных исканий, противостояло безжизненному академизму, повторяющему омертвевшие художественные каноны. В этом смысле футуристическое искусство было рождено современностью и противопоставляло себя признанному классическому искусству как искусство, созданное на основе языка новых форм. Русские футуристы не признавали абсолютных образцов и утверждали, что творить можно лишь формами, которые отвечают современным идеям и мыслям. «Двигаются и рождаются формы, и мы делаем всё новые и новые открытия. И то, что нами открыто, того не закрыть. И нелепо наше время вгонять в старые формы минувшего времени», - писал К. Малевич [7, с. 38].

Русские футуристы вслед за романтиками утверждали главенствующую роль воображения в акте творчества. Воображение определялось как сущностная творческая сила человека, как способность свободно и самопроизвольно творить новую реальность. Для многих романтиков характерно воображение, основанное на фантазии, рождающее ирреальность («потусторонние», «мистические» миры). Вождь иенской школы немецкого романтизма Ф. Шеллинг утверждал, что воображение художника творит автономно и способно создавать некоторое содержание, непосредственно заимствуя его из сверхчувственно-идеального космоса, не связанного с материальной действительностью. Русскому футуризму было присуще воображение, творящее на основе отображения. Художественное воображение футуристов опиралось на наблюдения и впечатления, которые художник черпал из реальной жизни, необычность же футуристических произведений (необычные композиции, формы, цветовые сочетания, рифмы, слова) была результатом нового видения и новых сочетаний, часто алогичных, элементов реальности.

В вопросе об отношении искусства к современности в романтизме разграничивают два течения. Одно можно охарактеризовать как туманно-мистическое, чуждое духу современности, пассивно-созерцательное и пессимистически настроенное. Второе - как действенно-активное, героически и патриотически-настроенное, оптимистически обращённое в будущее. Русский футуризм противопоставил пессимизму и мистицизму символистов стремление к преобразению действительности и оптимистическую приподнятость, был близок второму течению и особенно романтизму декабристов. Русский футуризм роднит с романтизмом декабристов устремленность в будущее и желание его приблизить. Будущее стало основой эстетических идеалов, которые связывались с желаемым переустройством человеческих отношений и общества. Надежды на счастливое будущее, стремление к лучшему придавали мироощущению декабристов и футуристов оптимистический характер, а мечта о будущем и стремление к идеалу становились побудительной силой к творческой деятельности.

В переходные эпохи, в периоды социальных сдвигов актуализируется и обостряется проблема свободы человека и его творческой деятельности. Футуризм с романтизмом сближает ориентация на искусство как на творческую деятельность, дающую возможность свободному проявлению духовных сил человека, признание за

художником права на свободу творческого воображения. Искусство невозможно вне творчества, оно является той единственной сферой, где человек в деятельности по призванию и вдохновению обретает свободу, которой лишен в общественной жизни, в быту, в труде. «Романтические произведения... неизменно овеяны духом свободы, самым различным образом понимаемой (свободы личной, общественной, мистифицированной)» [8, с. 83]. Романтики и футуристы рассматривали свободу и творчество как основную форму бытия человека в мире, что привело их к концепции активной личности, ответственной за судьбы мира, к концепции человека-творца, способного к свободному творчеству в широком смысле как к устройству жизни по гармоничным законам искусства. Только через свободу и творчество лежит путь человека к счастью, понимаемому романтиками и футуристами в плане созидания и преобразования, а не наслаждения и удовольствия.

Футуристы, как и романтики, уповали на действенность искусства. Им была присуща мечта о коренной переделке мира на основе эстетических проектов пересоздания общества. Но если многие романтики трактовали действенность искусства идеалистически как внедрение в сознание людей идеала, отсутствующего в жизни, и преобразование через человеческое сознание всего мира, то футуристы видели в искусстве силу, способную активно вторгаться в реальную жизнь и преобразовывать её по предлагаемым проектам. Многие романтики утверждали, что искусство должно создать (придумать) «идеальный мир», в котором человек ощутил бы себя счастливым. Идеалы романтиков имели характер неосуществимой мечты, в которой человек может лишь забыться, уйти от действительной жизни с её несовершенством, реальными трудностями и страданиями. Не найдя гармонии человеческого бытия во внешнем мире, романтики пытались найти и показать гармонию во внутреннем мире отдельной личности, передать всю полноту её внутренней жизни, вплоть до тончайших переживаний. Именно поэтому поэзия и музыка получили в романтизме наибольшее развитие. Романтики сходились на том, что активное воздействие искусства на общественный прогресс возможно лишь в нравственной сфере.

Футуристы провозглашали, что человек, раскрывающий себя как личность в художественном творчестве и обладающий развитыми способностями творить по законам красоты, должен стремиться к обновлению силою продуктивного воображения, к решению проблем реальной жизни с эстетических позиций. В глобальном масштабе эстетическое сознание футуризма, осмысливая мир в его несовершенстве, побуждало к активной деятельности, к перманентному творчеству и развитию не только в искусстве, но и в реальном мире В. Маяковский: «Помни ежедневно, / что ты / зодчий / и новых отношений / и новых любовей» [9, т. 8, с. 188]. В меньшем масштабе русский футуризм связывал действенность искусства с его выходом за рамки неутилитарности, с возможностью внести свои эстетические и художественные принципы в промышленное производство вещей. Искусство может эстетизировать предметы массового промышленного производства, если мастера «чистого искусства» сделают своё искусство прикладным. Благодаря этой идее футуристов возникла промышленная эстетика – эстетика создающейся вещи.

С действенностью искусства связана борьба футуризма и романтизма с «теорией подражания». Простое копирование природы осуждалось, так как искусство призвано не воссоздавать натуру, а изменять и пересоздавать её, чтобы воздействовать на мысли и чувства людей. Художник не должен копировать жизнь как равнодушный наблюдатель, а должен изменять её в соответствии со своими идеалами. Отсюда возвышение художника как исключительного существа, противостоящего обыденному

сознанию и здравому смыслу. Не случайно романтики с энтузиазмом восприняли учение Фихте об абсолютном «Я», творящем «не Я», а также его утверждение о несовершенстве реальности, т. е. «не Я». Однако романтики трактовали учение философа в направлении усиления субъективности, идентифицировав абсолютное «Я» Фихте с индивидуальным «Я» художника, который в их понимании становится равновеликим Богу. Шеллинг учил, что гений – «вечное понятие человека в боге» или «обитающее в человеке божественное». Художник обладает свободно конструирующим сознанием, и в этом смысле он представляет «образчик абсолютного бога» [10, с.162]. В субъективности усмотрел главную особенность эстетики романтиков и их великий современник Гегель: «Подлинным содержанием романтического служит абсолютная внутренняя жизнь, а соответствующей формой – духовная субъективность [...] В романтическом искусстве перед нами [...] два мира. С одной стороны, духовное царство, завершённое в себе [...] С другой стороны, перед нами царство внешнего как такового, освобождённого от прочного единства с духом; внешнее становится теперь целиком эмпирической действительностью, образ которой не затрагивает души» [11, с.232-241]. Абсолютизация индивидуальной свободы, признание несовершенства реальности сближает футуристов с романтиками, для них общим является углубление расхождения между познающим и творящим «Я» и костным «не Я», ставшим для художника экспериментальным строительным материалом.

Художник наделялся и романтиками, и футуристами повышенной интуицией, позволяющей ему прозревать будущее, быть пророком. Об этом писали романтики и футуристы. Ф. Шлегель: «Художник через современность связывает мир прошедший с миром будущего» [6, с. 169]. Новалис: «Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророчества» [6, с. 181]. Р. Вагнер: «Одному художнику доступно провидеть в образах мир, ещё не принявший своей определённой формы – силой своей творческой потребности наслаждаться ещё не сотворённым» [6, с. 169]. В. Хлебников: «Я расскажу, что я из будущего чую, / мои зачеловеческие сны» [12, с. 170]. В. Маяковский: «Я, / осмеянный у сегодняшнего племени, / вижу идущего через горы времени, / которого не видит никто» [9, т. 1, с. 173].

Однако в романтизме господствовало представление, что творящий художник подчиняется некоей силе, находящейся за пределами его личности, наделяющей его вдохновением и идеальным содержанием, которое он должен воплотить в художественную форму. В момент творчества художник не принадлежит себе, а является средством для проявления в мире высшей силы. Русский футуризм, напротив, рассматривал художника как активную, пересоздающую мир и себя личность, а не пассивно-созерцательного субъекта. Сущность художника усматривалась в деятельно-творческом начале, за художником признавалось право «творить из себя» новые художественные миры по собственному замыслу и в соответствии со своими идеалами.

Эстетические идеалы русских футуристов и романтиков не совпадали с теми идеалами, которые господствовали в общественном сознании современных им обществ. В силу этого возникло противоречие между личностью, устремленной к гармоническому миропорядку, и её порочным окружением. Этот конфликт в литературе отразился в виде отчуждения героя от его жизненной среды. Скитаются на чужбине Чайльд Гарольд Байрона, изгнан из общества Петер Шлемиль Шамиссо, брошены на произвол судьбы отверженные Гюго, мучается тоской всеми покинутый юноша в песнях Шуберта...и множество других романтических героев, живущих и страдающих вне своей общественной среды. В футуристической литературе конфликт

между личностью и обществом отразился в образе мудреца-отшельника Зангези, живущего в лесной глуши, в лирическом герое Маяковского, поэте-бунтаре, отвергаемом буржуазно-мещанским обществом, в хлебниковской теме отъединённости поэта, сравнивающего себя с «бабочкой, залетевшей в комнату человеческой жизни» [12, с. 440]. Образы обособившихся от общества людей были адекватны исторической ситуации освобождения человека от старых общественных связей, всегда имевших место в переломные периоды истории.

Подведём итоги:

- русский футуризм и романтизм, будучи явлениями переходных исторических эпох, выступили за освобождение от отживших традиций и норм, противопоставив им живое творчество современности;

- русский футуризм использовал романтический тип творчества, основой которого выступило свободное воображение, базирующееся на интуитивном познании действительности;

- интуитивное начало стало главным в творчестве романтиков и футуристов, оно позволяло воспринимать мир в глубинных связях, часто неуловимых для разума;

- русские футуристы и романтики, рассматривая свободу и творчество как основные формы бытия человека в мире, выдвинули концепцию активности художника, способного к творчеству в широком смысле как к устройству жизни по гармоничным законам искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авангард в культуре XX века (1900-1930гг.): Теория. История. Практика / под ред. Ю.Н. Гирина. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 600 с.
2. Бобринская Е.А. Русский авангард: границы искусства / Е.А. Бобринская. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 302 с.
3. Марков В.Ф. История русского футуризма / В.Ф. Марков. – Л.: Алетейя, 2012. – 439 с.
4. Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма: Проблема «жизнетворчества» / В. А. Сарычев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2012. – 218 с.
5. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика / И. Ю. Иванюшина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. – 310 с.
6. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. / В.В. Ванслов. – М.: Искусство, 1966. - 403 с.
7. Малевич К. Искусство дикаря и его принципы / К. Малевич // Собр. соч.: в 5 т. – М.: Гилея, 1995. - Т.1. – С.36-42.
8. Фохт У.Р. Некоторые вопросы теории романтизма. / У.Р. Фохт. // Проблемы романтизма: сб. ст. – М.: Искусство, 1971. – С. 300-321.
9. Маяковский В.В. Собр. соч.: в 13 т. / В.В. Маяковский. – М.: Гослитиздат, 1961.
10. Шеллинг Ф.В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. - М.: Мысль, 1966. - 496 с.
11. Гегель Г.В. Эстетика: в 4 т. Т.2 / Под ред. М. Лифшица. - М.: Искусство, 1969. – Т.2. – 326 с.
12. Хлебников В. Творения / В. Хлебников. – М.: Художественная литература, 1986. – 734 с.

Поступила в редакцию 23.11.2016 г.

ROMANTIC TENDENCIES OF RUSSIAN FUTURISM

L.V. Lozovaya

Russian futurism and romanticism as the art movements of transition periods have much in common. The article deals with a comparative analysis of such aesthetic categories as creativity and art. The author studies the role of the artist and artistic imagination in the aesthetics of Russian futurism and romanticism.

Key words: futurism, romanticism, creation, an artist, artistic imagination.

Лозовая Людмила Витальевна

Кандидат философских наук

Донецкий национальный университет

Старший преподаватель кафедры математической физики

Lozovaya Lyudmila Vitalievna

Candidate of Philosophy

Donetsk National University

Senior Lecturer of the Department of Mathematical Physics

E-mail: 1966llvllv@gmail.com

УДК 81:(047.1): (055)

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ФАКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2016. *Н. М. Стеценко*

В статье выделены и проиллюстрированы компоненты содержательно-фактуальной информации, которые используются в заголовках новостных медийных текстов вследствие реализации речевого воздействия через информирование: высокая степень клишированности; отсутствие дескриптивности; использование терминологии; широкое употребление имен собственных, количественных элементов, сегментированных конструкций; цитирование.

Ключевые слова: новостные медиатексты, речевое воздействие, клишированность, сегментированные конструкции, количественные.

Стремление к объективности и нейтральности излагаемой информации как функционально-жанровая особенность новостных (информационных) медийных текстов находит выражение в различных языковых средствах, которые подчеркивают дистанцию между личностью автора и публикуемым материалом (З. Вайшенберг, Ю. С. Воротникова, Ф. Т. Грозданов, Т. Г. Добросклонская, К. Д. Кирия, М. Л. Ковальчукова, А. В. Колесниченко, О. Р. Лащук, Ю. В. Шемелина и др.).

Констатация факта, которая является самым распространенным типом речевой деятельности в новостных медиатекстах [1, с. 297], реализуется посредством компонентов содержательно-фактуальной информации (точные данные о фактах, последовательности событий, их участниках, времени, месте действия и пр.) [2]. Поскольку новости в общем потоке медиаинформации всегда преобладают по объему над прочими жанровыми разновидностями текстов, а от корректности освещения фактологических данных в них зависит жизнь современного человека и общества в целом, *актуальным* заданием для медиалингвистики представляется исследование особенностей содержательно-фактуальной информации новостных медиатекстов в аспекте воздействия на читательскую аудиторию.

Объект нашего исследования – русскоязычные новостные медиатексты украинских печатных и электронных СМИ. *Предметом* исследования являются компоненты содержательно-фактуальной информации новостных медиатекстов украинских русскоязычных СМИ. *Цель* работы: исследование особенностей содержательно-фактуальной информации заголовков новостных медиатекстов в прагматическом аспекте.

Речевым воздействием в широком смысле называют любое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов [3, с. 3]. Исследователи утверждают, что воздействие присутствует в каждом акте коммуникации [4, с. 7]. Решением вопросов речевого воздействия в лингвистике занимается прагматика.

Исследования языка масс-медиа убедительно доказывают, что новостным медиатекстам воздействующий потенциал присущ в неменьшей степени, чем прочим жанровым разновидностям медиатекстов (Т. С. Дроняева, М. А. Ковальчукова, Н. Н. Панченко, Т. А. Присяжнюк, А. А. Негрышев, А. Ш. Сафаргалина,

С. И. Сметанина, О. О. Сподарец, Н. С. Цыбикова и др.). Так, в работах Т. С. Дроняевой проанализирована система экспрессивных средств в новостных (информационных) текстах [1]; С. И. Сметанина указывает на явления языковой игры в современных информационных материалах [5, с. 177]; интересны наблюдения над стратегией субъективации новостных медиатекстов, представленные в работах О. О. Сподарец [6, с. 3]; А. А. Негрышев в своих работах анализирует способы интерпретации информации в новостях [7] и пр. Такие аспекты исследования новостей (экспрессивизация изложения, явления языковой игры и др.) – следствие либерализации современных масс-медиа, которые используют в новостях средства, являющиеся строевыми элементами текстов иных жанров.

Более характерным и закономерным для новостного дискурса видом речевого воздействия, обусловленным канонами новостных жанров, является воздействие через информирование. Суть его состоит в сообщении адресату новых фактов действительности, истинность которых подчеркнута нейтральными языковыми средствами. Воздействие через информирование заключается в том, чтобы ввести в поле значений реципиента новые значения, сообщить ему такие новые знания о действительности, на основе которых он изменит свое поведение или свое отношение к этой действительности [8]. Так, в исследованиях Т. А. Присяжнюк подчеркнута, что новостные медиатексты характеризуются манипулятивной и ориентирующей функциями, которые присущи масс-медийному дискурсу в целом, поскольку, сообщая актуальную информацию, данные тексты реализуют цель информационного воздействия на массовую аудиторию [9, с. 206]. Таким образом, для изучения новостных медиатекстов понятие информирования целесообразно не противопоставлять воздействию, а рассматривать как один из его видов.

Заголовочная информация в новостном медийном тексте аккумулирует важнейшие элементы содержания, но ее выделение определяется субъективным мнением автора, который конструирует макроструктуру новостного содержания в зависимости от собственных убеждений [10].

Обобщив исследованные Е. Н. Комаровым характеристики фактуально-логической информации заголовков СМИ, обеспечивающие успешное инициирование процессов моделирования оценочно-поведенческих императивов у реципиентов [11], выделим и проиллюстрируем такие особенности содержательно-фактуальных заголовков новостных медиатекстов в аспекте речевого воздействия: высокая степень клишированности, отсутствие дескриптивности, использование терминологии, широкое употребление имен собственных, количественных элементов, сегментированных конструкций, цитирование.

Высокая степень клишированности. Этот признак называется главной особенностью новостных медиатекстов на лексикофразеологическом уровне, поскольку клише охватывают 30-40% от общего числа синтагматических единиц в новостях [12]. Среди них исследователи выделяют собственно клише (словосочетания, которые выступают в номинативной функции, например: *желтая пресса, волна подорожания, стихийное бедствие, политическое убежище*), узуально-клишированные словосочетания (которые характеризуются тематической соотнесенностью, например: *принять закон, закон определяет, в законе установлены, за нарушение предусмотрено*) и устойчивые коллокации (словосочетания, которые не проявляют явно обнаруживаемой тематической соотнесенности, например: *как сообщают компетентные источники, по состоянию на сегодняшний день, приносить прибыль и пр.*). Языковая стандартизация значительно облегчает реципиенту процессы восприятия

новостной информации: «Объявлен победитель президентских выборов в Польше» («Зеркало недели», 22.03.2013); «Янукович требует чрезвычайных мер для борьбы с непогодой» (УНИАН, 24.03.2013); «Рада отклонила закон о развитии производства и потреблении биотоплива» (Интерфакс, 21.03.2013).

Отсутствие дескриптивности. Заголовки в новостных медиатекстах не являются дескриптивными, то есть в основном лишены частных характеристик события и субъективной оценочности. Например: «Рада ратифицировала соглашение об упрощении визового режима с ЕС» («АиФ», 22.03.2013); «Россия готова обсуждать варианты поддержки Кипра» («День», 22.03.2013); «В Луганской области горела частная шахта» (УНИАН, 19.03.2013). Выраженные нейтральными языковыми средствами такие суждения коротко и точно передают суть новой информации. Концентрация фактического материала может делать необязательным сопровождение таких заголовков другими элементами заголовочного комплекса, которые могут отсутствовать или состоять только из лида. Например: «Оппозиция зарегистрировала резолюцию о недоверии правительству Азарова – Яценюк» (Интерфакс, 22.03.2013); «МАУ еще не возобновила полеты» (УНИАН, 24.03.2013). В некоторых случаях в фактуальных заголовках происходит опущение глагола-связки, которое способствует эффективности сообщения за счет концентрации слов: «Украинские паралимпийцы – на 2 месте в общем зачете Кубка мира» («День», 22.03.2013); «В Чернигове перебои с поставкой хлеба» («Укринформ», 23.03.2013).

Использование терминологии. Применение терминов в заголовке медиатекста имеет особое значение для восприятия новой информации. Будучи соотнесенными с различными тематическими концептосферами, данные лексические единицы координируют внимание реципиента, облегчая процесс восприятия новой информации и выполняют роль указателей отнесения информации к определенным медиатопикам, организующим поток информации СМИ [11]. Например: «ВАСУ к апрелю решит, будет ли рассматривать заявление Власенко» («День», 13.03.2013); «Рада ратифицировала соглашение с ЕС об упрощении визового режима» (УНИАН, 22.03.2013); «Главы МИД ЕС обсудят эмбарго на поставки оружия в Сирию» (Интерфакс, 23.03.2013). Использование автором заголовка аббревиатуры ВАСУ (Высший Апелляционный Суд Украины) позволяет реципиенту дефинировать соответствующую тематическую концептосферу – законодательство. Применение в заголовке одновременно двух и более терминов способствует более точному дефинированию реципиентом тематической концептосферы. Отметим в связи с данной особенностью концепцию использования и удовлетворения, которую выделяют исследователи Дж. Брайант, С. Томпсон, анализируя воздействие СМИ. Данная концепция заключается в том, что в силу индивидуальных различий между членами медиааудитории, каждый отдельный ее член отбирает для себя различные тематические новостные сообщения и по-разному на них реагирует, поскольку сама информация, получаемая из масс-медиа, – это лишь один из многих других социальных и психологических факторов, определяющих выбор со стороны потребителя [13, с. 87].

Широкое употребление имен собственных. Данная категория лексики участвует в установлении многочисленных интертекстуальных связей, удерживая внимание реципиента, а также является ключевым элементом новости в аспекте новостной ценности. В заголовочной позиции новостных медиатекстов имена собственные могут быть представлены:

1) именами известных людей (политических и государственных деятелей, ученых, писателей, спортсменов и т.д.): «Янукович, Коморовский и Адер присутствуют на

футбольном матче Польша – Украина в Варшаве» («Укринформ», 22.03.2013); «Герман попросила премьера больше не приглашать в Раду *Королевскую*» («Интерфакс», 22.03.2013);

2) названиями субъектов внешней и международной политики, экономической, культурной и других видов деятельности: «Президент ПАСЕ едет в Украину» («Укринформ», 22.03.2013); «Парламент ФРГ отклонил предложение о дополнительных выплатах бывшим узникам гетто» («Укринформ», 22.03.2013); «Премьер Ливана отправил правительство в отставку» («АиФ», 23.03.2013);

3) названиями географических объектов: «Из-за сильного снегопада Киев закрыли для грузовиков» («Зеркало недели», 22.03.2013); «Водителей, устроивших аварию в Днепропетровске, сегодня арестовали» («КП», 22.03.2013); «Встреча президентов Украины, Польши и Венгрии началась в Варшаве» («Укринформ», 22.03.2013);

4) названиями отечественных политических, государственных, общественных и других организаций и институтов: «Кабмин предлагает законодательно унормировать статус военных резервистов» («Интерфакс», 22.03.2013); «Укртелеком» повышает тарифы на проводное радиовещание» (УНИАН, 22.03.2013); «Рада прекратила депутатские полномочия министра Лебедева» («Интерфакс», 22.03.2013).

Широкое употребление количественных элементов. Категория количества, представленная в заголовках новостных медиатекстов словесным и цифровым способом, с одной стороны, всегда производит впечатление объективных и строгих фактов, а с другой стороны, обладает значительным прагматическим потенциалом. Согласно мнению И. Б. Голуб, количественная информация является важнейшим средством усиления экспрессивности речи. Исследователь отмечает: «Числительные, используемые в публицистике, подчас вызывают всплеск эмоций, выступая при этом в своем обычном (неметафорическом) значении... Мы небезразличны к статистическим данным, и нас волнуют сведения об увеличении или уменьшении налогов, показатели борьбы с преступностью, данные расследований террористических актов и т.п.» [14, с. 369]. Соглашаясь с этим мнением, С. И. Симакова в своих работах подчеркивает, что числовые данные в прессе «являются не только источником информации, но и источником воздействия на подсознание реципиента» [15, с. 636], поскольку «цифровые включения выполняют функцию маркеров, привлекающих внимание читателя и откладывающихся в его сознании, а сами объекты исчисления благодаря этому оказываются в сильной позиции и имеют преимущество при восприятии по сравнению с другими единицами текста» [16, с. 130]. Использование категории количества в заголовочной позиции активизирует внимание реципиента, а также служит для подтверждения достоверности факта, вынося на первый план количественные характеристики информации. Например: «Кабмин выделил почти 0,5 миллиона помощи пострадавшим участникам Майдана» (УНИАН, 29.09.2015); «Остаток средств на корреспондентских и транзитных счетах Украины по состоянию на 20 ноября увеличился на 80 млн грн» (УНН, 20.11.2015); «Эстонец выиграл в лотерею более 700 тысяч евро» («КП», 22.03.2013).

Сегментированные конструкции. Характерным для интернет-изданий является заголовок, состоящий из двух сегментов, разделенных двоеточием (тире). Один из сегментов такого заголовка традиционно содержит информацию об источнике полученной информации и тематически локализует внимание реципиента, направляя его на восприятие второго сегмента, являющегося носителем основной фактуальной информации: Например: «Эксперт: ЕС может принять сторону Украины в газовом конфликте с Россией» (УНИАН, 26.02.2013); «Крымский спикер: Нас раздражает

украинский язык» («Итоги недели», 08–14.02.2012); «Греко-католическая церковь созрела для патриархата, – Гузар» («День», 14.03.2013).

Цитирование медиаперсон. С целью подчеркивания документальности и точности информации автор новостного медиатекста прибегает к цитированию субъектов новостного события, а также использует ссылки на источники информации. Информация, представленная как дословное изложение высказывания медиаперсоны, обладает несомненным авторитетом для восприятия новостей. Факты, подкрепленные чьим-либо личным мнением, становятся более иллюстративны и доказательны для медиапотребителей. Например: «Лидер КНДР приказал превратить южнокорейские острова в «море огня» («День», 14.03.2013); «Азаров: Украина по уровню ВВП находится «где-то в 1980 году» («Зеркало недели», 21.03.2013); «Представительство ЕК в Украине «решительно осуждает» атаку топлес феминистки Шевченко на депутата Европарламента Брока» (Интерфакс, 22.03.2013).

Кроме того, ссылка на авторитет медиаперсоны позволяет автору использовать в цитате разнообразные стилистические фигуры. Поскольку зачастую для заголовка журналисты сокращают цитаты, пересказывают их в соответствии со своим коммуникативным намерением, в таком случае говорят о квазичитатах, в которых присутствует известная доля достоверности, но общий смысл трансформирован под углом зрения интерпретирующего события журналиста, а не собственно автора высказывания [17]. Подобные заголовки имеют дополнительный оценочный смысл. Например: 1) «Яценюк увидел начало выхода экономики из тени» (заголовок) «Экономика Украины начала выходить из тени благодаря снижению налогового давления в целом и ... Об этом сказал премьер-министр Украины...» (текст) (УНИАН, 16.02.2016, 17:15) (сфера-источник – фразеологизм *выйти из тени*). 2) «"Медовый" и "яичный" скандалы замешаны на политике – Павленко» (заголовок). «Я лично считаю, что заявления относительно яиц в Израиле и меда, который вывозился в Чехию, являются политически мотивированными», – сказал Павленко» (текст) (Укринформ, 26.01.2016, 11:33) (метафора *замесить скандал на политике*).

Таким образом, форма констатации факта, свойственная новостной информации из общественно-политической и социально-экономической сфер, на уровне заголовочной позиции медийного текста характеризуется рядом особенностей, обусловленных необходимостью закрепить в сознании реципиента уверенность в достоверности получаемых им сведений. Особое значение среди них имеют следующие: высокая степень клишированности, отсутствие дескриптивности, использование терминологии, широкое употребление имен собственных, квантитативных элементов, сегментированных конструкций, цитирование.

Компоненты содержательно-фактуальной информация в заголовке новостного медиатекста вследствие своей документальности, насыщенности, подчеркиваемой объективности изложения являются одним из способов реализуемого в новостном дискурсе воздействия, сущность которого определяется как воздействие через информирование. Каждый из компонентов содержательно-фактуальной информации новостного медийного текста может стать самостоятельным объектом для более глубокого изучения специфики новостей в динамическом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дроняева Т. С. Информационный подстиль / Т. С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / ред. М. Н. Володина. М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 290–317.
2. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской, А. К. Михальской. М. : Флинта, Наука, 1998. – 113 с.

3. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1990. – 136 с.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
5. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.) / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
6. Сподарец О. О. Поликодовость как ключ к новостному политическому медиатексту / О. О. Сподарец // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1(35). – С. 171-176.
7. Негрышев А. А. Стандарт и экспрессия в новостном медиатексте: к прагматике композиционной структуры / А. А. Негрышев // Меди@льманах. – 2013. – №2 (55). – С. 40–45.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
9. Присяжнюк Т. А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений / Т. А. Присяжнюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – №.2. – С. 205–207.
10. Дейк ван Т. Структура новостей в прессе / Т. ван Дейк [пер. с англ. С. Ю. Медведевой] // Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 228–267.
11. Комаров Е. Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: дисс. ... канд. филол.: 10.02.20 / Е. Н. Комаров. – Волгоград, 2003. – 210 с.
12. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – Москва: Флинта. – 2008. – 202 с.
13. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон [пер. с англ. В. В. Кулеба, Я. А. Лебедева]. – М. : Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
14. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448с.
15. Симакова С. И. Цифровой контент печатных СМИ и современное общество / С. И. Симакова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – №6(2). – С. 633– 637.
16. Симакова С. И. Цифра в газетном тексте (на примере рекламно-информационной газеты «Интересное предложение») / С. И. Симакова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – Вып 48. Филология. Искусствоведение. – 2010. – №32 (213). – С. 128–131.
17. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М. Н. Володиной. – М. : МГУ, 2003. – С. 269-289.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

FEATURES OF THE CONTENT-FACTUAL INFORMATION IN THE HEADLINES OF THE NEWS MEDIA TEXTS: PRAGMATIC ASPECT

N. M. Stetsenko

The article identifies and illustrates the components of the content-factual information used in the headlines of the news media texts as a part of verbal influence: clichéd character; lack of descriptivity; use of terminology; use of proper names, quantitative elements, segmented structures; citation.

Key words: news media texts, speech effects, a cliché, a segmented construction, a quantitative element.

Стеценко Надежда Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент
Донецкий национальный технический университет

Stetsenko Nadezhda Mikhailovna

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National Technical University
E-mail: stecenkon@ukr.net

УДК 811.161.1

СЛЕНГОВЫЕ И ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ОБОРОТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО

© 2016. М. С. Ястребов-Пестрицкий

Сленговые лексические единицы, как и эвфемизмы, выступая в качестве средств выразительности поэтического языка, реляционно связаны с метафорой, нередко входят в состав развёрнутой метафоры. В жаргоне семантическое переосмысление чаще всего обусловлено нежеланием использовать то или иное слово по причине его понятности. Ассоциации, сразу возникающие при сопоставлении сленговых и литературных лексем, обычно не отражают сущности исследуемых категорий: метафоры, метонимии, эвфемизма, так как сущность сленга – это зашифрованность, а не художественность, в отличие от метафоры. Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни.

Ключевые слова: сленг; эвфемизм; конситуация; поэтическая метафора; языковая традиция.

Метафора и её модификации часто выступают в структуре поэтического текста в качестве «средства сегментной связи» [1, с. 10], иногда образуя характерный «рамочный повтор» [2, с. 37]. Сленговые лексические единицы, как и эвфемизмы, выступая в качестве средств выразительности поэтического языка, реляционно связаны с метафорой, нередко входят в состав развёрнутой метафоры.

Сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного лексикона в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определённого настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, образности, а также чтобы избежать штампов, клише. Например, как в следующем двустишии И. Сельвинского:

*Они прошибали запах сивухи,
Все эти паузы, синкопы, ключи* [3, с. 12].

Передача определённого настроения говорящего, придание высказыванию конкретности, образности, отход от штампов, клише достигаются и использованием таких стилистических средств, как метафора (ср. у Т.К. Честертон: «All slang is metaphor»), метонимия, синекдоха, литота, эвфемизм [4, 9-10].

В жаргоне семантическое переосмысление чаще всего обусловлено нежеланием, т.е. запретом использовать то или иное слово по причине его понятности; в отличие от профессиональных диалектов, где метафоризация является основным способом словообразования, семантическое переосмысление в сленге обусловлено обычно стремлением к конкретности и к многообразию выражения [4, с. 19].

*Они прошибали запах сивухи,
Все эти паузы, синкопы, ключи* [3, с. 12].

Теперь в этом же фрагменте рассматриваем вторую строку. В ней конкретность и многообразие выражения (речь идёт о публичном чтении стихов поэтом-чтецом) достигается использованием профессионализмов, относящихся к речи музыкантов, в метафорическом контексте.

Ассоциации, которые сразу приходят в голову при сопоставлении сленговых и литературных лексем, обычно не отражают сущности исследуемых категорий:

метафоры, метонимии, эвфемизма, так как сущность сленга – это зашифрованность, а не художественность, в отличие от метафоры. Пример из «Путешествия по Камчатке»:

В месяц тышшу рублёв *намелю* [3, с. 20].

С. Наровчатов привёл яркий пример создания его однокурсником индивидуально-авторского эвфемизма с опорой на прецедентный текст (рассказ Пушкина о визите Державина в Лицей): «... нам, студентам первого курса МИФЛИ, державшим в хмурый январский день экзамен по литературоведению, рассказ А.С. Пушкина был хорошо знаком. Экзамен мы держали перед самым Дм. Ник. Ушаковым. В числе прочих вопросов, которые он задавал экзаменуемым, были: метафоры, метонимии, синонимы и эвфемизмы. Многие пугались, знания были ещё нетвёрдыми. Дмитрий Николаевич хмурился, позванивал ложечкой в стакане с крепким чаем. Вдруг один из нас, совсем не ко времени попросился выйти. «Куда это вам понадобилось?» – с некоторым уже раздражением спросил профессор. «К Державину», – ответил студент. «К Державину?! – хмурые черты прояснились. – Вы что, сознательно употребляете такое странное выражение?» – «Да, профессор, я употребил эвфемизм, чтобы прикрыть им одно неприглядное слово и стоящее за ним понятие». – «Давайте свой матрикул», – рассмеялся Ушаков» [5, с. 86].

Иногда в лингвистике противопоставляют понятия **эвфемии** (термин введён В.П. Москвиным) и тропики. Б.А. Ларин, признавая тот факт, что по семантической структуре эвфемизмы являются разновидностями тропа (метафоры, метонимии, синекдохи и др.), полагает, что эти понятия различаются в сфере применения. «Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни» [6, с. 110].

Ср., например, метонимию у Сельвинского:

Встаёт председатель. *Камчаткой оброс*,
Глядит угодничком на посадях [3, с. 11].

В данном выражении метонимия – это словоформа *Камчаткой*, потому что он (председатель) *оброс* (метафорически) не самим полуостровом, а камчатскими обычаями, укладом, бытом.

Быт... Бывало, сквозь детские визги

Окаتيش *тяжесть усталого лба* [3, с. 11].

Здесь мы видим метафорическую номинацию. Говоря о такой сравнительно небольшой части тела, как лоб, лирический герой сообщает о своём общем физическом и моральном состоянии. Метафорическая номинация позволяет это сделать в краткой, ёмкой и образной форме. Признаки же эвфемии мы можем констатировать в предыдущем двустишии, где глагольная форма *оброс*, предидирующая *председателя*, имеет в своём коннотационном наборе и отрицательную коннотацию (хотя и умеренно отрицательную), т.к. председатель *оброс* всеми характерными чертами и свойствами камчатского уклада, в т.ч. местными социальными особенностями, которые обычно порицаются и осуждаются. Не случайно в том же двустишии И. Сельвинский иронично применяет творительный сравнения с диминутивной аффиксацией: *угодничком*.

Далее в двустишии:

Там посидеть, покурить, покалякать,
Послушать баяна, сходить в кино [3, с. 20].

- поэт употребляет синекдоху, то есть упоминание музыкального инструмента в значении мелодии, исполненной на нём.

«Прут сюда люди за *длинным рублём*», –
Только и звону: рублики [3, с. 10]

- в данном фрагменте имеет место синекдоха: использование единственного числа в значении множественного.

Сельвинский использует книжные слова и выражения для эвфемизации:

Броди по улицам да жалейся

В роли *нео-Печорина* [3, с. 9].

Пастух на коне – прямой *конквистадор* –

В чёрной маске от мошкары [3, с. 10].

«Юность» – мимо, «Рапорт» – мимо,

Мимо – страдания молодого бобра [3, с. 11];

использование иноязычных слов тоже не чуждо автору:

Он открывает камчатский том

Не для того, чтобы высчитать «*бизнес*» [3, с. 20].

И. Сельвинский даёт это существительное в кавычках, как ещё не полностью вошедшее в язык его эпохи. В нём, кроме того, присутствует коннотация ‘буржуазность’, ‘иностранность’, как и в нижеприведённом двустишии.

Он шумно качается в вое, в буре...

(*Агент* подсчитал уже *фрагт*) [3, с. 7].

Такой приём, как замена конкретного названия именованим соответствующего родового понятия, - тоже имеет место в числе прочих средств выразительности у И. Сельвинского:

Вылезло стадом *нечто тюленье*.

Лают, плещутся, рядом идут [3, с. 9].

«Нечто тюленье» – родовое понятие вместо видового (что именно тюлень?).

В следующем фрагменте мы видим пример эвфемистического эллипсиса.

И снова штиль. А сзади мчатся,

Орут и *кроют* в сотни ртов [3, с. 8].

Переходный глагол *кроют* употреблён безобъектно, то есть не указано, кого именно кроют. Кроме того, глагол, требующий дополнения в форме творительного падежа, употреблён в соответствии с языковой традицией в качестве эвфемизма (вместо *кроют матом*).

Приведём пример эвфемистического мейозиса:

Нет, не она моей музы гордость.

Не из алмазного фонда она [3, с. 12].

Лирический герой через отрицание положительных фактов и оценок даёт понять, что он невысокого мнения о данном произведении, которое как раз подходит по ситуации лучше всего.

В.П. Москвин, противопоставляя понятия эвфемии и тропики, пишет: «Эвфемизм является средством зашифровки, поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию. Метафора *уйти из жизни* является эвфемистической; метафора *уснуть последним сном*, которая приводится в качестве примера эвфемизма в словаре С.И. Ожегова, является поэтическим тропом. Ср. подстановку указанных метафор:

1. в контексте некролога – *ушёл из жизни* (ср.: **уснул последним сном*);

2. в контексте лирического стихотворения – *уснул последним сном* (ср.: **ушёл из жизни*)» [7, 15-16].

Различные способы образования эвфемизмов на материале английского и русского языков приводятся в статье Е.И. Шейгал [8, с. 47-49]: метафора, метонимия,

«сужение значения», использование дейктиков и слов широкой семантики. В.П. Москвин, обобщая опыт отечественных и зарубежных классификаций, предложил **мотивационную классификацию эвфемизмов**. Учёный выделяет следующие виды эвфемизации по способу образования: метонимическая номинация, метафорическая номинация, использование синекдохи, прономинализация, паронимическая замена, аббревиация, использование книжных слов и выражений, использование иноязычных слов, замена слова именованим соответствующего родового понятия, перифразирование, антономасия (замена существительного определением, называющим отличительную особенность объекта, - например, *лукавый*), перенесение с вида на вид (*гурман* вм. *обжора*), замена словом, выражающим неполноту действия или слабую степень свойства, эллипсис (безобъектное употребление переходных глаголов) [7, с. 58].

Приведём пример из «Путешествия по Камчатке» И. Сельвинского:

Здесь учрежденцы как бюсты в нише,

Здесь вообще большевистский темп... [3, с. 8].

Это – эвфемизм с ироническим подтекстом. По способу образования это метафорическая номинация.

В другой своей работе В.П. Москвин [9, с. 64-67] подразделяет приёмы эвфемизации на четыре разряда, т.е. подаёт их в виде классификации:

1. Эвфемизация на основе нарочито двусмысленной речи (метонимия, метафора, антифразис, паронимическая замена). У И. Сельвинского находим подходящий пример:

Чтобы рабочий класс Камчатки

Не был «камчаткой» в рабочем классе [3, с. 20].

Здесь мы видим метафору с интенцией эвфемизации. Автор прибегает к такому приёму, чтобы не говорить о том, что рабочий класс, пролетариат Камчатки не имеет тех преимуществ, которые имеют рабочие других, более тёплых и приближённых к центру регионов, не пользуется вниманием властей и сам живёт своей жизнью, отдалённой от жизни страны, как школьные хулиганы на последних партах. Подтекст данного гипотетива заключается в том, чтобы пролетариат Камчатки не «плёлся в хвосте». Поскольку здесь сопоставляются Камчатка как полуостров и «камчатка» как ученики задних рядов, не участвующие полноценно в учебном процессе, можно приравнять такой каламбурный оборот к паронимической замене.

2. Эвфемизация на основе нарочитой неясности (при том условии, что она полностью снимается контекстом либо конситуацией): прономинализация, замена слов именованим соответствующего родового понятия, антономасия, эллипсис, искусственная книжность. Пример из «Путешествия по Камчатке»:

Иной, под стать молодым панычам,

Кое-как курится понемногу,

Но по ночам... Увы, по ночам

Они уж давно *ничего* не могут [3, с. 17].

Здесь метафора, приравнивающая вулканы к мужчинам, намёк на потенцию (*по ночам... ничего не могут*) дан именно в виде эвфемистической замены, **прономинализации**. Эффект усиливается, кроме того, метафорическим эпитетом *старички*:

Рядом с ней храпят *старички*:

«Толбачик», «Шивёлуч», «Иван Теодорыч».

Этим вулканам бы гроб, да очки,

Да кое-какую пенсешку на хворость [3, с. 17].

Ещё один пример:

Мне не к лицу быть *старушкой в избушке*,

Но как-то невольно вспомнился Пушкин [3, с. 19].

Здесь поэт нарочито неясно выражается. Неясность снимается конситуацией.

3. Эвфемистическая зашифровка на основе намеренно неточной речи (перенесение с вида на вид, синекдоха, мейозис). У И. Сельвинского:

«Ага. Ну, как на Камчатке?»

«Что ж, сынок: *от сумы да тюрьмы...*»

«Плохо?» — «Да уж *не сладко*» [3, с. 18].

В данном фрагменте мы видим эллипсис (незавершённая поговорка, ср. предыдущий приём эвфемизации) и мейозис (*не сладко* вместо *плохо*).

4. Использование в качестве эвфемизмов прямого обозначения предмета речи (книжные слова и выражения; иноязычные слова, не освоенные языком). Снова находим пример из произведения И. Сельвинского:

Так вырастают на Дальнем Востоке

Деклассированные слои [3, с. 20].

В данном фрагменте морфологически калькированное заимствование *деклассированные* призвано эвфемистически заменить более прямые обозначения: *никому не нужные, классово чуждые, подлежащие уничтожению* и т.п. В эвфемистическом выражении *вырастают деклассированные слои* переход значения денотата осуществляется из семантической сферы «люди» - в семантическую сферу «абстракция». Употреблённое здесь страдательное причастие – политический термин 1920 - 30-х гг. (= *не отнесённый ни к какому классу общества*); существительное *слои* – со значением отвлечения.

Итак, в метафорических выражениях И. Сельвинского мы отмечаем обилие разговорных лексем, вплоть до сленговых.

Специфика построения метафор даёт читателю представление об особенностях авторского восприятия явлений действительности, об авторском **идиостиле**. Индивидуально-авторские метафоры, становясь достоянием литературного языка, расширяют его поэтические резервы, обогащают поэтику.

Сленговые лексемы, эвфемизмы, метафорические эпитеты могут переплетаться друг с другом, создавая развёрнутые метафорические конструкции, которые, в свою очередь, могут усложняться вставными словами и конструкциями, усиливаться детерминирующими компонентами, состоять из двух и более компонентов (в т.ч. сленговых и эвфемистических).

Анализируя метафоры и, отчасти, другие семантические явления, мы выявляем особенности поэтического языка данного автора; мы можем судить о соотношении фактов употребления лексики в художественной речи И. Сельвинского с явлениями литературной нормы его эпохи. Языковой анализ метафор и смежных феноменов в произведении И.Л. Сельвинского «Путешествие по Камчатке» показывает функционирование метафоры и её составляющих в тексте, обосновывает значение метафоры для текста в целом, также способствует исследованию метафоры в аспекте стилистики художественной речи и лингвистического анализа текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дресслер. А. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 6-11.
2. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – Л.: 1979, 411 с.

3. Сельвинский И.Л. Путешествие по Камчатке. Поэтический очерк // Сельвинский И.Л. Собрание сочинений в 6 тт. Том четвёртый. – М.: «Худож. лит.», 1973, с. 5-22.
4. Маковский М.М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – М.: «Высшая школа», 1982, 136 с.
5. Наровчатов С. Необычное литературоведение. – М.: 1981, 360 с.
6. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Учёные записки ЛГУ. – Серия филологических наук, Л.: 1961, вып. 60, № 301, с. 110-117.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград: 1999, 256 с.
8. Шейгал Е.И. Эвфемизм и ирония в политическом тексте // Филология – Philologica. – Краснодар: 1997, № 11, с. 47-49.
9. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. // ВЯ, 2001, № 3. – С. 58-70.

Поступила в редакцию 29.09.2016 г.

**SLANG AND EUPHEMISTIC SPEECH PATTERNS IN I. SELVINSKY'S POETIC METAPHOR
(on the material of the poetic essay "A Journey across Kamchatka").**

M.S. Yastrebov-Pestritskiy

Slang words and euphemisms as expressive means of poetic language are related to a metaphor and often function as parts of an extended metaphor. Jargon words are not used in the poetic discourse in their literary meaning and thus undergo semantic transformations. The comparison of slang and literary vocabulary proves that associations involved in this type of semantic change are not typical of metaphoric, metonymic or euphemistic mechanism. It can be accounted for by the main function of slang, which is coding and not artistry. Euphemisms are resorted to in the poetic language as expressive means aimed at concealing unattractive aspects of life.

Key words: slang, a euphemism, consituation, a poetic metaphor, language tradition.

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич
Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ)
Ведущий специалист

Yastrebov-Pestritskiy Mikhail Sergeevich
Scientific Library of the State Archive
of the Russian Federation (SARF SL)
Leading specialist

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.091.2:321.013:34.038

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ

© 2017 г. С. Н. Кобзова

В статье представлен процесс организации и проведения практической подготовки студентов высших учебных заведений на территориях с неопределенным правовым статусом; отдельное внимание уделено основным разделам Положения «О порядке проведения практики студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко»; сформулированы проблемы высших учебных заведений непризнанных государственных образований, связанные с организацией различных видов практик обучающихся, и пути их решения.

Ключевые слова: практика; практическая подготовка; нормативно-правовое обеспечение; территории с неопределенным правовым статусом.

Практическая подготовка – это важнейшая составляющая содержания профессионального образования. Вместе с тем практика является самостоятельным, основоопределяющим, в основных своих задачах общим для всех специальностей в независимости от сферы профессиональной деятельности направлением подготовки будущего специалиста. Однако, организация практической подготовки студентов в вузах непризнанных государств представляет собой относительно новый феномен, изучение которого осложняет политизация темы. При этом международные тенденции использования в практике новых форм межгосударственного сотрудничества в сфере образования в совокупности со складывающимися условиями развития отечественной государственности, в которых оказываются вузы непризнанных государственных образований, почти всегда обуславливают необходимость обновления содержания научной и учебно-методической работы высшей школы.

Целесообразно отметить, что определение места и роли практики в системе профессиональной подготовки специалистов, в первую очередь учителей, нашло отражение в трудах известных педагогов, философов, общественных деятелей XIX – начала XX века, таких как А. Дистервег, К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, С. И. Миропольский, Н. А. Корф, Т. Г. Лубенец, А. Я. Острогорский, С. Ф. Русова и прочих. В контексте современного высшего педагогического образования проблема практической подготовки студентов представлена преимущественно в методическом аспекте в трудах обобщающих опыт педагогических вузов по организации и проведению различных видов практик.

Отдельное направление составляют современные научные труды, в которых раскрываются общие теоретические вопросы организации практической подготовки студентов (Е. К. Кардовская, Л. С. Колодкина, Н. В. Неводниченко, Е. В. Оганесян, В. Г. Сохрина, Н. С. Стародубцева, Т. Г. Чешуина), педагогической практики (О. А. Абдуллина, Ю. К. Бабанский, Н. Н. Загряжкина, И. Т. Огородников, В. К. Розов, В. А. Слостенин, В. П. Тарантей, И. Ф. Харламов, Н. Д. Хмель и другие).

Вопросы организации отдельных видов практик студентов в процессе подготовки будущих специалистов в разных отраслях знаний – учителей-предметников (С. П. Будникова, Н. Н. Калацкая, И. П. Коновалова С. А. Маркелова), филологов (О. А. Коник, Л. В. Тазьмина), специалистов сферы туризма и гостеприимства (Ю. П. Апакова, В. В. Васильев, М. Н. Михайлова, И. Б. Попов, Л. Г. Скоробогатова, М. А. Тарасов), физической культуры и спорта (В. А. Болдырева, Д. И. Воронин, А. А. Ионов, Л. М. Куликова, О. М. Матвеева, Н. В. Скорик), музыки (Е. Е. Никольская, Л. А. Мистратова), социальных работников (А. В. Анисимова, Н. А. Варгина, Н. Н. Коробейникова, А. Г. Ковалева, Н. Ф. Лопатина, В. В. Трухачев) – были в центре внимания в диссертационных исследованиях достаточно большого количества современных ученых.

Анализ содержания научной и учебно-методической литературы, собственный педагогический опыт позволяют нам выявить следующие противоречия между: требованиями современного общества к уровню профессионализма будущих специалистов и непосредственно уровнем их практической подготовки; зарубежными стандартами практической подготовки студентов в системе ВО и соотношением в учебных планах теоретической и практической составляющих профподготовки будущих специалистов в отечественных вузах; возможностями всех видов практик в деле формирования профессиональной компетентности студентов и недостаточной проработкой условий организации и проведения таких практик; существующей системой подготовки специалистов, традиционно сложившейся в каждом конкретном вузе, и необходимостью модернизации учебно-методического обеспечения всех видов практик; достаточно высокими академическими знаниями студентов и низким уровнем их практического применения.

Актуальность данной проблемы, выявленные противоречия и необходимость поиска путей эффективной организации и проведения в вузе различных видов практик обусловили выбор *цели данной статьи* – сформулировать некоторые сложившиеся в современных условиях обязательные атрибуты исследования процесса организации практической подготовки студентов в высших учебных заведениях на территориях с неопределенным правовым статусом.

Исходя из этого были определены следующие *задачи*: рассмотреть понятия «практики» и «практической подготовки» как объекта исследования; проанализировать законодательное и нормативно-правовое обеспечение практической подготовки студентов вузов; изучить методологические принципы организации и проведения практической подготовки студентов в высших учебных заведениях.

Изложение основного материала. Практикой, по мнению авторов педагогического словаря «Педагогика: словарь системы основных понятий», следует считать чувственно-предметную форму деятельности общественно развитого человека; содержание этой деятельности заключается в освоении природных или социальных сил, поскольку она выражает специфику человеческого отношения к миру, способ бытия человека в мире. В широком смысле и прежде всего материальная практика выступает в роли основы познания и всей жизни человеческого общества. Определение практики как формы деятельности раскрывается через ее единство с противоположной формой деятельности – теорией. Как целенаправленная деятельность практика является целостной системой операций, суть которой можно представить при помощи цели, содержания, предмета, средств, а также результата самой практической деятельности [1, с. 174-175].

Анализ проблемы практической подготовки студентов в системе ВО позволяет утверждать, что практика является наиболее важной составляющей профподготовки студентов высших учебных заведений, цели, содержание, организационные формы и методическое обеспечение которой способствуют овладению студентами основами профессиональных знаний и умений, помогает им в формировании профессионально значимых качеств.

Практика – это вид учебной деятельности, направленный на развитие практических навыков и умений, а также формирование компетенций обучающихся в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Практика является неотъемлемой составной частью профессиональных образовательных программ подготовки специалистов всех образовательно-квалификационных уровней с целью обеспечения их конкурентоспособности и возможности трудоустройства на отечественном и международном рынках труда [2, с. 3-4].

Целью практики является овладение студентами современными методами, формами организации и орудиями труда в области их будущей профессии, формирование у них, на основе полученных в вузе знаний, профессиональных умений и навыков для принятия самостоятельных решений, во время конкретной работы в реальных рыночных и производственных условиях, воспитание потребности в постоянном обновлении своих знаний и творческом их применении в практической деятельности [3].

С точки зрения задач модернизации высшего образования все виды практик – это одно из ключевых средств формирования будущего специалиста в любой сфере деятельности. Организация практической подготовки студентов в каждой стране регламентируется соответствующими законодательными и нормативно-правовыми документами.

Например, в Российской Федерации – это Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. [4]; «Положение о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные программы высшего образования», утвержденное приказом Министерства образования и науки РФ № 1383 от 27.11.2015 г. [5]; ОПОП подготовки специалистов по соответствующему направлению; программы практик по соответствующему направлению подготовки студентов; в Украине – Закон Украины «О высшем образовании» № 1556-VII от 01.07.2014 г. [6]; «Положение о проведении практики студентов в высших учебных заведениях Украины», утвержденное приказом Министерства образования Украины № 93 от 08.04.1993 г. [3]; ОПП и ОКХ подготовки специалистов, программы практик по соответствующей специальности.

Руководствуясь аналогичными документами, каждое высшее учебное заведение, в соответствии с действующим на той или иной территории законодательством в сфере образования, самостоятельно определяет порядок организации и прохождения практики обучающимися, осваивающими основные образовательные программы высшего и среднего образования. Обычно с этой целью, учебно-методический совет вуза разрабатывает локальный нормативный документ – положение или порядок организации и проведения практического обучения в конкретном учебном заведении, который регламентирует виды, формы и способы проведения практик, программы проведения практик, определяет базы практик, принципы руководства практикой, права и обязанности каждой из сторон договора.

В Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко с этой целью было рассмотрено и принято на заседании Учебно-методического совета вуза (протокол № 4 от 21.12.2016 г.), а также введено в действие приказом ректора № 344-ОД от 26.12.2016 г. Положение «О порядке проведения практики студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко» [2]. Положение состоит из 10 разделов, содержит 11 приложений. Остановимся более детально на основных пунктах данного Положения.

Раздел «Общие положения» содержит определения понятий, ссылки на действующие нормативные акты, на основании которых представленный к рассмотрению документ был разработан.

Основными видами практики студентов по программам подготовки бакалавра, специалиста, магистра являются учебные (ознакомительные, социально-педагогические, технологические, педагогические, экскурсионные, языковые, вычислительные и т.д.) и производственные (педагогические, технологические, комплексные и т.п.) практики, в том числе преддипломные. Раздел «Виды и формы практик» освещает также возможные способы (стационарная, выездная) и формы (непрерывная, дискретная) проведения практики в ЛНУ имени Тараса Шевченко.

Следующий раздел Положения посвящен программе практики. Программа практики – это нормативно-методический документ образовательного учреждения высшего образования, определяющий цели, задачи, формы отчетности и содержание практико-ориентированного обучения студентов в условиях реальной профессиональной деятельности, соответствующей профилю основной профессиональной образовательной программы по направлениям подготовки (специальностям), по которым осуществляется образовательная деятельность в ЛНУ имени Тараса Шевченко. Раздел «Программа практики» раскрывает содержание ее структурных компонентов, а также содержит описание процедуры составления, рассмотрения и утверждения программы практики.

Четвертый раздел «Базы практики» посвящен описанию принципов подбора университетом предприятий и организаций относительно их пригодности для проведения соответствующей практики студентов, а также договорным обязательствам сторон.

Пятый раздел «Организация и проведение практики» поэтапно описывает организационные моменты практической подготовки студентов, как со стороны вуза, так и со стороны предприятия-базы практики; возможности изменения места прохождения практики обучающимися; распределение обязанностей при организации практики между учебно-методическим отделом вуза, деканатами и директоратами в лице деканов и директоров соответствующих структурных подразделений университета, кафедрами и базами практик.

Шестой раздел «Руководство практикой» содержит непосредственное описание закрепленных за каждой из сторон (руководителя практики от университета, руководителя практики от кафедры, методиста по практике от кафедры, руководителя практики от базы практики) функций. Отдельный пункт посвящен организации со стороны вуза руководства педагогической практикой студентов.

Седьмой раздел «Права и обязанности студентов» описывает права студента и закрепляет возлагаемые на него с момента зачисления на период практики в качестве практиканта на рабочие места по месту прохождения практики обязанности. Раздел «Подведение итогов практики» содержит требования к отчету о выполнении студентом

программы практики. Последние разделы основного текста Положения посвящены материальному обеспечению процесса проведения практики в вузе.

В приложениях к Положению «О порядке проведения практики студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко» содержатся образцы оформления титульного листа программы практики, шаблоны долгосрочного и индивидуального договора о проведении практики студентов, приказа на практику и на перезачет практики, заявления о переносе сроков прохождения практики, направления на практику, характеристики работы студента-практиканта для педагогических и непедagogических направлений подготовки, титульного листа отчета о прохождении практики [там же].

Подводя итог целесообразно констатировать, что практическая польза Положения «О порядке проведения практики студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко» состоит в том, что в нем максимально конкретно прописано, кто и что должен делать, какие задачи выполнять и за что нести ответственность. В свою очередь, это значительно облегчает контроль качества практической подготовки будущих специалистов в вузе. И поскольку фундаментом организационной деятельности любого образовательного учреждения являются организационно-правовые документы работу по разработке и утверждению локальных нормативных документов, регламентирующих образовательную деятельность в ЛНУ имени Тараса Шевченко, целесообразно продолжить.

В то же время в реальной системе практической подготовки специалистов в вузах непризнанных государственных образований руководство учебных заведений зачастую сталкивается с рядом проблем, которые условно можно отнести к типу либо нормативно-правовых, либо организационных:

1) в нестабильных социально-экономических условиях существуют определенные проблемы легитимизации образовательной деятельности и, в частности, законодательного и нормативно-правового обеспечения практической подготовки студентов вузов;

2) возникают сложности в организации взаимодействия и налаживании долгосрочного сотрудничества с новыми предприятиями, организациями и учреждениями, на базе которых может быть организована производственная практика для студентов, в виду опасения последних введения в их отношении различных санкций;

3) отмечается значительное преобладание краткосрочных договоров на прохождение практики с предприятиями и учреждениями, заключенных самими студентами, над долгосрочными, т.е. заключенными кафедрами вузов с базами практик;

4) прекращение контактов с базами практик (например, зарубежными туристическими компаниями и гостиничными комплексами, дипломатическими представительствами, консульствами и посольствами, крупными промышленными предприятиями) приводит к невозможности пройти производственную практику по избранной профессии в любой стране мира и, соответственно, к резкому ухудшению качества подготовки специалистов по определенным специальностям (что особенно актуально, например, для таких направлений подготовки как «Международные отношения», «Политология», «Туризм», «Юриспруденция»);

5) отсутствие государственного заказа и четких ориентиров на дальнейшее трудоустройство будущих специалистов по некоторым специальностям не способствует формированию активной жизненной позиции студентов.

Однако, опыт организации учебного процесса на территориях с неопределенным правовым статусом (Приднестровская Молдавская Республика, Республика Южная Осетия, Автономная Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика, Республика Косово, Турецкая Республика Северного Кипра) показывает, что благодаря энтузиазму, сплоченности трудовых коллективов вузов, нешуточному моральному духу профессорско-преподавательского состава, процесс организации полноценного практического обучения будущих специалистов при этом вполне возможен.

Учитывая тот факт, что в современных условиях организация практической подготовки студентов в высших учебных заведениях на территориях с неопределенным правовым статусом имеет свои вышеперечисленные особенности, пути решения проблем связанных с организацией и проведением всех видов практик видятся в следующем:

1) недопущение снижения объёмов практики при разработке новых государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования;

2) адаптация руководства вузов к изменившимся социально-экономическим условиям, выработка стратегии организации практической подготовки студентов на ближайшую перспективу;

3) стремление руководства вузов к подписанию новых договоров с базами практик ближнего и дальнего зарубежья;

4) поддержание релевантности содержания практической подготовки студентов текущей социально-экономической обстановке в регионе, постоянно изменяющимся требованиям общества, потребностям и интересам как отрасли так самих обучающихся;

5) обеспечение со стороны учебных заведений фундаментальности практической подготовки и приоритетность индивидуального подхода при определении содержания практик для студентов по любой специальности;

6) учет при составлении программ практик уровня подготовки, активности и самостоятельности студентов, а также практических возможностей обучающихся;

7) использование широкого набора форм и методов практической подготовки;

8) недопущение проведения практической подготовки будущих специалистов только в стенах вуза, без выхода в реальную производственную деятельность;

9) снижение зависимости уровня подготовки студентов от материально-технического потенциала базы практики;

10) включение в непрерывную практическую подготовку таких типовых для вузов элементов как: стажировка; волонтерская деятельность, в том числе в общественных объединениях; участие в научно-практических и методических конференциях, семинарах и т.д.

Таким образом, в отечественном профессиональном образовании организация практики в вузе остается важнейшей составляющей учебного процесса при подготовке специалистов по любому направлению или специальности. Конкретные виды практик, их цели и задачи, программы и формы отчетности определяются основной профессиональной образовательной программой или ОПП и ОКХ с учетом требований действующих на той или иной территории образовательных стандартов высшего образования. На основе теоретического и эмпирического исследования нами были выделены основные проблемы практической подготовки будущих специалистов в вузах непризнанных государственных образований, а также намечены пути их решения. Также в сложившихся условиях совершенно очевидна необходимость

комплексного взаимодействия на постоянной основе между образовательными учреждениями, представителями работодателей, государственными структурами в решении возникших проблем практической подготовки будущих специалистов в высших учебных заведениях на территориях с неопределенным правовым статусом.

Проведенное исследование не претендует на полное решение комплексной проблемы исследования процесса организации практической подготовки студентов высших учебных заведений непризнанных государственных образований. За рамками данной статьи оказалась совокупность проблем, требующих дальнейшего научного осмысления. К ним относятся вопросы, связанные с адаптацией процесса организации вузами на территориях с неопределенным правовым статусом производственных практик, обновлением кафедрами содержания программ всех видов практик, осмыслением и диагностикой процесса формирования профессиональной компетентности будущего специалиста, способного приспосабливаться к быстро изменяющимся социально-экономическим условиям и быть успешным в профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Педагогика: словарь системы основных понятий [Текст]. – М. : Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с.
2. О порядке проведения практики студентов Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : Положение; приказ № 344-ОД от 26.12.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ltsu.org/files/docs/education-docs/edu-norm-docs/students-practice-provision-january-2017.pdf>
3. Про затвердження Положення про проведення практики студентів вищих навчальних закладів України : Наказ Міністерства № 93 від 08.04.1993 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=z0173-93>
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
5. Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ № 1383 от 27.11.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71188178/>
6. Про вищу освіту : Закон № 1556-VII від 01.07.2014 р. (Відомості Верховної Ради, 2014. – № 37-38. – ст. 2004). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/1556-18>

Поступила в редакцию 29.10.2016 г.

STUDENTS' INTERNSHIP AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE AREAS WITH UNCERTAIN LEGAL STATUS

S. N. Kobzova

The article considers the process of organizing and conducting practical training of students at higher educational institutions in the areas with uncertain legal status. The author analyses the basic sections of the regulations "Organization of students' internship at Lugansk National University named after Taras Shevchenko". In the present study the author formulates the main problems, which higher educational institutions of self-proclaimed states face when providing for different types of students' internships and comes up with their solutions.

Keywords: internship, practical training, regulatory support of conducting internships, areas with uncertain legal status.

Кобзова Светлана Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент
кафедра туризма, гостиничного и ресторанного дела,
заведующий учебно-методическим отделом
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

Kobzova Svetlana Nikolaevna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Department of Tourism, Hotel and Restaurant Business
Head of Educational and Methodical Department
Lugansk National University named after Taras Shevchenko
e-mail: kobzova@rambler.ru

УДК 378.015.31:[37.017:27]

ХРИСТИАНСКИЕ ОСНОВЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

© 2016. *И.В. Чеботарева*

Акцентируется внимание на прогрессирующем духовном кризисе общества, существенным признаком которого является трансформация ценностной системы человека. Подчеркивается, что одним из путей преодоления негативных тенденций в обществе является модернизация педагогического образования, отход от авторитарной технократической педагогики в сторону гуманной, основанной на христианских ценностях. Педагог в современных условиях должен стать центральной фигурой общества, личностью способной непрерывно духовно саморазвиваться, самосовершенствоваться, а также духовно обогащать молодое поколение. Обращение к классическому педагогическому наследию и философской мысли доказывает, что христианская культура обладает мощным духовно-нравственным потенциалом в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов.

Ключевые слова: педагог, христианские основы, личность, классическое наследие, духовно-нравственное развитие.

Одним из существенных признаков духовного кризиса общества является трансформация ценностей и самого человека, становление которого происходит в условиях нестабильности и под воздействием трансформирующихся ценностей. Кризис ценностной системы, изменение идеалов существенным образом отражается на подготовке молодого поколения к самостоятельной жизни. Стремление подготовить конкурентоспособную, мобильную личность превращает образование в технологический процесс без души и сердца, где передача знаний является доминирующей целью, а их усвоение определяет успешность человека в жизни. Эпоха научно-технического прогресса сформировала своеобразную педагогику технократизма, отвечающую духу информационной эпохи и рыночных отношений (В.П. Андющенко). Современное образование, основанное на педагогике технократизма, не всегда обращает внимание на приоритетность воспитания, формирование духовной сферы личности, наполнение ее внутреннего мира нравственными ценностями и идеалами, создание условий для постижения науки добра (М. Монтень).

Процесс отхода от авторитарной технократической парадигмы в сторону гуманистической идет, но очень медленно, что в условиях глобального духовного кризиса является губительным для самого человека и окружающего мира, который человек зачастую бездумно подчиняет своим все возрастающим потребностям. Интенсифицировать процесс отхода от педагогики технократизма возможно при условии модернизации педагогического образования, подготовки «нового» учителя, способного духовно саморазвиваться и самосовершенствоваться в течение всей жизни, способного в центр образовательного процесса поставить личность воспитанника и создать условия для его духовного обогащения и развития.

Современная педагогическая наука находится в непрерывном поиске повышения качества педагогического образования, нахождения путей разрешения глобальных проблем через подготовку образованного и культурного педагога с опорой на христианскую культуру. В последние годы проведены исследования в данном

направлении: «Влияние христианского учения на развитие гуманистической педагогической традиции XVII-XX веков» (В.Г. Александрова); «Подготовка православных педагогов в учреждении дополнительного образования к преподаванию «Основ православной культуры» (В.В. Перевертайло); «Духовное воспитание в православной и светской педагогике» (В.Г. Александрова); «Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект)» (Е.В. Шестун); «Приобщение студентов высших учебных заведений к православной культуре» (А.М. Копировский); «Развитие идей православной педагогики в наследии К.Д. Ушинского» (С.В. Шевчук). Однако, несмотря на обращение исследователей к христианской культуре, проблема подготовки будущих педагогов с опорой на христианские ценности исследована недостаточно, что и стало целью нашей статьи.

История показала, что христианская культура, возникшая 2000 лет назад обладает мощным духовно-нравственным воспитательным потенциалом. Подтверждением тому является наследие классиков педагогики Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, А. Дистервега, Я. Корчака, К.Д. Ушинского, В.А. Сухомлинского, являющееся действенным и актуальным во все времена. Причиной тому являются христианские корни педагогических размышлений ученых, предложенных ими систем, методов и форм работы с воспитанниками. Великие педагоги «возводили» свои педагогические идеи на прочном неразрушаемом временем фундаменте – Божьем слове. Лишить педагогику этого основания – значит потерять возможность подготовить к жизни человека, способного справиться с теми глобальными проблемами, что возникли во времена попытки человека жить по правилам, не согласующимися с законами Творца Вселенной.

Кладезем педагогической мудрости являются воззрения Я. А. Коменского. Опираясь на Священное Писание, ученый дает рекомендации по воспитанию детей – бесценных сокровищ, даруемых Богом. Воспитание, по Я. А. Коменскому, заключается в научении человека познавать Бога и его чудесные дела и в формировании умения управлять своими внешними и внутренними действиями согласно Божьему слову. Преимущественное значение в воспитании имеет забота о душе; правильно развитый ум, с точки зрения Я. А. Коменского, должен быть «освещен блеском божественной мудрости, чтобы человек, признавая в самом себе величие божественного образа, охранял и соблюдал в себе это превосходство» [6, с. 206].

Я. А. Коменский перечисляет добрые качества, которые должны быть сформированы в детях: умеренность во всем, опрятность, уважение к старшим, предупредительность, правдивость, справедливость, благотворительность, щедрость, трудолюбие, терпение, гуманность, готовность служить людям, деликатность. Очевидно, что этими христианскими качествами должны обладать и учителя, чтобы быть образцом для подражания. Обязанность педагогов-христиан начертать в сердце воспитанника, что он удивительный венец творения Бога. К этому они должны стремиться, взявшись за воспитание молодого поколения, чтобы «помня об этом достоинстве и своем превосходстве, научили всех жить и направляли все средства к тому, чтобы достигнуть этой возвышенной цели» [6, с. 262]. Средствами, предназначенными для универсального образования, данными человечеству Богом, являются: мир, полный творений; полный разумности ум человека; Божье слово, изложенное в Священном Писании. Педагог, с точки зрения Я. А. Коменского, призван пояснять формирующемуся человеку Божье слово, и помогать ему вступить на открытый Творцом путь возвращения людей к гармонии [5].

Теория элементарного образования И. Г. Песталоцци состоит в развитии умственных и физических способностей и задатков, а главное – в развитии человеческого сердца. Природосообразность требует, по мнению педагога, подчинения притязаний животной природы более высокому – божественной сущности задатков и сил сердца человека, подчинения плоти духу. «Человечество должно позаботиться о том, чтобы оживить ход природы, внося в него человеческое и божественное начала. В этом цель идеи элементарного образования, в этом цель благочестия и мудрости» [9, с. 214]. Элементарное образование является облагораживанием человека на основе нравственной и религиозной жизни воспитанника. Под руководством педагога-христианина он поднимается от чувственной и физической любви к любви человеческой, а от нее к христианской вере и истинной любви [9, с. 218].

И. Г. Песталоцци, воспитывая детей, старался направить ход развития природы так, чтобы не затерялись ростки божественного, а при добром уходе проросли прекрасным цветом. Педагог осуществлял этот процесс через приучение воспитанников к молитве, выполнение различных упражнений, требующих усилий души, чтобы «оживить и поддержать в них наряду с умственной деятельностью повседневную общую чистую деятельность сердца...» [9, с. 170].

Своеобразный разговор разных людей (детей, ученого, матери, воспитателя и др.) с Богом отразил в своей книге «Наедине с Богом: Молитвы тех, кто не молится» Я. Корчак. Педагог, обращаясь в молитве к Богу, просит позаботиться о драгоценностях (детях): «Ниспошли детям счастливую долю, помоги, благослови их усилия. Не легким путем их направь, но прекрасным» [7].

К. Д. Ушинский считал, что педагог должен быть истинным христианином по стремлениям и убеждениям. Он ратовал за сближение светского и религиозного образования, отмечая, что любой учитель-предметник должен уметь объяснять материал, коснувшись религиозных истин, вводить воспитанника в нравственный храм христианства. «Кто хочет учить, тот должен снизойти до потребности ученика, заглянуть в его душу, быть не только христианским священнослужителем, но и христианским педагогом» [12, с. 455].

Долгий путь к вере, к Богу отражен в книге медика и педагога Н. И. Пирогова «Записки старого врача». Ученый пишет, что с детства он не был набожным, прочитанные религиозные тексты или произнесенные заученные молитвы не проникали в сердце, воспринимались им неосознанно. Процесс религиозного воспитания будущего ученого не сопровождался педагогической поддержкой по разъяснению значения религиозных текстов. Н. И. Пирогов пишет: «Религия, и именно религия христианская, влияет на нравственность детей только двумя путями: вселяя в ребенка искреннюю любовь к Богу, страх Божий», но такую любовь к Всевышнему у него не воспитали в детском возрасте [10, с. 124]. К истинной вере, проникшей в сердце, Н. И. Пирогов пришел только к 38 годам, сознательно изучая Евангелие, он нашел высокий идеал веры. «Веруя, что основной идеал учения Христа по своей недостижимости останется вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира чрез внутреннюю связь с Божеством, мы ни минуты не можем сомневаться и в том, что этому учению суждено быть неугасаемым маяком на извилистом пути нашего прогресса» [10, с. 146].

Л. А. Тихомиров считал, что выполнение христианских обязанностей людьми, соблюдение общих нравственных для всех законов, предписываемых религией, способствует формированию утонченной общественности, при которой и семья ответственно выполняет свои функции, и осуществляется взаимная помощь между

людьми, и создаются условия для воспитания человека как работника и устроителя общества. Педагог подчеркивает, что христианская личность – это свободный человек, при условии, что он живет по-христиански и не злоупотребляет свободой, ставит ограничения там, где нарушаются законы Бога. В таком варианте свобода сама является основанием для дисциплины человека. Л.А. Тихомиров указывает, что человек может ясно рассмотреть свой путь к Богу, если сможет подчинить свое естество духовной жизни. Условием является знание законов естества и сферы их действия, чтобы «уметь разграничивать и в самом себе область естественную, следующую по законам необходимости, и область духовную, и не отдать под власть естества никакой части удела духа...» [11].

Воспитание детей епископ, богослов и проповедник Феофан Затворник видел в развитии благочестия и добродетелей согласно Божьему слову и считал его из всех святых дел самым святым. Епископ призывает воспитателей: «Внимательно наблюдайте за их поступками, за их сообществами, за их связями – и не ожидайте от Бога никакой милости, если не исполняете сего долга» [13]. Феофан Затворник делает акцент на поиске родителями благонадежного учителя, который мог бы сохранить воспитанника в целомудрии и образовать его душу. Будущим учителям необходимо давать соответствующее воспитание, чтобы они могли передать искусство воспитания последующим поколениям педагогов. «Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых, и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие чистейших, богоизбранных и святых» [13]. Богатство человека мыслитель видит в наличии добронравия и заключает, что при добром воспитании людей обществу не нужны будут суды, судилища, наказания; палачи существуют потому, что в обществе есть безнравственность, подчеркивает Феофан Затворник [13].

И.А. Ильин, излагая свои мысли о грядущем России, подчеркивает важность воспитания духовного характера; образование же в отрыве от духа, совести и веры только портит человека и дает в его распоряжение технические умения, которыми он как бездуховная и безверная личность чаще всего злоупотребляет. Выход из кризиса ученый видит через сочетание и примирение трех законов духа: свободы, любви и предметности. Жить предметно, по И.А. Ильину, это связать свое сердце, свой разум, свою деятельность с ценностью высшего порядка, т.е. Богом. Предметный человек держится за Бога всю жизнь, на основе любви и разумной свободы он стремится к единению с Всевышним. Мыслитель призывает учить новой нравственности – религиозной, христианско-совестной, которая учит по-новому созерцать сердцем цельно и искренно, и веровать по-иному. «России нужен новый русский человек, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом» [4]. Прежде таким должен быть учитель, способный обновить человека и общество в целом. И.А. Ильин подчеркивает, что культура без Бога является Вавилонской башней, а государство – земной каторгой [4].

В.В. Зеньковский утверждал, что путь обретения веры, нахождения Бога и его познание является сложным в современных условиях, чаще всего он связан с испытаниями, которые освобождают человека от ослепленности и самоуверенности. Мыслитель подчеркивает, что в человеке Богом заложена потребность приближаться к Вечному Основанию жизни, его душа нуждается в вере даже больше, чем в знании. Вера является прочной и творческой основой жизни [3].

Религиозные рассуждения Н.А. Бердяева помогают понять причины неприятия современным человеком христианства. Как отмечает философ, человек готов принять какую угодно религию, любую форму язычества, но только не христианство; охотнее всего человек принимает пантеизм, легко уживающийся с атеизмом [2]. Основной причиной неприятия является дурное поведение христиан и искажение ими христианства. Многие люди о христианстве судят по поступкам людей, называющих себя христианами. Н.А. Бердяев подчеркивает, что христианство есть религия любви и свободы человека, но судят о ней по злобе, ненависти, насилию, что совершают христиане, компрометирующие истинное христианство. Жить по законам религии любви, следовать идеалу, героически сопротивляться соблазнам мира непросто, но, как утверждает Н.А. Бердяев, эта религия является высокой и истинной, направляющей человеческую жизнь по линии наибольшего сопротивления, но ведущая к спасению. Христианское сознание признает божественность человеческой природы, оно основано на чувстве личности, утверждает свободу и достоинство человека, отводит ему центральное место в мироздании. «Только христианство признает абсолютное значение за человеком и его вечной судьбой и ни в чем его не растворяет, ничему не порабощает» [2]. Христианство призывает изменять не внешнюю жизнь человека, а его несовершенную природу, стремиться к внутреннему духовному перерождению. «Необходимо действительное, реальное изменение душ людей и душ народов» [1], это очень трудная задача, но выполняемая педагогами-христианами, следующими за Христом, и, что очень важно, полагающихся в высоком деле духовного спасения человека на Бога.

Д.С. Лихачев был убежден, что религия непосредственно воспитывает людей, тогда как искусство, логика, психология и языки воспитывают более сложным путем. Воспитание, с точки зрения ученого, прежде всего, должно иметь нравственную основу, обеспечивающую экономическую, государственную и творческую стабильность общества. Д.С. Лихачев утверждает, что нравственность должна быть единой для людей всех наций, сословий и такая единая нравственность, безусловно, может быть сформирована только на основе выполнения Божьих законов, данных всему человечеству. «Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество» [8, с. 155].

Таким образом, преодоление духовного кризиса видные ученые мира видят в радикальной глубокой внутренней трансформации человека, достижении им духовной зрелости. Безусловно, приоритетную роль в этом процессе играет учитель, который должен стать центральной фигурой «истории людей», от его деятельности зависит судьба каждого воспитанника, усвоение им нравственности, ценностей, а также спасения человека как духовно-культурной личности (Н.Н. Моисеев). Обращение к христианским основам в процессе профессионально-нравственного развития способствует эффективному решению задач подготовки педагога, способного жить по Божьим законам; стремящегося к духовному самосовершенствованию; умеющего видеть в ребенке образ Божий и развивать в нем заложенные природой задатки; стремящегося на основе любви и веры образовывать душу воспитанника, учить мыслить, любить Бога и мир Им созданный; служащего делу духовного развития общества.

Перспективным направлением наших дальнейших исследований будет разработка методов, средств и форм работы с будущими педагогами с опорой на христианские ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/o-dostoinstve-xristianstva-i-nedostoinstve-xristian>.
2. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (О книге В. Несмелова «Наука о человеке») [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn064.htm>.
3. Зеньковский В. Апологетика / Прот. В. Зеньковский. – Париж, 1957. – 264 с.
4. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России [Электронный ресурс] / И. А. Ильин // Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. – М.: МП «Рарог», 1992. – Режим доступа: <http://gpb22.narod.ru/html/ilin.html>.
5. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. / Я. А. Коменский; Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 576 с.
6. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джурицкий. – М.: Педагогика, 1987. – 416 с.
7. Корчак Я. Наедине с Богом: Молитвы тех, кто не молится [Электронный ресурс] // Тексты из дневника / Пер. с пол. О. Медведевой; Ред. А. Верглинский; Рос. об-во Януша Корчака. – М., 1994. – 80 с. – Режим доступа: http://books.academic.ru/book.nsf/57699294/Януша+Корчак.+Избранное#cite_note-16.
8. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
9. Песталоцци И. Г. Избранные педагогические сочинения: В 2-х томах. Т. 2 / Под ред. В. А. Ротенберг, В. М. Кларина. – М.: Педагогика, 1981. – 416 с.
10. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / Сост. А. Д. Тюриков. – Иваново, 2008. – 427 с.
11. Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории [Электронный ресурс] / Лев Тихомиров. – М., 2000. – 587 с. – Режим доступа: http://legitimist.ru/lib/philosophy/1_tihomirov_religioznofiloosofskie_osnovy_istorii.pdf.
12. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11-ти т. / Константин Дмитриевич Ушинский. – М. – Л.: Изд-во АПН, 1948. – Т. 2. – 1948. – 655 с.
13. Феофан Затворник. Путь к спасению [Электронный ресурс] / Феофан Затворник; репринтное издание. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/put-ko-spaseniju.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

CHRISTIAN BASICS OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF FUTURE PEDAGOGUES

I.V. Chebotariova

The attention is concentrated on the progressing spiritual crisis of society, the essential sign of which is the transformation of a human's value system. It is emphasized that modernization of pedagogical education and departure from the authoritative technocratic pedagogy to the humane one, based on the Christian values, are the ways of overcoming negative tendencies in the society. A modern pedagogue has to become a central figure of the society, a personality able to spiritually develop the young generation. The appeal to classical pedagogical heritage and philosophical thought proves that the Christian culture makes a powerful moral and spiritual impact in pedagogues' professional training.

Key words: a pedagogue, Christian basics, a personality, classical heritage, moral and spiritual development.

Чеботарева Ирина Владимировна.

Кандидат педагогических наук, доцент

Луганский национальный университет имени Т.Г. Шевченко

Заведующий кафедрой дошкольного и начального образования

Chebotariova Irina Vladimirovna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor

Head of the Department of Preschool and Primary Education

Lugansk National University named after Taras Shevchenko

e-mail: irina_pedagogika@mail.ru

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМАЛИЗОВАННЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

© 2017. Т. И. Бугаева

В статье рассмотрены проблемы использования формализованных математических моделей для анализа педагогических данных. Обосновано применение в педагогической практике принципа Парето, закономерностей простых чисел и последовательностей чисел вида 2^n . Определено использование закона «сгустка бинарной сложности» для анализа больших информационных баз данных в педагогической практике. Предложено применение формализованных математических методов в качестве инструмента для «прикидочных оценок» предполагаемых результатов диагностики и прогнозирования педагогических явлений и процессов.

Ключевые слова: педагогическое прогнозирование, педагогическая диагностика, анализ педагогических данных, обработка педагогической информации, формализованные модели, математические методы в педагогике.

Введение. Педагогика, как и любая наука, использует различные умозрительные модели. Чаще всего, для объяснения процессов и явлений педагогической реальности она применяет объяснительные модели, которые строятся либо на анализе эмпирических данных, либо на глубоком теоретическом обосновании, в виде вербальных доказательств. Но оказывается, что человек уже давно подметил множество чисто формализованных моделей, которые, на первый взгляд совершенно не имеют никакого отношения к предмету рассмотрения, но, по сути – полностью отражают его действительность. В качестве примера, доказывающего эту мысль, можно вспомнить известную со школьной скамьи, формулу древнегреческого математика Герона, которая позволяет, казалось бы, по формальным признакам (длинам сторон и полупериметру) любого треугольника, находить его площадь. Эта идея подтолкнула и нас, попытаться найти на первый взгляд формальные закономерности, но, по сути, отражающие основные стороны педагогических взаимосвязей.

Направление, связанное с изучением формализованных математических моделей для анализа дидактических данных, имеет большие перспективы применения, особенно, в педагогическом эксперименте, а сама проблема использования формализованных методов все еще недостаточно исследована как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Без внимания исследователей остались такие важные вопросы как выбор подходящих математических моделей, обоснованность их применения для анализа педагогических данных, методологические основы их реализации в педагогической практике.

Вместе с тем, учитывая практическую значимость использования формальных подходов для анализа педагогических массивов информации, отсутствие теоретического обоснования и практического внедрения новых формализованных математических моделей, была избрана тема исследования: **«Использование формализованных математических моделей для анализа педагогических данных».**

Эта тема исследования является очень **актуальной** не только для научных сотрудников, занимающихся проблемами планирования, мониторинга, прогнозирования в образовательной сфере, но и для рядовых педагогов-исследователей, которые постоянно сталкиваются с проблемами обоснования полученных данных,

интерпретацией и получением недостающих данных в логической цепочке экспериментов. Надеемся, что содержательное раскрытие этой проблемы станет мощным теоретико-практическим толчком в их профессиональной деятельности.

Цель исследования – показать формализованные математические модели и возможность их использования в системе педагогических знаний.

Среди основных **задач**, которые возникают при этом, были выделены две: 1) выявить особенности применения формализованных математических методов в педагогической практике, и 2) показать возможность их использования в качестве «опорных точек» и предельных границ в педагогическом анализе.

Общий фон исследования. В современной педагогической практике чаще всего используются математические методы для обработки экспериментальных данных, чему и посвящены многочисленные работы по применению статистических методов в педагогике и психологии (Дж. Гласс, М. И. Грабарь [1], Л. Б. Ительсон, В. П. Мизинцев, В. И. Михеев, Е. В. Сидоренко [2], Г. В. Суходольский и др.). Применение регрессионного, факторного или кластерного анализа делает более привлекательным использование описательной статистики. Однако с ее помощью объективно можно только констатировать фактическое состояние дел, но объяснить их причины невозможно.

В связи с тем, что сейчас вопросам анализа педагогических данных во всем мире уделяется очень большое внимание, то возможности, открываемые использованием квалиметрии (измерение качества), стали привлекать все более широкие круги как отечественных, так и зарубежных исследователей, работающих в области образовательного мониторинга, педагогического моделирования и прогнозирования. Так еще в начале 80-х годов прошлого столетия Г. Г. Азальгадовым и Э. П. Райхманом была предпринята попытка систематизировать многочисленные сведения о квалиметрии, подвести первые итоги первого этапа ее развития [3]. Проблемами математического моделирования с помощью системного подхода занимались такие ученые как В. П. Беспалько, В. И. Загвязинский, Т. А. Ильина, Г. Д. Кириллов, Ф. Ф. Королев и др. Вопросам математического моделирования в гуманитарных науках уделяли свое внимание В. Ф. Зайцев [4], А. В. Солодов, Е. А. Солодова [5; 6], Г. Т. Солдатова, И. П. Лебедева. Но проблемы использования формализованных математических моделей в педагогической практике, в работах вышерассмотренных авторов не исследовались.

Материал и результаты исследования. Природа во всех своих проявлениях стремится к экономии энергии и информации, а педагогические законы и закономерности в этом плане, не являются исключениями, следовательно, можно попытаться исследовать дидактические явления и процессы с помощью уже найденных формализованных методов. Возможно, некоторые из них станут готовыми моделями, а поскольку они уже достаточно изучены, то разумный перенос их на педагогическую действительность даст заметный выигрыш и ученым-исследователям, и рядовым педагогам-практикам.

Для начала, воспользуемся примерами, которые реализуют зависимости *нелинейной формы*. Именно задачи, имеющие нелинейные формы между переменными, труднее всего поддаются формализации.

Воспользуемся набором наблюдений швейцарского ученого *Вальфредо Парето*, который еще в 1906 г. установил, что 80 % земли в Италии принадлежит лишь 20 % ее жителей. Им было сформулировано единое правило, так называемый принцип «20 на 80»: *первые 20 % усилий дают первые 80 % желаемого результата*.

В контексте педагогической тематики, этот принцип можно сформулировать так: *достаточно усвоить (определить) 20 % необходимых базовых понятий темы занятия, чтобы осмысленно разобраться (т. е. понять) в 80 % всего изученного материала.* Эта важная закономерность сегодня в педагогике формулируется по-разному, например:

80 % из предложенного учебного материала на занятии полностью усваивается лишь 20 % учащимися (студентами);

80 % функциональности преподавательской деятельности приходится на 20 % выполненной им учебной работы;

80 % трудозатрат студентов, в конечном счете, будут реализованы в будущей профессиональной деятельности не более чем на 20 %;

20 % студентов используют 80 % знаний определенной направленности (например, учебного предмета или курса).

Приведем пошаговое применение *принципа Парето*.

Так, если на первом шаге, прилагая 20 % усилий, можно получить 80 % результата, то на втором шаге, применяя 20 % (от оставшихся 80 %) усилий, можно достичь 80 % от оставшихся на первом шаге 20 % результатов, то есть 16 %. Это означает, что за первые два шага, применив $20 + 16 = 36$ % усилий, можно получить 96 % результатов.

Очевидно, что на n -м шаге, применив в сумме $(1 - 0,8^n)$ 100 % усилий, можно получить $(1 - 0,2^n)$ 100 % результатов. Следовательно, на следующем шаге, применяя еще 20 % от оставшихся 64 % или потратив в сумме менее 50 % усилий, можно получить более 99 % результатов [7, с. 231–235].

Эти суждения можно записать в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Таблица пошаговых усилий и их результаты

	Усилие	Основа действия	Результат
Шаг 1	20	100	80
Шаг 2	20	80	16
	36		96
Шаг 3	20	64	12,8
	48,8		99,2
Шаг 4	20	51,2	10,24
	69,04		101,76

Округляя значения до целых, и рассчитывая недостающие данные второй переменной (*Основа действия*), получим окончательную таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Таблица пошаговых усилий, с учетом основ действия и их результаты

	Усилие	Основа действия	Результат
Шаг 1	20	100	80
Шаг 2	36	267	96
Шаг 3	49	203	99
Шаг 4	69	147	102

Если предположить, что педагогическая система имеет 99 % необходимых возможностей и ее создали, примеру за 10 человеко-часов, то на практике для доведения функциональности педагогической системы до уровня 100 % потребуется еще не менее 10 человеко-часов. Таким образом, *цена последнего процента равна цене всей системы, работающей с 99 % функциональности*. Нам и нужно найти те значения входящих переменных, которые будут наиболее точно приближены к 100 % функциональности системы.

Теперь рассмотрим формализованные вычислительные модели, связанные с использованием *простых чисел*. Одним из первых, кто обратил на них внимание, был известный российский социолог А. А. Давыдов [8, с. 224]. Он предположил, что многие эмпирические социологические данные можно описать простыми числами. Он заметил высокую частоту встречаемости таких чисел во многих социологических показателях, например: доля безработных в экономически активном населении стран мира; хронологический перечень времени правления на престоле римских императоров, а затем правителей России; наибольшее число разводов на 1, 3, 5, 7 годах семейного брака и многие другие. Он установил, что в динамике количественных социальных показателей также наблюдаются различные *закономерности перехода от одного простого числа к другому* (или от группы простых чисел к другой группе), а также подметил, что *некоторые простые числа совпадают с верхней и нижней границами изменения значения какого-то социального показателя*.

В подтверждение того, что простые числа во многом отражают фундаментальные законы экономии (чаще всего энергии или информации), говорит и тот факт, что, например, в механике данный принцип известен как принцип *наименьшего времени* (принцип Ферма) или принцип *наименьшего действия* (принцип Мопертьюи и Гамильтона). В какой-то степени доказательством, что совпадение закономерностей простых чисел можно использовать в педагогической практике является теория приближения функций (теорема Вейерштрассе), которая утверждает, что любую непрерывную функцию можно сколь угодно точно приблизить полиномом. В качестве дополнения к возможности использования закономерностей с простыми числами в педагогическом анализе, служит доказательство *теоремы Funahashi*, согласно которой *бесконечно большая искусственная нейронная сеть с единственным скрытым слоем способна точно приблизить (аппроксимировать) любую непрерывную функцию*. Следовательно, можно с какой-то степенью точности приблизить и использование закономерностей простых чисел в педагогической практике.

Все это в совокупности дает основание полагать, что и наоборот, используя простые числа можно с высокой степенью вероятности находить законы и закономерности поведения опорных педагогических данных (их по-другому называют «реперные точки»). Но проблема усугубляется тем, что появление самих простых чисел *не подчинено какой-либо системе*: они возникают в ряду натуральных чисел самопроизвольно, игнорируя все попытки математиков выявить закономерности в их последовательности. Поэтому факт их продуктивного использования в педагогике очевиден, но проблема выявления, по каким законам они функционируют, остается открытой. Но все же, исследователи и в этом направлении продвинулись далеко вперед. Рассмотрим подмеченные правила нахождения простых чисел и механизмы работы с ними.

Напомним, что число называется простым, если оно делится только на единицу и на само себя. Таким образом, простыми числами являются 2, 5, 7, 11, 13, 17 и т.д.

Но существуют ли законы нахождения простых чисел? Бесконечны ли простые числа? На второй вопрос можно ответить утвердительно: да, простые числа

бесконечны. Ответ на первый вопрос – и да, и нет. Есть методы, такие как «решето Эратосфена», позволяющие находить простые числа меньше заданного числа; есть формулы для нахождения некоторых простых чисел, но нет правил, позволяющих вычислить все простые числа.

В настоящее время не найден закон появления простых чисел в ряду натуральных чисел. Например, больше всего простых чисел встречается в интервале от 1 до 100 и от 101 до 200. Среди чисел от 1 до 1000 насчитывается 168 простых чисел, а в последней тысяче среди чисел 10^{100} и $10^{100} + 1000$ простых – всего два. Доказана теорема, определяющая приблизительную частоту появления простых чисел среди целых. Предположим, что $P(N)$ – количество простых чисел меньших N . Например, $P(8)$ равно 4, так как в интервале до 8 присутствуют четыре простых числа – 2, 3, 5 и 7. Теорема о распределении простых чисел гласит, что с увеличением N соотношение $N/P(N)$ постепенно приближается к натуральному логарифму N : $P(N) \approx N/\ln(N)$.

Один из первых вопросов, который неизбежно возникает при изучении простых чисел, звучит так: каково расстояние между двумя соседними простыми числами? Пока на этот вопрос не смог ответить никто, однако можно заметить, что многие простые числа отделены друг от друга всего двумя числами. Например,

$$\begin{aligned} 5 &= 3 + 2, \\ 7 &= 5 + 2, \\ 13 &= 11 + 2. \end{aligned}$$

Такие пары простых чисел (p, q) , для которых выполняется условие $q = p + 2$, получили название *простых чисел-близнецов*. Первые простые числа-близнецы: $(3, 5)$, $(5, 7)$, $(11, 13)$, $(17, 19)$,... $(857, 859)$, $(881, 883)$ Формула простых близнецов $(6x + 5, 6x + 7)$, где x – натуральное число. Имеется всего 1224 пары близнецов до $n = 100000$ и 8164 пары до $n = 1000000$. Если два простых близнеца расположены рядом в последовательности простых чисел, то такие числа называют *четверками близнецов*. Например, 191, 193, 197, 199. Формула четверки близнецов следующая $(6x + 5, 6x + 7, 6x + 11, 6x + 13)$, где x – натуральное число.

И так, к настоящему времени неизвестна общая формула, которая порождает бы последовательность простых чисел. Однако существует ряд эмпирических формул, например, простое число $p > 3$ представимо в виде $6n \pm 1$, где n – натуральное число. Другая формула, многочлен Эйлера $x^2 + x + p$, где x – натуральное число, p – простое число, при $x^2 + x + 41$ дает 581 простое число.

Французскому философу и математику Марену Мерсени еще в 1644 году было известно, что если p не является простым, то $2^p - 1$ также не будет простым. Он установил простые числа, которые получили его имя – *числа Мерсена*: $M = 2^p - 1$, где $p = 2, 3, 5, 7, 13, 17, 19, 31, 61, 89, 107, 127$. Например, $M_2 = 2^2 - 1 = 4 - 1 = 3$; $M_3 = 2^3 - 1 = 8 - 1 = 7$. Если продолжать в том же роде, $M_5 = 31$ и $M_7 = 127$, то есть будут простыми числами. Как ему удалось получить этот результат с помощью вычислительных инструментов того времени, по-прежнему остается загадкой (представьте, как можно доказать, что последнее число в его списке – 170 141 183 460 469 231 731 687 303 715 884 105 727 – является простым). Также были получены и другие формулы определения простых чисел: простые *числа Ферма*: $F_p = 2^{2^n} + 1$, где n – натуральное число; простые *числа Каллена*: $K = n \cdot 2^n \pm 1$, где n – натуральное число.

Основная теорема арифметики утверждает, что любое целое положительное число больше единицы можно разложить как произведение простых чисел с точностью до порядка множителей. Например, $18 = 2 * 3 * 3$, или $924 = 2 * 2 * 3 * 7 * 11$. Гольдбах предполагал, что каждое четное число, большее 2, есть сумма двух простых чисел, а

каждое нечетное число, большее 5, является суммой трех простых. Доказано, что гипотеза Гольдбаха справедлива для больших чисел.

Обсуждение. Учитывая то, что педагогические системы являются составной частью социальных систем, очевидно, что подмеченные закономерности могут использоваться и для педагогических данных. Если кратко суммировать формальные прагматические преимущества использования простых чисел для анализа строения и динамики педагогических систем, то можно отметить следующее. *Во-первых*, их меньше, чем составных чисел, что позволяет «сжать» количественную педагогическую информацию, т. е. представить ее более экономным образом и более просто проанализировать. *Во-вторых*, свойства простых чисел позволяют принципиально, по-новому, анализировать эмпирические данные. *В-третьих*, простые числа уже известны, что позволяет использовать их в качестве «опорных» («реперных») точек при прогнозировании и диагностике строения и динамики развития педагогических систем, особенно для прогноза эмпирических данных, которые в подавляющем числе случаев измеряются с ошибками [8, с. 227].

Также замечено, что в исследовательской педагогической практике можно очень эффективно использовать и числа Рамануджана-Харди.

Индийский математик Сриниваса Рамануджан заметил удивительные свойства числа 1729. По его мнению, это наименьшее натуральное число, которое представимо в виде суммы кубов двумя различными способами. И действительно, $1729 = 1^3 + 12^3 = 9^3 + 10^3$. Подобные числа получили название чисел Рамануджана-Харди (Г. Х. Харди британский математик, который был наставником Рамануджана). Они определяются следующим образом: *n*-е число Рамануджана-Харди – это наименьшее натуральное число, которое можно представить в виде суммы кубов *n* различными способами. В настоящее время известны только пять чисел, обладающих такими свойствами:

$$T(1) = 2.$$

$$T(2) = 1729,$$

$$T(3) = 87\,539\,319,$$

$$T(4) = 6\,963\,472\,309\,248,$$

$$T(5) = 48\,988\,659\,276\,962\,496.$$

Шестое число этой последовательности до сих пор неизвестно.

Они также могут служить в качестве базовых точек в мониторинге и прогнозировании педагогических процессов и явлений.

Теперь рассмотрим удивительную закономерность встречаемости цифр в результатах целых степеней двойки, то есть, если посмотреть на последовательность первых цифр чисел 2^n (где $n = 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, \dots$), то окажется ряд чисел: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512, 1024, 2048, 4096..., в котором процентная частота появления на первом месте цифр от 1 до 9 будет следующая: 30, 17, 12, 10, 8, 7, 6, 5, 5. То есть цифра 1 появляется в 30 %, а цифра 9 – в 5 % случаев, т. е. в 6 раз реже.

Если посмотреть на первые цифры чисел, которые определяют население стран мира, то обнаружится замечательная закономерность, что количество встречающихся цифр 1 в этих числах примерно будет больше чем цифры девять примерно в шесть раз. Эту закономерность впервые подметил Н. Н. Константинов, а исследователь М. Б. Севрюк обратил внимание на то, что не только население, но и площади стран мира подчиняются такому же странному закону распределения первых цифр, как степени двойки. Математик В. И. Арнольд к замеченному факту добавил, что в эту ниспадающую последовательность частот первых цифр приближенно вписываются также длины рек и высоты гор. Для

контроля он проверил и убедился, что число страниц в книгах его библиотеки подчиняется тому же статистическому закону [9].

Если в вашей библиотеке находятся книги с числом страниц от 10 до 20 страниц (их относят к брошюрам), а также с числом от 90 до 100 (тонкие книги) и от 100 до 200 страниц (средние книги), то их в сумме будет примерно в 6 раз больше, чем книг с числом страниц и от 900 до 1000 (толстые книги).

Этот закон назван в честь физика Фрэнка Бенфорда, который в 1938 году опубликовал исследование, посвященное этой закономерности, хотя само открытие было сделано гораздо раньше, еще в 1881 году. Именно тогда, математик Саймоном Ньюкомб первым обнаружил, что страницы его справочника с участием цифры 1 гораздо сильнее замусолены (на 30 %), чем любые другие страницы без участия этой цифры.

Объяснение этого результата было сделано относительно недавно, и следует из теоремы Г. Вейля, доказанной более ста лет назад. По его утверждению, первая цифра i числа определяется тем, в какой из отрезков между точками lgi и $lg(i + 1)$ попадает дробная часть (мантисса) его логарифма (здесь и далее логарифмы десятичные).

Поскольку $lg2n = nlg2$, а число $x = lg2$ иррационально, теорема Вейля указывает нам равномерное распределение точек $lg2n$ на отрезке от 0 до 1. Следовательно, доля чисел 2^n , имеющих первой цифрой десятичного разложения i , составляет длину p_i отрезка от lgi до $lg(i + 1)$. Таким образом, мы получаем следующую статистику первых цифр чисел 2^n (табл. 3):

Таблица 3

Таблица первых девяти статистических значений цифр чисел 2^n

i	1	2	3	4	5	6	7	8	9
$I \cdot p_i$	0,30	0,17	0,12	0,10	0,08	0,07	0,06	0,05	0,05

Среди многочисленных удивительных закономерностей математики, это *единственное распределение*, которое не зависит от того, в каких единицах распределяются значения величин населения стран, книг в библиотеке, длин рек, высоты гор и площади государств (будь то миллионы человек, сотни экземпляров, километры, метры, квадратные километры, и т. д.). Поэтому напрашивается мысль, если эта закономерность встречается в таблицах численности населения, уровней смертности, курсов акций, статистике футбольных соревнований и площадей, государств, рек и озер, то почему бы не проверить его универсальность и в экспериментальных данных педагогических исследований.

Аналогично использованию простых чисел-близнецов и четверок близнецов для больших объемов экспериментальных педагогических данных можно применить формулу по обнаружению, так называемого «сгустка бинарной сложности». Обнаруженное преобладание составных событий низкой бинарной сложности над составными событиями с высокой бинарной сложностью получило название *эффекта Арнольда-Филатова* [9; 10].

Понятие *бинарной сложности* ввел академик РАН РФ Владимир Игоревич Арнольд для слов, составных событий и спектров (так называемых, цуг). По его мнению, разные цуги (спектры, записанные в виде двоичных значений последовательностей) одинаковой длины, могут обладать разной сложностью [9; 11]. Например, результат выпадения монеты «101», является более сложным, чем «111», то есть, *сложность* – это число возможных трансформаций. В потоковых последовательностях имитирующих большую величину, например, разных букв в слове, коротком по длине, количественно преобладают простые (последовательные) цуги (например, наиболее используемые буквы в алфавите) («000»,

«111»,...) над сложными (инверсными) цугами («010», «101»,...). Их можно применять в педагогике для решения различных задач сочетания, распределения и т.п. Разница между бинарными последовательностями, с их уникальными свойствами, и другими типами последовательностей, получаемых перестановкой букв (звуков, морфем) в словах (или слов в предложениях-суждениях), была получена теоретически. Дело в том, что существует *четырёхкратное преобладание простых (последовательных) составных событий над сложными (инверсными) событиями* (цугами, словами) той же длины, и это позволяет ввести *логическую условность*, так называемое, *составное событие*. После ввода *логического обобщения*, которое гласит, что события из нулей и единиц одинаковой длины (например: «000» = «111») являются одним и тем же не различимым, составным событием одинаковой бинарной сложности, создается позитивное условие, что количество рассматриваемых вариантов выпадений можно резко сократить, и тем самым уменьшить сложность формул, описывающих соответствующие закономерности. Такое упрощение позволяет найти конкретные формулы расчета сгустков бинарной сложности.

По Джозефу Форду [12] случайная бинарная последовательность является максимально сложной, он указывает, что «бесконечные максимально сложные последовательности настолько непредсказуемы, что их нельзя вычислить с помощью какого-либо конечного алгоритма», и добавляет, что «задать такую последовательность можно, только предъявив ее копию». Утверждение, что последовательность можно задать только с помощью ее копии говорит о ее несжимаемости. Но это не совсем так, ведь ее можно задать цугами, а, следовательно, применить механизм сжатия. И такой алгоритм, позволяющий получать нужные пропорции составных событий в процессе случайного использования букв (символов, звуков, слов), был найден [10]. Следовательно, можно и большой объем педагогической информации, предназначенной для обработки – сжимать. Необходимо заметить, что найденные формулы, так называемой «поточковой теории» являются дополнением к известным комбинаторным и вероятностным формулам. Они начинают работать там, где завершают свое применение традиционные комбинаторные (факториальные) формулы (в частности, формула выпадения монеты – $1/2^n$). Очень образно область их определения описал сам О. В. Филатов: «Если сравнить области работ для выше упомянутых формул в виде пространственных удалений от Земли, то традиционные формулы обслуживают области атмосферы и околоземного пространства, а формулы «поточковой теории» обслуживают область всей оставшейся Вселенной» [10, с. 4]. Иными словами, бинарные сгустки могут использоваться в педагогических исследованиях лишь тогда, когда имеется очень большая статистическая база обрабатываемого материала. Только тогда можно использовать эту модель, тем более что сами закономерности были тоже выявлены при обработке огромных массивов данных, причем с использованием компьютерной техники.

Заключение. Представленные формализованные вычислительные модели: принцип Парето, закономерности простых чисел (числа-близнецы, четверки близнецов, числа Мерсена, Ферма, Каллена), закономерности чисел Рамануджана-Харди, закономерности в распределении ниспадающей последовательности частот первых цифр вида 2^n , являются простыми и удобными методами для анализа педагогических данных. Применение этих моделей основано на том, что природа во всех своих проявлениях стремится к экономии, а педагогические законы и закономерности в этом плане, не являются исключениями, следовательно, рассмотренные модели являются «минимальным мультипликативным базисом реального отражения вещей», поэтому могут использоваться в качестве предварительного инструмента для «прикидки» в выявлении и «нащупывании» педагогических законов. Кроме того, в общесистемной

теории детерминированного хаоса [13, с. 50] существует *принцип удвоения*, как один из базисных исходных пунктов в осуществлении процесса любой самоорганизации (в том числе, и самоорганизации педагогических процессов и явлений), поэтому близнецы и четверки простых чисел, сгустки бинарной сложности, наименьшие натуральные числа, которые можно представить в виде суммы кубов различными способами, частотные числа в законе распределения геометрической прогрессии, соответствуют этому принципу удвоения, и он обязательно в той, или иной форме – выполняется.

В педагогических системах существуют критические уровни развития, предельные верхние и нижние допустимые границы различных параметров, которые по законам «общей экономии», обязательно стремятся к числовым значениям рассмотренных формализованных методов. Все представленные модели являются отражением фундаментальных законов природы, многие из которых подкреплены и основаны на законах симметрии, законах сохранения, концепции «золотого сечения» и других законах. Они функционируют на основе всеобщей гармонии, поэтому являются своеобразным отражением объективной педагогической реальности, своеобразным «структурным скелетом» строения и динамики педагогических систем.

Но это не значит, что все полученные эмпирические данные в педагогических исследованиях обязательно должны повторять «опорные» числовые значения или ограничительные уровни развития, вытекающие из рассмотренных формализованных моделей, хотя сам факт, что они стремятся к этим значениям – очевиден. Гипотеза, выдвинутая в этой статье, многократно подтверждается многочисленными результатами педагогических исследований, которые говорят об общности и единстве законов природы, включая и законы развития педагогических систем. Особенная ценность применения формализованных методов проявляется тогда, когда других конструктивных или предметных моделей для выявления закономерностей не существует, или, когда модель можно построить, но на это уйдет очень много времени и сил. Поэтому такие формализованные модели являются великолепным инструментом в «прикидочных оценках» предполагаемых результатов для диагностики и прогнозирования педагогических явлений и процессов. Они могут служить отправной точкой для более содержательного анализа, с использованием более глубоких и обоснованных методик.

Рассмотренные модели на основе чисто формализованных математических закономерностей являются основой для реализации их в интеллектуальных системах добычи знаний (Data Mining), в частности для быстрой и эффективной обработки больших массивов педагогической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грабарь М.И. Планирование методических экспериментов и математическая обработка результатов: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1989. – 40 с.
2. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2001. – 350 с.
3. Азальгадов Г. Г. О квалитетрии / Г. Г. Азальгадов, Э. П. Райхман. М. : Издательство стандартов, 1972. – 172 с.
4. Зайцев В. Ф. Математические модели в точных и гуманитарных науках. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2006. – 112 с.
5. Солодов А. В. Системы с переменным запаздыванием / А. В. Солодов, Е. А. Солодова. – М. : Наука, 1980. – 384 с.
6. Солодова Е. А. Математическое моделирование педагогических систем / Е. П. Солодова, Ю. П. Антонов. – МКО – 2005, Ч. 1, С. 113–121.
7. Ландэ Д. В. Поиск знаний в Internet. Профессиональная работа. : Пер. с англ. – М. : Вильямс, 2005. – 272 с..

8. Давыдов А. А. Системный подход в социологии : новые направления, теории и методы анализа социальных систем. – М. : ДомКнига, 2005 – 328 с.
9. Арнольд В. И. Сложность конечных последовательностей нулей и единиц и геометрия конечных функциональных пространств / Математический институт им. В. А. Стеклова, Москва. Публичная лекция 13 мая 2006 г. для школьников и студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430178/Doklad_v_Moskovskom_matematicheskom_obshchestve
10. Филатов О. В. Эффект Арнольда-Филатова. Золотое, серебряное сечения. Альтернативная запись бесконечно сложной последовательности. Аргументация по фундаментальности «Потоковой теории» / О. В. Филатов, И. О. Филатов. – Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, № 1, 2015.
11. Филатов О. В. О закономерностях структуры бинарной последовательности / О. В. Филатов, И. О. Филатов. – Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, № 5, 6, 7, 11, 2014.
12. Ford J. How random is a coin toss? / Joseph Ford. – Physics Today, April 1983, p. 40–47.
13. Шустер Г. Детерминированный хаос : введение. М. : Мир, 1988. – 345 с.

Поступила в редакцию 29.11.2016 г.

USE OF FORMALIZED MATHEMATICAL MODELS FOR THE ANALYSIS OF PEDAGOGICAL DATA

T. I. Bugayova

The article deals with the problems of using formal mathematical models for the analysis of pedagogical data. The application of the Pareto principle, regularities of prime numbers and a sequence of numbers of the form $2n$ in pedagogical practice is substantiated. The use of the law "bunches of complexity" for the analysis of large information databases in pedagogical experiments is defined. The application of formalized mathematical methods as a tool for "estimated estimations" of the expected results of diagnosis and prediction of pedagogical phenomena and processes is proposed.

Key words: pedagogical forecasting, pedagogical diagnostics, analysis of pedagogical data, processing of pedagogical information, formalized models, mathematical methods.

Бугаева Татьяна Ивановна.

Кандидат педагогических наук.

Донецкий национальный университет.

Доцент кафедры инженерной и компьютерной педагогики.

E-mail: bugaeva_tatyana@mail.ru

Bugayova Tetyana Ivanivna

Ph. D. of Pedagogical Sciences

Donetsk National University

The Senior lecturer of the Engineering and Computational Pedagogic Department

E-mail: bugaeva_tatyana@mail.ru

И С Т О Р И Я

УДК 327.8

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ЦАРСКОМ РИМЕ

© 2017. *М. М. Кухтин*

В статье рассмотрена проблема преемственности верховной власти в царском Риме. Установлено, что изучаемый исторический период был отмечен борьбой царей с различными аристократическими и демократическими элементами римского общества. Первые хотели окончательно превратить свой титул в наследственный, вторые настаивали на соблюдении той или иной процедуры избрания. Из-за данного противоречия механизмы передачи царской власти так и не отлились в цельные формы.

Ключевые слова: архаический Рим, военная демократия, царь, сенат, народное собрание.

Царская эпоха римской истории является наименее изученной из-за скудности источников и из-за того, что правда в них неразрывно переплетена с мифами и последующими вымыслами. Историчность этрусских царей доказана. Ромула и Тита Тация плодотворнее изучают специалисты по мифологии, чем историки [1, т. 2, с. 380-384, 387-388]. С. И. Ковалев замечает, что «легенда о Ромуле чисто этиологическая» [2, с. 78]. Нума Помпилий, Тулл Гостилий и Анк Марций находятся в своеобразной серой зоне. В науке укоренилось мнение, что, скорее всего, все шесть римских царей после Ромула, в общем и целом, историчны [2, с. 81]. Однако есть и альтернативные точки зрения. Неизменность списка царей является сильным [2, с. 81], но небесспорным аргументом в его пользу. Вполне возможно, что последним в нем, вопреки традиции, должен быть не Тарквиний Гордый, а Порсена [3, с. 237].

При написании статьи были использованы специальные работы по истории древнего Рима [2; 3; 4; 5; 6; 7], «История Рима от основания города» [8] Тита Ливия, «Римские древности» [9] Дионисия Галикарнасского и «Золотая ветвь» [10] выдающегося британского этнографа Дж. Дж. Фрэзера. Цель статьи – рассмотреть вопрос о преемственности верховной власти в царском Риме. Для этого необходимо привлечь античные источники и данные этнографии. Географические рамки исследования охватывают Центральную Италию, хронологические – 754-509 гг. до н. э.

Глубоко изучив вопрос методами сравнительной этнографии, Дж. Фрэзер пришел к выводу, что в Риме древнейшего периода «право наследования передавалось по женской линии и титул царя переходил к иностранцам, которые женились на дочерях царя» [10, с. 166]. Согласно традиции, Нума Помпилий был зятем мифического Тита Тация, Сервий Туллий – Тарквиния Древнего, Тарквиний Гордый – Сервия Туллия. Тулл Гостилий и Анк Марций выпадают из данной последовательности: ни об одном из них источники не говорят, что он наследовал тестю или ему наследовал зять. Впрочем, Анк Марций считается внуком Нумы Помпилия по материнской линии, Ромул – сыном Реи Сильвии, дочери альбанского царя Нумитора; Тарквиний Гордый, вероятно, был сыном одной из дочерей Тарквиния Древнего. Жена Тарквиния Древнего и, по одной из версий, мать Сервия Туллия были знатного рода. Таким образом, находит себе подтверждение более общий тезис Дж. Фрэзера, согласно которому порядок

престолонаследия во многих архаических обществах определялся счетом родства по женской линии. Интересные, хотя и спорные, соображения по рассматриваемому вопросу принадлежат российскому исследователю А. В. Коптеву [4].

Есть разрозненные, не вполне надежные указания того, что сын римского царя теоретически мог унаследовать верховную власть от отца [9, III, 35, 72; 9, IV, 6], однако на практике таких случаев не было. Вероятно, старый, отмеченный влиянием матриархата порядок престолонаследия был бы постепенно вытеснен новым, сугубо патриархальным, если бы царская власть в Риме просуществовала дольше.

Распространено мнение, что римский царь не был наследственным правителем, но избирался пожизненно [2, с. 97]. Сохранились указания на избрание по результатам поединка или соревнования в беге [3, с. 151]. Ненаследственный характер царской власти доказывается как рядом общих соображений, касающихся военной демократии, так и наличием института *interregnum* и ритуала *regifugium* [7, с. 142]. Вышесказанное нетрудно согласовать с концепцией Дж. Фрэзера. Можно предположить, что претендент на престол, победивший соперника или соперников, одновременно получал руку царской дочери и становился наследником царя, причем одно юридически увязывалось с другим [10, с. 166-173]. Кроме того, ритуальное испытание царя или его предполагаемого преемника, вполне возможно, со временем превратилось в формальность [4].

Изложенной концепции не противоречит известное из источников избрание царя путем сложного взаимодействия народного собрания и сената [5, с. 15-18]. Во-первых, следует представлять себе избрание ограниченным обычаями, несвободным. Историками многократно высказывалось мнение о, в целом, пассивной роли народных собраний в избрании царей [6, с. 240]. Во-вторых, римская политическая система древнейшего периода была еще незрелой и допускала значительные отступления от принятого порядка. Так, например, Сервий Туллий пришел к власти без народного избрания, только с согласия сената [8, I, 41]. В-третьих, традиция не упоминает ни одного конкретного случая, когда куриатные комиции отвергли бы предложенного им кандидата в цари. Наконец, латино-сабинские и этрусские цари правили в разных конкретно-исторических условиях: изучаемый период был отмечен активной политической борьбой, и соотношение сил между царем, сенатом и народным собранием неоднократно менялось [6, с. 240].

Достижение цели исследования затрудняется ненадежностью традиции. Тулл Гостилий и Анк Марций отчасти дублируют Ромула и Нуму Помпилия: симметрично чередуются воины и религиозные деятели [2, с. 83]. Удвоение числа сенаторов приписывается и легендарному основателю Рима [9, II, 47, 57], и воинственному наследнику Нумы [2, с. 96]. Легенда о Ромуле отражает реальный факт равноправного объединения латинской и сабинской общин. Логично предположить, что после данного события римский сенат, в котором заседали сто латинов, был дополнен ста сабинами. В варианте с Туллом Гостилием речь идет не о равноправном объединении двух общин, а о разрушении Альбы Лонги римлянами и принудительном переселении ее жителей в Рим. Трудно поверить, что побежденные получили в сенате равную с победителями квоту.

Царская эпоха римской истории охватывает упадок военной демократии и становление примитивного государства. В данных условиях механизмы передачи верховной власти не могли ни остаться неизменными, ни отлиться в цельные, свободные от противоречий формы. Трудно прийти в данном вопросе к обоснованным выводам, относящимся к царскому Риму в целом. По крайней мере, следует отметить

борьбу царей с ограничивавшими их власть обычаями и институтами. Цари хотели как можно меньше считаться с сенатом и народным собранием, самостоятельно назначать себе преемников и снять даже теоретические и потенциальные ограничения на продолжительность своего правления. Упомянутые противоречия в итоге привели к свержению царской власти и установлению республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000.
2. Ковалев С. И. История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное / С. И. Ковалев / под. общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. – СПб.: Полигон, 2002. – 864 с.
3. Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства / А. И. Немировский. – Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1962. – 303 с.
4. Коптев А. В. Правовой механизм передачи царской власти в архаическом Риме и сакральные функции трибуна целеров / А. В. Коптев // IUS ANTIQUUM. – 1997. – № 1(2). – С. 24-33. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1304023197> (дата обращения: 05.12.2016).
5. Кофанов Л. Л. Характер царской власти в Риме VIII-VI вв. до н. э. / Л. Л. Кофанов // Антиковедение и медиевистика: [сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Дементьева]. – Ярославль, 2001. – Вып. 3. – С. 14-24.
6. Маяк И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса / И. Л. Маяк. – М.: Издательство Московского университета, 1983. – 272 с.
7. Мухина М. В. Власть римских царей в VIII-VII вв. до н. э. / М. В. Мухина // Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 2. – 2013. – Вып. 3. – С. 133-142.
8. Тит Ливий. История Рима от основания города / Тит Ливий / пер. с лат. под ред. П. Адрианова. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. – 1632 с.
9. Дионисий Галикарнасский. Римские древности: в 3-х т. / Дионисий Галикарнасский. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.
10. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрэзер / пер. с англ. М. К. Рыклина // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 767, [1] с.

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

ON SUCCESSION OF THE SUPREME POWER IN ROYAL ROME

M.M. Kukhtin

This paper focuses on the succession of the supreme power in royal Rome. It has been ascertained that the historical period in question is marked by the struggle of the kings against different aristocratic and democratic elements of the Roman society. The kings wanted to finally turn their title into a hereditary one, while aristocracy insisted on the observation of an election procedure of some kind. As a result, the mechanisms of the transfer of the royal power remained contradictory.

Key words: ancient Rome, military democracy, king, senate, people's assembly.

Кухтин Михаил Михайлович

Кандидат политических наук

Донецкий национальный университет

Доцент кафедры международных отношений и внешней политики исторического факультета

Kukhtin Mikhail Mikhailovich

Candidate of Political Studies, Associate Professor

Donetsk National University

Department of International Relations and Foreign Policy of the Faculty of History

E-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

УДК 94:258(470+571)(477.62)"1988/2004"

СОЦИАЛЬНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1988–2004 гг.

© 2016 г. Л. П. Ландик

Данная статья посвящена проблемам социально-благотворительной деятельности Русской православной церкви в Донецкой области в 1988-2004 гг. В научный оборот впервые вводятся архивные документы Донецкого государственного архива, не опубликованные ранее. Дается характеристика основным направлениям благотворительной деятельности Церкви: помощь бедным, неимущим, детям, больным. Выделяются основные проблемы, стоящие на пути у православия в процессе предоставления помощи местному населению и возможные пути их решения. Особое внимание уделяется восстановлению роли Православной Церкви в регионе как одного из лидеров благотворительной деятельности.

Ключевые слова: православие, социально-благотворительная деятельность, Донецкая область, церковь, РПЦ

Настоящим толчком на пути развития благотворительности было принятие христианства, так как на протяжении длительного времени именно церкви и монастыри были центрами меценатской деятельности. Ведь Церковь учит людей исполнять заповедь о любви к ближнему, и самое важное способствует развитию желания оказать помощь тем, кто в этом нуждается. Поэтому человеколюбие является неотъемлемой частью церковной функции на протяжении всей ее истории. Рассматриваемый период не являлся исключением. При этом очень важным и актуальным является попытка проследить роль Православной Церкви в решении всех социальнозначимых проблем в регионе в 1988 - 2004 гг., так как этот период является переходным и включает в себя огромное количество экономических, политических и социальных трудностей, из-за которых многие люди оказались на грани выживания.

Целью данного исследования является рассмотрение социально-благотворительной деятельности Православной Церкви на территории Донецкого региона в 1988 - 2004 гг. Новизной научной статьи является то, что этот регион выбирается впервые для исследования основных направления социально-благотворительной деятельности церкви и вводятся в научный оборот архивные документы Государственного архива Донецкой Народной Республики, не опубликованные ранее.

В советский период благотворительная деятельность Церкви была практически вне закона, однако уже в 1991 г. был создан Отдел церковной благотворительности и социального служения, основными направлениями работы Отдела были: помощь детям-сиротам, многодетным и неполным семьям; помощь престарелым и инвалидам; помощь наркозависимым; помощь алкоголезависимым; помощь в чрезвычайных ситуациях; помощь бездомным; создание общецерковной базы данных по социальной деятельности; развитие православного добровольческого движения; информационное обеспечение социального служения; издание методических пособий по социальной работе; организация дистанционного обучения» [1].

Однако на Архиерейском соборе в 1997 г. во время доклада Патриарх акцентировал внимание на том, что существует ряд проблем с сфере социально-благотворительной деятельности: «К сожалению, неудовлетворительными остаются

межэпархиальные контакты в делах милосердия. Сотрудничество существует лишь в отдельных случаях, и основано оно главным образом на личных отношениях правящих архиереев. Оптимистическими и вселяющими надежду являются благотворительные планы большинства епархий. Однако некоторые из них связывают будущее социального служения лишь с получением финансовой или иной поддержки от соответствующего Синодального отдела. Это не путь решения проблемы. Необходимо более активно привлекать к реализации благотворительных проектов местных спонсоров, а не ждать помощи «слова руки» [2]. Этими словами Патриарх призывал к более активной деятельности Церкви по нахождению людей и организаций, способных помочь в благотворительной деятельности. То есть в идеале должно было осуществиться сращение светской и церковной филантропии под эгидой православной церкви.

На Архиерейском соборе в 2000 г. предоставляются довольно обширные пояснения о целях социально-благотворительной деятельности православной церкви и о проблемах, которые с ее помощью можно решить. Так Патриарх заявил: «Народы, духовно окормляемые нашей Церковью, переживают период системного общественно-экономического кризиса, последствия которого тяжелым бременем легли на плечи людей. Большинство населения оказалось за чертой бедности, многие пребывают в нищете. В особенно бедственном положении находятся малозащищенные группы — инвалиды, старики, дети-сироты. Многие наши соотечественники вынуждены бороться за элементарное физическое выживание. Происходит резкое ухудшение демографической ситуации. Будучи не в состоянии прокормить даже одного ребенка, молодые семьи стараются не иметь детей, и в результате в последние годы смертность превышает рождаемость. Негативные процессы усугубляются локальными военными столкновениями и конфликтами. Многие тысячи людей пострадали и продолжают страдать от действий террористов. Размещение и обустройство беженцев и вынужденных переселенцев превратилось в грандиозную проблему» [3]. Таким образом, можно утверждать, что сложившаяся ситуация являлась критичной и срочно требовала принятия конкретных действий по ее решению. Социально-благотворительная деятельность православной церкви являлась одним из возможных вариантов смягчения положения малозащищенных групп населения.

Украинская православная церковь (далее – УПЦ) также не могла не обратить внимания на тяжелую ситуацию, которая сложилась в стране в 90-е гг. XX в. Вопрос о благотворительной деятельности церкви был рассмотрен на совместном заседании Всеукраинского Совета Церквей, коллегии Минтруда и социальной политики и Госкомрелигии, который состоялся в феврале 1998 г. По его итогам был подписан Меморандум и была разработана программа содействия развития благотворительной работы церкви. Программу назвали «Во имя Христа». Согласно этому документу УПЦ помогала людям пожилого возраста, ветеранам войны и труда, инвалидам, чернобыльцам, раненым воинам-афганцам, осуществляла патронат над детскими заведениями, проявляло заботу об осужденных, брало шефство над больницами, содействовало созданию на их территории церквей и часовен, предоставляло помощь населению, которое пострадало от стихийного бедствия. Кроме того, церковь взаимодействовала и со светскими благотворительными организациями [4].

Однако существовали и определенные проблемы на пути развития религиозной благотворительности. В первую очередь, это, конечно же, нехватка финансов. Одним из решений данной проблемы могло быть государственное финансирование определенных благотворительных программ. Кроме того, все еще существовала недостаточная связь между церковными и светскими благотворительными

организациями, не получило должного развития спонсорство и меценатство. Также вопросы о благотворительной деятельности церкви были достаточно слабо освещены в средствах массовой информации.

Православная церковь Донецкой области также была обеспокоена проблемами социально-благотворительной деятельности, о чем ярко свидетельствуют статистические данные. Так в 1989 г. общий доход церкви Донецкого региона составил 4870,7 тыс. рублей, из них направлено: 510,1 тыс. – в фонд мира, 26,6 тыс. – в детский фонд, 12,4 тыс. – в фонд культуры, 27,9 тыс. – в областной фонд милосердия и здоровья, 10 тыс. – в помощь пострадавшим в ж/д катастрофе на продуктопроводе в Башкирии, 4,6 тыс. – пострадавшим от землетрясения в Армении, 0,3 тыс. – пострадавшим от землетрясения в Таджикистане, 0,1 тыс. – пострадавшим от аварии на черновыльской АЭС, 0,1 тыс. – в Грузию, 3 тыс. – в фонд инвалидов-афганцев, 2 тыс. – в фонд городов (Дзержинск и Красноармейск), 1 тыс. – в городской фонд борьбы с преступностью (г.Краматорск), 0,6 тыс. – обществу охраны природы, 0,2 тыс. – обществу борьбы за трезвость, 11 тыс. – Красному Кресту. Кроме того, около 300 тыс. было направлено на: реставрацию Оптиной пустыни, Томского монастыря, строительство Троицкой церкви в Москве, расширение Одесской духовной семинарии, реставрацию Киево-Печерской лавры, восстановление Черниговского духовного училища, реставрацию Даниловского монастыря и т.д. [5]. Исходя из вышеуказанного списка можно констатировать, что православная церковь охватила все возможные сферы благотворительной деятельности – от общесоветских (проблем в Армении, Таджикистане и Грузии) до сугубо местных нужд (в Краматорске или Дзержинске).

Вопрос благотворительности церкви был под постоянным государственным контролем. Так, в частности, Глава Государственного Комитета по делам религии В.Д. Бондаренко в 1997 г. присылал распоряжения в местные органы по делам религии, в которых рекомендовал провести соответствующую разъяснительную работу среди духовенства по поводу активизации участия религиозных организаций в благотворительной и милосердной деятельности по проведению памятных мероприятий, посвященных участникам ликвидации аварии на ЧАЭС. Акцентировалось внимание на привлечении руководителей религиозных организаций к использованию возможностей церкви в проведении ежегодной весенней экологической акции «Дерево жизни», об озеленении населенных пунктов и памятных мест [6]. То есть государственные органы власти также стремились поставить под свой контроль благотворительную деятельность религиозных организаций, в том числе и православной церкви.

Социально значимая деятельность православной церкви в Донецкой области даже была отражена в ежегодном отчете отдела по делам религии за 2002 г. На этой территории УПЦ действовала в рамках следующих направлений: 1) выделение средств из благотворительных фондов на ежедневное бесплатное питание социально-незащищенных слоев населения в столовых при храмах; 2) поставка сладостей в детский приют г. Авдеевки от Свято-Николаевской церкви и более 500 пищевых подарков получили жители дома престарелых; 3) предоставление денежной помощи на приобретение медикаментов в Авдеевскую городскую больницу; 4) проведение душпастьерской работы религиозной общиной Свято-Троицкой парамии (с. Сергеевка) Красноармейского района в отделе временного пребывания одиноких людей преклонного возраста; 5) предоставление адресной помощи Свято-Преображенским храмом г. Волновахи вместе с греческим обществом «Гелиос» в виде теплой одежды и обучи жителям села Анадоль. Также была предоставлена помощь Волновахскому

обществу инвалидов в размере 600 грн. для приобретения медикаментов; б) был открыт дом «Милосердие» в с. Никольское Волновахского района при Свято-Васильевском монастыре, где проживали более 100 человек преклонного возраста [7].

Еще в 1999 г. в государстве по инициативе Президента начала проводится акция «Милосердие». «Цель акции - обратить внимание общественности на проблемы граждан преклонного возраста и предоставить адресную материальную поддержку малообеспеченным пенсионерам, одиноким нетрудоспособным гражданам, инвалидам, детям из малообеспеченных многодетных семей» [8]. И в 2003 г., в рамках акции «Милосердие», религиозными организациями УПЦ в Донецкой области была проведена следующая работа:

- Свято-Николаевский храм г. Авдеевки из благотворительного фонд выделил средства на ежедневное бесплатное питание социально незащищенным слоям населения в столовой при храме. Воспитанники детского дома получили наборы сладостей от церкви. Более 500 продуктовых подарков получили жители домов престарелых;

- Святогорский Св. Успенский мужской монастырь по личным обращениям граждан предоставил адресную помощь в виде одежды 80 нуждающимся гражданам на сумму 665 грн.

- Св. Николаевской церковью г. Новоазовска проводились благотворительные обеды на колесах для людей, которые не имеют постоянного жилища. В рамках этой акции было накормлено более 300 человек;

- религиозными общинами УПЦ Марьинского района вместе с местными с/х предприятиями каждую неделю проводились благотворительные обеды более чем на 1000 человек. Также обеспечено бесплатное питание в школьных столовых для детей из малообеспеченных и многодетных семей;

- в с. Доброволье Марьинского района в Доме Милосердия при Свято-Богоявленском храме при содействии СТОВ «Богоявленское» были организованы благотворительные обеды на 100 человек;

- общиной Св. Вознесенского храма г. Докучаевска собрана одежда и бытовая техника и передана местному территориальному центру для дальнейшей передачи многодетным семьям;

- церковь Иоанна Кронштадтского в г. Кировское вместе с терцентром организовала благотворительные обеды для 30 человек;

- религиозной общиной Свято-Троицкой парафии (с. Сергеевка) Красноармейского района проводилась душпаستырская работа в отделе временного пребывания одиноких людей преклонного возраста;

- Свято-Пантелеймоновский храм организовал 12 благотворительных обедов для 932 нуждающихся жителей города [9].

В статистических отчетах за 2002 и 2003 гг. прослеживается тенденция повторения некоторых милосердных действий, что свидетельствует о том, что благотворительность для православной церкви отнюдь не является одноразовой акцией, ни к чему не обязывающей. Напротив, Церковь понимала свою ответственность за людей, которые нуждаются в ее помощи, и выполняет все обязательства, взятые на себя.

В 2004 г. ко дню Святого Николая в г. Константиновке был проведен праздник для детей-сирот с театрализованным представлением, сладким столом и подарками.

Таким образом, 1988 – 2004 гг. являются период восстановления одной из важнейших функций Церкви в обществе – социально-благотворительной. В Донецкой области это проявилось довольно ярко и даже появляется возможность выделить

отдельные направления этой деятельности: помощь малоимущим продуктами, организацией горячего питания и одеждой, забота о детях-сиротах, людях преклонного возраста, помощь больницам в приобретении нужных медикаментов и медицинского оборудования. Однако даже сегодня все еще ощутимой является нехватка финансовых средств и согласованное взаимодействие между разными епархиями, которые формируют ряд проблем на пути осуществления социально-благотворительной деятельности православной церкви не только на территории Донецкого региона, но и всего постсоветского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.patriarchia.ru/db/text/65944.html>
2. Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе 1997 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.patriarchia.ru/db/text/421718.html>
3. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе 2000 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.patriarchia.ru/db/text/421863.html>
4. Дундар В.В. Доброчинна та милосердницька діяльність української православної церкви (1991-2000 рр.) / В.В.Дундар // Історичні та політологічні дослідження. - 2002. – № 3/4 (11/12). - С. 203.
5. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее Госархив ДНР). Ф. 4021, Оп.1, Д. 606. Сводные годовые статистические отчеты о сети религиозных объединений, 1989. – Л. 2.
6. Госархив ДНР. Ф. 4021, Оп.1, Д. 646. Переписка с Государственным комитетом Украины по делам религии по основной деятельности. Февраль-ноябрь 1997 г. – Л. 4.
7. Госархив ДНР. Ф. 4021, Оп.1, Д.708. Годовой информационный отчет отдела о состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации, государственно-церковных отношений в Донецкой области, 2002. – Л.13-14.
8. Акция «Милосердие» [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://elvisti.com/node/27777>
9. Госархив ДНР. Ф. 4021, Оп.1, Д. 726. Листування з державним комітетом України у справах релігій з питань роботи відділу, 2003. – Л. 22. Годовой информационный отчет отдела о состоянии и тенденциях развития религиозной ситуации, государственно-церковных отношений в Донецкой области, 2002. – Л.13-14.

Поступила в редакцию 01.12.16 г.

SOCIAL AND CHARITABLE ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1988 - 2004 IN DONETSK REGION

L.P. Landik

This article deals with the problems of social and charitable activities of the Russian Orthodox Church in Donetsk region in 1988-2004. It is for the first time that the archival documents of Donetsk State Archives, unpublished before, have been researched into. The main directions of the charitable work of the Church such as helping the poor, children and the sick are considered. The author singles out the main problems, the Orthodoxy encounters, and works out possible solutions to them. A special attention is attached to restoring the role of the Orthodox Church as one of the leaders of charitable activities in the region.

Key words: Orthodox, social and charitable activities, Donetsk region, the church, the Russian Orthodox Church

Ландик Лариса Петровна

Аспирантка

Донецкий национальный университет

E-mail: lplandik@gmail.com

Landik Larisa Petrovna

Post-graduate student

Donetsk National University

E-mail: lplandik@gmail.com

УДК 930.22

ИЗ РАНИХ ДОКУМЕНТОВ ЛНР (БОЛОТОВСКИЙ ПЕРИОД)

© 2016. Ю.Р.Федоровский

Статья представляет собой первую публикацию и введение в научный оборот ряда установительных документов Луганской Народной Республики первого периода ее существования, когда Главой ЛНР являлся Валерий Болотов, один из лидеров революционного процесса 2014 года, получившего название «Русской Весны». Автор собрал, проанализировал и дал научный комментарий к 14 документам, изданным руководством ЛНР в период с апреля по август 2014 г. Это Удостоверения, Акты, Приказы, Протоколы и другие документы, представляющие большой общественно-политический и научный интерес для любых исследователей истории возникновения и становления Республик Новороссии.

Ключевые слова: Луганская Народная Республика, Болотов, Народный губернатор, Русская Весна, Референдум, комендатура, Новороссия, Карякин,

Вступление. Серьезные геополитические изменения, произошедшие на территории Украины в последние годы, фактически привели к ее развалу и возникновению новых государственных единиц: Республики Крым (вошедшей в состав РФ), а также Донецкой и Луганской Народных Республик. Изучение государствообразующих процессов в ЛНР невозможно без анализа ключевых документов, появившихся в их ходе. Таким образом, общественно-политическая и научная актуальность поставленной темы неоспорима. Объектом изучения является корпус данных документов, собранных автором в ходе развития Донбасской революции 2014 года. Публикация их и введение в научный оборот является главной целью работы, поэтому автор счел необходимыми сопроводить документы необходимыми пояснениями, дающими как бы пунктирный обзор событий становления Луганской Народной Республики в самый первый период ее существования – когда лидером являлся Валерий Болотов – первый Глава ЛНР. Поэтому автор считает правомерным и обоснованным введение в оборот термина «Болотовский период».

Изложение основных материалов. Февральский 2014 государственный переворот в Киеве, совершенный лидерами оппозиционных правонационалистических партий в опоре на фашиствующих боевиков «Правого сектора» и массовку так называемого «Второго Майдана», привел к незаконному отстранению от власти Президента Украины В.Януковича и его команды, а также к возникновению народного движения «Антимайдан», выражавшего интересы несогласных с переворотом масс. Ультранационалистические взгляды основного актива «Майдана» естественно толкнули в стан его противников в первую очередь прорусски настроенное население Юго-Восточных регионов. Массовые митинги, прокатившиеся 1 марта по всем городам, дали движению название «Русская Весна». На акциях выдвигались требования к местным властям не признавать легитимность нового киевского режима, запретить деятельность ультра-националистических радикалов, а также избирались собственные лидеры – «народные губернаторы». Авангардом протестов стали крупные города Востока: Донецк, Луганск, Харьков. Именно здесь 6-7 апреля произошли переломные события, давшие старт Донбасской революции: демонстранты захватили ключевые административные здания (Харьковскую и Донецкую ОГА и Луганское УСБУ) и начали провозглашать создание своих Народных Республик.

На Луганщине непосредственным поводом к выступлению послужила новая волна массовых арестов лидеров «Русской Весны» в ночь на 5 апреля. В тот же день случился «Алчевский пролог»: собравшиеся у здания городского управления СБУ люди перекрыли движение по центральной улице и ультимативно потребовали освобождения трех задержанных местных граждан. После напряженных переговоров они были освобождены, а участники акции устроили массовую демонстрацию по центральным улицам и митинг у здания горсовета. В этот же день в сети появился последний ролик «луганских партизан» - анонимных до этого представителей Антимайданного сопротивления, на котором их лидер снимал маску и открыто представлялся: Валерий Болотов, лидер областного Союза ветеранов ВДВ. По его призыву, собравшийся 6 апреля в Луганске очередной митинг перерос в штурм областного СБУ. Захватив здание с большим запасом оружия, восставшие объявили о создании «Армии Юго-Востока».

Первоначальный период был заполнен преимущественно организационной работой. Как пояснил в личной беседе с автором один из первых командиров АЮВ «А.Г.», ворвавшаяся в здание толпа требовала хотя бы минимальной организации, разбивки на воинские подразделения, системного вооружения и др. Острым оставался вопрос финансирования, который решался в первую очередь за счет добровольных пожертвований энтузиастов. **Первый документ** авторской коллекции связан именно с этим процессом. Это удостоверение А.Г.Артемова, назначенного 23 апреля 2014 от имени штаба Юго-Восточного Фронта (!) уполномоченным по вопросам финансового взаимодействия с РФ. Документ подписан казначеем Штаба В.Зарубой и комендантом С.Грачевым. Отметим, что помимо еще не устоявшегося названия формации, повстанцы к тому времени еще даже не обзавелись собственной печатью: удостоверение заверено печатью «Для довідок» Управления СБУ и какой-то шестиугольной самоделькой «Бюро пропусков КО». Насколько известно автору, А.Артемов (настоящая фамилия Л...) продолжал заниматься финансированием ЛНР вплоть до лета 2014 и по истечении срока действия первого удостоверения получил новое, с несколько измененным текстом: «является уполномоченным Штаба Армии Юго-Востока, находящегося по адресу г. Луганск, пл. Героев ВОВ, 3, по информационному окружению и вопросам финансового взаимодействия с Российской Федерацией». Подписано «финансовый управляющий В.В.Заруба». Позднее Артемов продолжал блогерствовать, работал в Фонде В.Болотова, вел паблик ОПЦН «Интербригада «Пятнашка». В.Заруба стал командиром подразделения ГАИ ЛНР «Кобра», в период активных боевых действий оказывал финансовую поддержку Луганским больницам №1, 2, 3, 4, 7, 8. Как ближайший помощник Болотова, после отставки вместе с ним выехал в Россию. Сергей Грачев, активный участник «Русской Весны» и штурма СБУ, вырос из коменданта здания в военного коменданта Луганска, а затем ЛНР. После реорганизации стал командиром Отдельного комендантского полка Народной милиции ЛНР.

Документ № 2 достаточно известен. Это Акт о провозглашении государственной самостоятельности Луганской Народной Республики от 27 апреля 2014. Заметим, однако, что во многих источниках [1, с. 20; 2, с.46] до сих пор ошибочно утверждается, что провозглашение ЛНР произошло 28 апреля. Видимо, это связано с традиционным запаздыванием СМИ, ибо митинг возле баррикад у здания Луганского СБУ, на котором был оглашен данный документ, произошел именно 27 апреля – во второй половине дня. И поэтому в большинстве СМИ эта информация вышла уже на следующий день – 28 апреля. И дата публикации превратилась в дату принятия. Между тем, в самом

документе четко обозначено – 27 апреля. Автор лично присутствовал на указанном митинге, где ведущие его женщины (представители Координационного совета Елена Хряпина, Нелли Задирака и др.) зачитывали Акт и Декларацию о суверенитете ЛНР.

Следующую группу документов (№ 3, № 4, № 5) можно условно назвать «референдумной». Это Приказ №6-05/05 о проведении референдума в Луганской области, подписанный Главкомандующим АЮВ, губернатором области В.Болотовым 5 мая; Приказ №2-07/05 о подготовке к народному референдуму Луганщины от 8 мая и протокол Центризбиркома области о результатах референдума 11 мая. Отметим, что день 5 мая был довольно богат событиями. Прибывший в Луганск весьма активный в то время лидер движения «Юго-Восток» О.Царев провел заседание Общественного (Народного) совета по вопросу референдума. Нарсовет объявил о том, что берет всю полноту власти в регионе в свои руки, а его председатель Андрей Андреев официально делегировал «народному губернатору» В.Болотову полномочия на переподчинение всех силовых и других структур области и проведение Референдума. Кроме того, прошло совещание с мэрами городов области по вопросу его подготовки, где было заслушано выступление главы Центризбиркома А.Малыхина, огласившего окончательную формулировку вопроса на референдум. А «за скобками»: при посредничестве Царева произошло примирение лидеров повстанцев Болотова и Мозгового, был подписан приказ о создании первой боевой единицы ЛНР – Народно-патриотического батальона «Заря», командиром которого стал мало кому известный отставной майор-артиллерист Игорь Плотницкий, а у штаба АЮВ появился новый пресс-секретарь – активист «Народного референдума» Василий Никитин.

Любопытная подробность: Приказ о подготовке к референдуму от 8.05 подписан от имени Болотова другим человеком. По автографу можно идентифицировать, что это Алексей Карякин. Очевидно, в то время именно он считался заместителем «народного губернатора», хотя позднее, во время ранения В.Болотова 13-17 мая исполняющим обязанности был назначен Геннадий Цыпкалов. Представленный здесь «Экземпляр №1» Протокола ЦИК о результатах Референдума отличается от публиковавшегося ранее [2, с.384-385] тем, что снабжен подписями всех членов ЦИК. Экземпляр без номера, напечатанный в вышеупомянутом сборнике и полученный составителями, видимо, от члена ЦИК В.Вилитенко – это фактически лишь проект, заверенный посторонней печатью и без подписей. Что касается людей, поставивших подписи под этим, уже историческим документом, то их судьба сложилась по разному. Первый председатель ЦИК А.Малыхин при формировании первого правительства ЛНР возглавил Департамент по связям с общественностью. В июне 2014 был избран депутатом парламента Новороссии, также возглавлял администрацию Главы и правительства ЛНР (июнь-август). Однако, как и большинство «команды Болотова», после его отставки пропал с горизонта политических событий. Заместитель председателя Игорь Шахов в первом составе правительства ЛНР был Министром спорта и туризма (до августа), затем также отошел от активной деятельности, однако позже работал помощником депутата Народного Совета 2 созыва А.Андриянова. Второй зампред. ЦИК В.Никитин 18 мая стал первым председателем правительства ЛНР, с июля бессменный первый вице-премьер во всех составах Совмина вплоть до января 2016. Секретарь ЦИК Лара Ракитная была депутатом Республиканского собрания ЛНР 1 созыва. Также депутатами стали Ольга Кобцева, Виктория Вилитенко, Лия Коваленко (занимала должность руководителя аппарата ВС и администрации Главы ЛНР до мая 2015 г.). Денис Козорез с 27 мая по 27 августа 2014 работал министром юстиции ЛНР (убыл вместе с «командой Болотова»). Более драматично

сложилась судьба Светланы Коноплевой и Владимира Косюка. Первая, хотя и была избрана депутатом Республиканского собрания, проработала недолго: 13 августа была схвачена карателями ВСУ в Новосветловке и до обмена 7 ноября сидела в тюрьме СБУ. А В.Косюк трагически погиб 2 июня 2014 при авиаударе ВСУ по зданию ЛОГА.

Документ № 6 – Требование Народного совета о роспуске Луганского областного совета – при своем появлении 14 мая стал поводом к резонансному конфликту. В то время уже прошел Референдум, одобдивший провозглашение ЛНР, что и было зафиксировано на многолюдном митинге 12 мая и поддержано Заявлением Областного совета. Однако некоторым «горячим головам» из руководства тогдашнего Народного совета этого показалось мало и они выпустили данный документ с требованием созыва внеочередной чрезвычайной сессии облсовета для принятия решения о его самороспуске «как органа утратившего свою силу на территории ЛНР». Депутаты облсовета в принципе не возражали и уже клонились к принятию такого решения (М.Чаленко, Ю.Хохлов), что было зафиксировано панической записью вице-мэра А.Ткаченко в социальных сетях. Поэтому, опять таки, в некоторых источниках ошибочно указано, что 14 мая Луганский облсовет принял решение о самороспуске, удовлетворив требование Народного совета [1, с.24]. Однако, на самом деле, такого решения принято не было. Спешно собранное заседание оказалось без кворума, к тому же некоторые депутаты отказались самораспускаться (Р.Мирошник, З.Зухбая). В итоге, было решено отложить рассмотрение вопроса до следующей сессии, на которой его тихо «замяли». Кроме того, некоторые сторонники ЛНР, в частности организатор первого «Народного референдума» Ирина Готман выступили с резким осуждением данной инициативы [3]. Автор обрисовал эту ситуацию еще тогда же в комментарии portalу Правда.ру [4]. Обратим также внимание на такой нюанс: хотя руководителем Нарсовета считался А.Андреев, под «Решением №4» стоят подписи двух малоизвестных активисток: Председатель президиума Е.Ю.Хряпина, секретарь Л.Ю.Ракитная. Резюмируем: издание документа, видимо, стало проявлением противоречий внутри лагеря «республиканцев» по вопросу отношения к старым органам власти. В частности, Елена Хряпина была активным участником Антимайдана в Красном Луче, выступала на митингах еще с января 2014, избиралась делегатом Областного народного схода 21 апреля. Во время Референдума – зампредела избиркома Краснолучского района, затем стала депутатом Республиканского собрания.

Следующий блок из документов **№ 7, № 8, № 9**, можно условно назвать «Алчевским». После провозглашения ЛНР перед руководством встала задача организации структур власти, к тому же в условиях нарастания угрозы вооруженной агрессии со стороны карательных сил киевского режима. Уже во время Референдума 11 мая механизированные колонны ВСУ и Национальной гвардии (сформированной из ультранационалистических боевиков «сотен Майдана») курсировали по северной части Луганской области, угрозами оружия препятствуя проведению голосования. Поэтому первыми шагами стала организация комендатур. Город Алчевск – важный промышленный центр области, рядом исследователей считался вторым по значению после Луганска. Во всяком случае, как видно из документа, Приказ №2 Главы ЛНР, вышедший в первый же день существования Республики 12 мая 2014, касался именно Алчевска, учреждая здесь военную комендатуру в составе батальона «Заря». Конкретизируя этот документ, в этот же день выходит Приказ командира батальона «Заря» по кадрам №1 о назначении комендантом Алчевска Владислава Дубины. Это первый известный нам документ, подписанный И.Плотницким. Неразработанность и зыбкость первоначальных структур управления проявляется в следующем документе,

где, помимо уже созданной комендатуры, 19 мая в Алчевск назначаются еще два полномочных представителя Штаба Армии Юго-Востока – Евгений Верховод и Сергей Назаров. Причем, в приказе Главнокомандующего объединенным штабом АЮВ В.Болотова оговаривается, что «Все решения принимаются при наличии согласия обоих представителей. Протоколы являются действительными при наличии подписей обоих представителей». Еще одним характерным нюансом является тот факт, что в тексте Приказа №2 Болотов уже 12 мая именуется «Глава Луганской Народной республики», хотя официально был избран на этот пост только 18 мая.

Справка: Владислав Витальевич Дубина. Родился в городе Алчевске в семье рабочих Меткомбината. Занимался предпринимательской деятельностью, был избран депутатом городского совета. 17 июля 2014 официально утвержден военным комендантом Алчевска. 2 ноября избран депутатом Народного Совета ЛНР от ОД «Мир Луганщине». Сергей Назаров, руководитель Алчевского регионального Союза морских пехотинцев «Верные всегда», активист Русской Весны. 18 мая был избран депутатом Республиканского Собрания ЛНР. 2 июня при авианалете ВСУ на здание ЛОГА был тяжело ранен. Евгений Верховод. Частный предприниматель, активный участник Антимайдана, Русской Весной 2014 вступил в Алчевскую гвардию под руководством Н.Бойко. 5 апреля был арестован СБУ, освобожден после осады управления горожанами. Затем работал в Гуманитарной службе ЛНР, стал помощником депутата Народного Совета В.Дейнего.

Примыкающим к этому блоку является **Документ № 10** выпущенный 24 мая по аналогичному поводу. Приказ Главы ЛНР, главнокомандующего АЮВ В.Болотова №9/К назначает руководителей «подразделения по охране правопорядка и усилению блокпостов в г.Ровеньки». Причем в качестве этих фактически командиров местного ополчения названы сразу трое: Геннадий Сергиенко, Игорь Павленко и Павел Резников. Первые двое – лидеры местного «Антимайдана», воевали в составе ополчения. Г.Сергиенко 5 июня был назначен и.о. начальника Ровеньковского горотдела МВД ЛНР, однако затем оказался в составе Казачества и 5 октября приказом Н.Козицына назначен начальником милиции Свердловска. В декабре 2015 прославился своим Открытым письмом Главе ЛНР И.Плотницкому с критикой его политики. И.Павленко был командиром отряда быстрого реагирования «Гюрза», затем руководитель местного отделения РОО «Русская Община», работающей в рамках ОД «Новороссия» И.Стрелкова. Более известен П.Резников, уроженец Ставропольского края РФ, кошевой атаман одного из Российских казачеств, ставший комендантом Ровеньков под позывным «Ильич», затем командир 1 казачьего полка. В сентябре 2014 он был временно арестован и отстранен от должности коменданта. А в январе 2015 после разоружения его отряда казаками «Фотона» бежал обратно на территорию РФ.

Развитие Республик Донбасса летом 2014 шло в рамках дискурса на создание объединенной Новороссии, в состав которой предполагалось включить и другие Народные Республики, потенциально готовые возникнуть в Харькове, Херсоне, Запорожье, Днепропетровске, Николаеве и других областях. Главным инициатором этой идеи выступал вышеупомянутый Олег Царев, популярный народный депутат-оппозиционер, лидер движения «Юго-Восток». 24 мая в Донецке прошел съезд народных представителей Юго-Востока, на который собрались 145 делегатов из 8 областей Украины. Было принято решение о создании Народного фронта и Манифест. Одним из основных итогов съезда стало подписание **Документа № 11** – Декларации о создании Союза Народных Республик – ДНР и ЛНР. Подписались: премьер-министр ДНР А.Бородай, Глава ЛНР В.Болотов, спикер Верховного Совета ДНР Д.Пушилин и

председатель Республиканского собрания ЛНР А.Карякин. СМИ поторопились объявить это решение созданием нового объединенного государства Новороссия, однако руководители ЛНР позже уточнили, что фактически Республики остаются самостоятельными, то есть речь шла лишь о конфедерации под названием СНР.

Затем в результате «челночной дипломатии» между Луганском и Донецком Цареву удалось провести 24-25 июня через парламенты ДНР и ЛНР решения об утверждении Конституционного акта СНР (фактически Конституции конфедеративного объединения). Одновременно были избраны депутаты объединенного парламента – по 30 человек от ЛНР и ДНР. Постановление Верховного Совета ЛНР об избрании депутатов Союза от 25.06.2014 со списочным их составом – **Документ № 12**. Автор лично присутствовал на данном заседании ВС ЛНР и хочет отметить, что решение реально принималось единогласно и с соблюдением всех демократических процедур. Вплоть до рейтингового избрания недостающего в списке депутата, которым в итоге стала коммунистка из Рубежного Нелли Задирака. Также от ЛНР в парламент Новороссии прошли и некоторые предложенные Царевым представители оккупированных областей: В.Золотнюк, А.Муравкова (Херсон), В.Бедняк, О.Панюшкина (Днепропетровск). Последовательно проводя свою линию, Царев затем на 1 сессии парламента СНР добился внесения изменений, переименовав СНР в «Новороссию». Однако, к сожалению, в связи с изменением ситуации, весной 2015 проект «Новороссия» был заморожен.

Документ № 13 - Приказ Главы ЛНР №99/02 об отставке правительства от 3.07.2014. К тому времени руководство ЛНР дозрело до решения повторить Донецкий опыт, поставив во главе исполнительного органа гражданина РФ. Им оказался Марат Баширов, высокопоставленный менеджер и политехнолог, работавший директором различных корпораций в группе «Ренова». В должности 1 вице-преьера его сопровождал некий Дмитрий Семенов. К сожалению, данный опыт использования российских кризис-менеджеров в условиях войны в Донбассе оказался неудачным. М.Баширов оказался неспособным наладить работу в условиях реальных боевых действий и массированных обстрелов и, выпустив несколько беспомощных заявлений о грозящей Луганску гуманитарной катастрофе, через полтора месяца ушел в отставку вместе с «Болотовской командой».

Последний документ, предлагаемый вашему вниманию, относится к завершающему периоду Болотовского руководства и получил весьма неоднозначную оценку. Карательная операция киевских силовиков против Республик Донбасса к началу августа развернулась во всю ширь. Луганск находился практически в полной блокаде и под непрерывным обстрелом из всех видов оружия; мобильная и стационарная телефонная связь, электро- и водоснабжение исчезли; отряды ВСУ и Нацгвардии подступали к городу с севера, были оставлены Рубежное, Северодонецк, Лисичанск, Дебальцево. С юга каратели рвались вдоль границы, стремясь отрезать ЛНР. В этих условиях 4 августа Болотов издал свой **Приказ № 131** о необходимости дополнительной мобилизации, в котором фактически запретил выезд из ЛНР всем мужчинам 18-60 лет. Всех дееспособных мужчин призывали вступить в Армию ЛНР. Трудно сказать, насколько эффективным оказалось его действие, ибо через 10 дней первый Глава ЛНР Валерий Болотов подал в отставку «из-за последствий ранения» и руководство Республикой перешло к министру обороны И.Плотницкому. Начинаясь перелом в ходе боевых действий («Южный котел») [5].

Заключение. Таким образом, можно заключить, что представленный ряд документов наглядно свидетельствует о полномасштабной и всесторонней

организационной деятельности руководства восставших народных масс Луганщины, Штаба Армии Юго-Востока, Верховного Совета и Главы Луганской Народной Республики в первый период ее существования. Введение данных документов в научный оборот представляет собой важный шаг в изучении истории становления Народных Республик Донбасса в 2014 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хроника борьбы за независимость. Луганская Народная Республика. Луганск, 2015.
2. Создание ЛНР и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев. Луганск, 2015.
3. XXI век, №38. – 17 мая 2014.
4. В Луганске облсовет самораспустился и передал власть Народному совету <http://www.pravda.ru/news/expert/15-05-2014/1208160-fedorovskiy-0/>
5. Фотокопии всех перечисленных в статье документов размещены в Интернете по адресу: №№1-6, 9, 11-14 <http://yadocent.livejournal.com/749598.html>; №№ 7, 8, 10 <http://yadocent.livejournal.com/803206.html>

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

FROM EARLY DOCUMENTS OF LPR (BOLOTOV'S PERIOD)

J.R. Fedorovsky

This paper is the first publication and research into a series of the initial legal documents of Lugansk People's Republic with Valery Bolotov being one of the leaders of the revolutionary process called "Russian Spring" in 2014. The author has collected, analyzed and given comments to the 14 documents, issued by the leadership of LPR from April to August, 2014. Among them are identification cards, acts, decrees, protocols and other documents of great socio-political interest for scholars studying the history of emergence and formation of Novorossiia Republics.

Key words: Lugansk People's Republic, the People's Governor, Bolotov, "Russian Spring", Referendum, Commandant's office, Novorossiia, Karjakin.

Федоровский Юлий Рудольфович

Кандидат исторических наук, доцент
Луганский Национальный Университет имени В. Даля
Доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
zonnenberg@lds.net.ua

Fedorovsky Julius Rudolfovitch

Candidate of History, Associated Professor
Lugansk National University named after V. Dal
Department of Domestic and General History
zonnenberg@lds.net.ua

Ф И Л О С О Ф И Я

УДК 316.42

СОЛИДАРИЗМ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2016. *Е.В. Андриенко*

Статья посвящена социально-философскому исследованию значения солидаризма в формировании мировоззренческого ответа на вызовы глобальных процессов. В статье указаны различия между терминами «солидарность» и «солидаризм». Сделан вывод о том, что солидаризм дает возможность построения нового глобального единства, обеспечивая преодоление ценностного кризиса и дальнейшую творческую эволюцию человечества.

Ключевые слова: солидарность, солидаризм, кризис, идеология, общество.

Современный мир в очередной раз проходит через бифуркационную точку своего развития, балансируя на грани глобальной интеграции, с одной стороны, и глобального конфликта, и переустройства геополитического миропорядка, с другой. В такие переломные моменты истории особенно остро встает вопрос о поисках общих аспектов мировоззрения и общих оснований для построения конструктивного социального, политического, экономического и культурного диалога, конечной целью которого, так или иначе, выступает общественная солидарность – единство интересов, взглядов и общественных связей на основе нахождения консенсуса и взаимопонимания.

Целью данной работы является социально-философское исследование солидаризма как мировоззренческого проекта, способного стать ответом на вызовы, связанные с глобальными процессами.

Проблемам социальной солидарности и солидаризма посвящены работы многих авторов, среди которых – В. Межуева [3], Н. Мотрошилова [4], А. Окара [5], Ю. Хабермас [6] и др. Кроме того, значительный вклад в разработку солидаризма как идеологии внесли следующие мыслители и политические деятели зарубежья: А.Г. Мюллер, К. Маркс, Ш. Жид, Ш. Бугле, Э. Дюркгейм, Л. Буржуа, Л. Дюги, М. Ориу, П. Леру, Г. Пеш, Г. Гундлах, Б. Муссолини, а также отечественные философы – Григорий Сковорода, Вл. Соловьев, Г. Франк, Н. Федоров, В. Вернадский, П. Кропоткин, Л. Мечников, Н. Коркунов, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Левицкий, Б. Кистяковский, Д. Донцов, В. Липинский, Ю. Липа, В.-Ю. Данилив и др. В целом, проблематика солидарности и солидаризма постоянно требует нового теоретического осмысления в связи с нарастающим темпом социальных трансформаций, вызванных различными глобальными факторами.

Прежде всего, следует отметить, что солидаризм (от франц. *solidarisme*, от *solidaireu* – «действующий заодно») и солидарность являются разными понятиями, хотя и имеют ряд точек соприкосновения. Под солидарностью понимается единство общественных групп или классов, которое формирует единство социальных связей, мировоззренческих ориентиров и задач совместного развития. Следуя Э. Дюркгейму и его работе «О разделении общественного труда», солидарность можно разделить на механическую (характерную для первобытного общества и основанную на подобии элементов целого и единстве коллективного бессознательного) и органическую

(характерную для более развитого общества и основанную на функциональных взаимозависимостях и обмене различных элементов целого).

Солидаризм представляет собой мировоззренческую систему, а также политическую теорию, центральной идеей которой является необходимость солидарности и стремления к компромиссу, взаимному доверию и сотрудничеству различных социальных классов, слоев и групп. Возможны и другие дефиниции, которые, в целом, не противоречат данному определению. Так, А. Окара дает следующие дефиниции солидаризма: «солидаризм как концептуализация солидарности» и как «принцип построения социальной системы, в которой ее члены (граждане, семьи, этносы, религиозные конфессии, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и другие) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права, возможности и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы ради достижения консенсусных целей (общего блага) в социальных рамках различного масштаба (локального, общенационального, глобального)» [5, с. 9; 10].

Одним из наиболее ранних теоретиков солидаризма является философ-позитивист и юрист Л. Дюги (1859–1928 гг.). Именно он первый выдвинул идею разработки правовой концепции на основе общественной солидарности. Отвергая, по сути, индивидуальные права и свободы, Л. Дюги абсолютизирует социальную солидарность как сверхценность (что, безусловно, имеет целый ряд негативных последствий). При этом позитивным и наиболее ценным аспектом его концепции является обращение к идее общности интересов как необходимому условию прогрессивного государственного и общественного развития на основе классового сотрудничества и справедливого распределения ресурсов среди всех слоев населения. Основными идеями его концепции, изложенными в работе «Государство, объективное право и позитивный закон», является акцент на социальной сущности человека, его природной склонности к солидарности и взаимной помощи; идея необходимости совершенствования общества на основе солидарности различных социальных групп, что в политическом аспекте проявляется в замене парламента на корпоративный орган-представительство профсоюзов и партий; отрицание индивидуальных прав и свобод и трактовка свободы лишь как свободы исполнять свой социальный долг (что, фактически, является повторением кантианской формулы свободы как осознанной необходимости). Безусловно, не все идеи Л. Дюги являются актуальными в современных социально-политических реалиях, но и игнорировать идею солидарности как эффективного сотрудничества и взаимной поддержки различных социальных групп ради общего блага также нельзя.

Солидаризм как мировоззренческая система, призван скрепить «рассыпающийся» после крушения проекта Модерна, мир. Мир, в котором ценности больше не располагаются в строгой иерархии, а идут как бы «через запятую», где больше нет абсолютных авторитетов, где выборная демократия находится в глубочайшем кризисе, перерождаясь в пост-демократию и все больше превращаясь в формальное театрализованное представление, ничего не значащее без наличия эффективных стратегий социально-политического развития. О феномене постдемократии в контексте анализа солидаризма следует сказать более подробно.

В известной работе К. Крауча, которая так и называется – «Постдемократия», дается следующая характеристика этого явления: «...система, в которой политики все сильнее замыкаются на своем собственном мире, поддерживая с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых

исследованиях, в то время как все формы, которые характерны для здоровой демократии, казалось бы, остались на своем месте» [2, с. 7]. Перефразируя К. Крауча, можно сказать, что постдемократия характеризуется декларированием и внешним соблюдением демократических ценностей в либеральном их варианте при системной трансформации их содержательного наполнения.

Процессы социально-политических трансформаций, протекающие в современном мире, носят чрезвычайно интенсивный характер. Они касаются практически всех сфер общественной, политической, экономической и культурной жизни людей, но наиболее важным является мировоззренческий аспект этих перемен. В глобализованной (или даже «глокализированной») реальности все более эффективно работает «принцип бабочки». Этот принцип означает, что локальные изменения все чаще приобретают глобальный характер, поскольку мир сегодня становится все более взаимозависимым благодаря бурному развитию информационных технологий. В условиях глубоких изменений перед обществом всегда встают проблемы мировоззренческого характера, в том числе, нехватка стабильной системы ценностей и ориентиров, ведь состояние непрерывных системных трансформаций, состояние экономической неопределенности и социальной дезориентации даже психологически является очень тяжелым для общественного сознания, переживающего мировоззренческий кризис. Этот кризис является гораздо более глубоким, чем тот, что касается финансово-экономической сферы. Более того, он выступает одной из важнейших предпосылок экономического кризиса. По словам известного российского ученого М. Делягина, «нусогенный характер современного мирового кризиса является все более очевидным», о чем говорит «инертная поддержка концепций и доктрин, которые отжили свой век» и «безнадежные попытки вселить жизнь в мертвые символы уходящей эпохи» [1].

Не следует слишком радикально отбрасывать наиболее важные достижения демократии как ценности проекта Модерн. Демократия на сегодняшний день является одной из главных ценностных наработок человечества. Особенно важным в цивилизационном масштабе аспектом демократии является то, что она исключает феодальную зависимость, хотя и допускает зависимость от действий и идей политических лидеров. При этом следует отметить, что сейчас во многих обществах активно развивается тенденция к достижению успеха без обращения к административному и финансовому потенциалу государства, а также без обращения к призывам политических вождей. То есть нельзя забывать о существующих проблемах, связанных с демократией, к которым следует отнести следующие проблемы:

Во-первых, механизм, в соответствии с которым меньшинство управляет большинством с согласия большинства, неоднократно демонстрировал свое несовершенство, часто принимая псевдodemократический или даже антидемократический характер. Так, под лозунгами борьбы за демократические ценности часто проводится борьба между влиятельными олигархическими кланами.

Во-вторых, существующие на сегодняшний день смыслы, вкладываемые в понятие «демократия» часто уже не адекватны реальным процессам, протекающим в социально-политической жизни.

В-третьих, демократия постепенно превращается в бренд, который функционирует в сфере медиа-пространства. Это означает, что современный способ управления, распространенный в большинстве развитых западных стран, традиционно называется «демократическим», но при этом имеет довольно отдаленное отношение к народовластию.

В-четвертых, демократизация по единому образцу (например, по американскому) не учитывает локальных особенностей развития конкретных стран, что значительно снижает или сводит на нет ее эффективность.

В-пятых, определенные трудности вызывает и то, что до сих пор окончательно не закреплён единый термин, обозначающий альтернативную демократии модель прогрессивного общественного развития (термин «постдемократия» таковым не является).

В современной Европе основными факторами тяготения к постемократии выступают: 1) эмиграция; 2) экономика с акцентом на перераспределение средств в пользу бедных; 3) отсутствие целостного демократического мировоззрения и поведения, основанного на осознании демократических ценностей при формальном воспроизведении работы демократических институтов. Массовая эмиграция в страны Европы граждан «третьего мира» связана не только с политическими, демографическими или экономическими проблемами, но и с тем, что эти граждане являются носителями других мировоззренческих систем, других взглядов на отношения между государством и общественными институтами. Развитые в странах Западной Европы ценности толерантности, равенства, прав человека и защиты интересов меньшинства не всегда встречают аналогичный отзыв в мировоззрении эмигрантов. В результате этого в западноевропейских обществах формируется две категории граждан с совершенно разными мировоззренческими позициями. У большинства из них (по сути, постепенно сокращающегося большинства) присутствует психологический комплекс вины и ориентация на обеспечение прав меньшинства (в том числе и эмигрантов), а меньшая часть (постоянно растущая в численном отношении) не имеет такого комплекса и все активнее требует социальной и политической поддержки. Ярким примером недостатка солидаризма в современной Европе и столкновения различных ценностных систем вследствие эмиграции является парадоксальная ситуация, сложившаяся в Брюсселе накануне нового 2013 года, когда городская администрация, в которой большинство мест получили мусульмане, отказалась устанавливать в городе новогоднюю ель, ссылаясь на то, что не считает целесообразным тратить на это средства городского бюджета.

Европейский Союз (ЕС) сегодня как бы остановился «на полпути» в своем развитии, что, вспоминая известное латинское выражение “Non progredi est regredi”, чревато деструктивными последствиями, что мы и можем наблюдать в настоящее время на примере выхода Великобритании из ЕС. И глубинной причиной этих процессов является именно нехватка солидаризма внутри европейского сообщества. Именно на эту проблему справедливо указывает Ю. Хабермас, по словам которого в отдельных национальных инфраструктурах европейских стран ничего принципиально менять не нужно, но им, очевидно, не хватает открытости по отношению друг к другу, которая и позволила бы реализовать идею общеевропейского единства и солидарности [6, с. 20]. Эту открытость Ю. Хабермас предлагает понимать, прежде всего, как информационную открытость. Это означает, что в обществе постоянно должна быть представлена актуальная и правдивая информация о проблемах и реалиях жизни соседних стран ЕС, а не только о крупных и не очень катастрофах или внутривнутриполитических коллизиях данной конкретной страны.

По мнению Ю. Хабермаса, в категориальном отношении очень важно преодолеть узость трактовки понятий «солидарность» и «справедливость». Нельзя сводить солидарность только лишь к бытовому уровню (как помощь друзьям и родственникам) или к национальному уровню (солидарность как взаимопомощь только в рамках своего

национального сообщества). Глобализация породила новую экономику, основанную на взаимозависимости отдельных национальных экономик. Это означает, что общественное благо больше не может рассматриваться в изолированном национальном смысле, а солидарность – только как внутри национальная категория. Если в прошлом международная солидарная помощь оказывалась в исключительных случаях и, зачастую, небескорыстно, то сегодня солидарность приобретает новую, более духовно наполненную форму как нравственная универсалия общечеловеческого уровня. Солидарность – это политическое поведение, основанное на праве и правовом регулировании общественных связей [4, с. 31]. Доктрина солидаризма должна быть принята на вооружение лидерами современного мира для решения глобального кризиса современной цивилизации. Нежелание видеть этот кризис является опасным заблуждением, впрочем, повсеместно распространенным. Так, по словам Н. Мотрошиловой, по отношению к современному немецкому жизненному миру понятие «кризис» всегда применяется по отношению к какой-либо определенной сфере [4, с. 37]. Например, «политический кризис», «кризис экономики», «кризис либерализма», кризис той или иной политической партии и т.п. О мировом цивилизационном кризисе говорится крайне редко, хотя его наличие (как и реальное наличие угрозы новой мировой войны) становится все более очевидным.

Солидарность и справедливость неразрывно связаны друг с другом как мировоззренческие универсалии и ценностные доминанты современной глобальной цивилизации. Справедливое благополучное общество нельзя построить без солидарности. Не случайно знаменитым лозунгом Великой Французской революции стали не только свобода и равенство, но также и братство. Справедливость в наиболее узкой трактовке означает защиту экономически «слабых» членов общества, но даже если интерпретировать справедливость в таком контексте, возникает вопрос о справедливости по трудовому вкладу или по потребностям. Более емким является определение справедливости как уровня общественных отношений, которые основаны на представлении людей об условиях, на которых они готовы соблюдать единство в различных сферах общественной жизни. Такая дефиниция справедливости отражает ее глубинную связь с солидарностью. В целом, вполне очевидно, что, хотя справедливость и солидарность являются универсальными ценностями, не существует и не может существовать их универсальных, раз и навсегда неизменных моделей. Поэтому понятие «солидаризм» в значительной мере является собирательным и, фактически, включает различные модели солидаризма, хотя и объединенные определенными инвариантами. Важно также учитывать, что как справедливость, так и солидарность как социальные категории, предполагают индивидуальную честность перед собой и другими.

Среди ведущих теоретических моделей справедливости следует отметить модель Р. Двойкина (основана на леволиберальном принципе «равной заботы и уважения»), Дж. Роулз (в центре которой находится идея справедливости как честности и компромисса между свободой и благом), А. Сена и М. Нассбаум (основана на «подходе возможностей», где справедливость выступает результатом правильной государственной политики по предоставлению гражданам максимально широких базовых возможностей), Р. Нозик, Ф. Хайек, Дж. Хосперс (либертариистские концепции, в которых справедливость основана на свободном экономическом обмене, а роль государства минимизирована), Н. Фрейзер (двухмерная модель справедливости как баланса экономической составляющей и общественного признания), а также модели отечественных специалистов – Г. Дашутина, О. Коломиец, В. Межуева, А. Руткевич, В. Федотовой и др.

Еще недавно глобальный социальный баланс в мире поддерживался за счет поддержания конформизма и лояльности во внеэлитных слоях общества. Сегодня главенствующими тенденциями в мировом развитии выступают разрушение устоявшихся иерархий и своеобразный неономадизм – «новое кочевничество», выражающееся в феномене транснациональных «людей воздуха», как их называет А. Окара [5, с. 9]. Более того, мы видим примеры номадизма в прямом значении этого слова – массовое переселение арабского населения в Европу. Все это показывает необходимость поиска новых форм социальной самоорганизации, способной противостоять деструктивным тенденциям.

Солидаризм как мировоззренческая система современности, в своей основе имеет гуманистические ценности, представления о творческой сущности человека, всеобщем социальном единстве всех людей и необходимости недопущения зла в обществе. Все эти основания, в свою очередь, глубоко укоренены в христианской онтологии.

В структуре солидаризма как социального явления можно выделить два основных элемента: мировоззренческое ядро и практические технологии реализации солидаризма в общественной жизни.

Мировоззренческое ядро солидаризма тесно коррелирует с различными идеологическими системами. В аспекте либерализма солидаризм делает акцент на автономию и активность каждого члена общества. В аспекте консерватизма – на единую органическую модель бытия и государства, как его части, где нет ничего случайного, и все элементы работают в единстве. В аспекте социализма солидаризм сосредотачивает внимание на равенстве всех членов общества вне деления на элиту и не-элиту. В аспекте «правые-левые-центр», по справедливому замечанию А. Окары, солидаризм относится к «антицентру» (знаменитый термин А. Дугина), где ценности правых и левых как бы смыкаются. При наличии всех этих корреляций солидаризм сегодня вполне может рассматриваться как полноценная самостоятельная идеология, теоретические контуры которой требуют дальнейшей разработки.

К технологиям солидаризма относятся рефлексивное управление, синергетическое взаимодействие и технологии “soft power”. «Мягкая сила» (англ. “soft power”) представляет собой форму политического влияния, основанного на симпатии, добровольном участии и привлекательности, которые, в совокупности своей, призваны обеспечить социальное единство. «Мягкая сила» является понятием, противоположным «жесткой силе» (англ. “hard power”) как принуждению, основанному на милитаристских и санкционных механизмах. В своей основе «мягкая сила» включает язык и культуру страны, которые проявляются в широком спектре форм и гуманитарных технологий, включая образование, рекламу и благотворительность.

Таким образом, солидаризм выступает концептуальным выражением феномена солидарности и может быть определен как мировоззренческая система, а также политическая теория, центральной идеей которой является необходимость солидарности и стремления к компромиссу, взаимному доверию и сотрудничеству различных социальных классов, слоев и групп. Солидаризм структурно включает в себя два основных элемента – мировоззренческое ядро (в основе которого лежат базовые христианско-гуманистические ценности) и система социальных технологий (таки как, рефлексивное управление, синергетическое взаимодействие и технологии «мягкой силы»). В условиях разрушения прежних социальных иерархий и кризиса ценностей солидаризм дает возможность построения нового глобального единства, обеспечивая, тем самым, на мировоззренческом уровне преодоление ценностного кризиса и дальнейшую творческую эволюцию человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делягин М. Постдемократия и демократия (сравнительный анализ) / М. Делягин // Еженедельное независимое аналитическое обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2008/12/04/postdemocracy1> (Дата последнего обращения – 12.07.2016 г.).
2. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч; [пер. с англ. Н. Эдельман]. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с. – (Политическая теория).
3. Межуева В.М. Солидарность как утопия / В.М. Межуева // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. – Вып. 9. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 77–78.
4. Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарность (2011–2013) / Н.В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2013. – №10. – С. 22–38.
5. Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта / А.Н. Окара // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. – Вып. 9. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 7–60.
6. Habermas J. Europa am Scheideweg / J. Habermas // Handelsblatt. – 2011. – No. 116. – S. 17–21.

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

SOLIDARISM AS A RESPONSE TO GLOBALIZATION CHALLENGES

E.V. Andriyenko

The article deals with the socio-philosophical inquiry of the role of solidarism in forming a worldview response to the challenges of global processes. In the article the distinctions between the terms “solidarity” and “solidarism” have been described. It has been concluded that solidarism makes it possible to create a new global unity providing for overcoming the crisis of values and further creative humanity evolution.

Key words: solidarity, solidarism, crisis, ideology, society.

Андрienко Елена Владимировна

Доктор философских наук
Профессор кафедры философии
Донецкий национальный университет

Andriyenko Elena Vladimirovna

Doctor of Philosophy, Professor
Department of Philosophy
Donetsk National University
e-mail: elena_andrienko8@mail.ru

УДК 930: 101.1

О РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ ГЛОБАЛЬНОМУ ДИКТАТУ ЗАПАДА

© 2016. Д. Е. Муза

В статье предложен анализ существующих в современной отечественной социальной науке и политической практике подходов и решений, касающихся альтернативных сценариев возрождения русской цивилизации, вырабатываемых на фоне тотального диктата Запада. Показано, что искомая альтернатива зиждется на ряде презумпций, главная их которых – интегральная политическая картина мира, конституируемая в полилоге цивилизаций и дающая шанс всем на связанное и ответственное будущее.

Ключевые слова: глобальный диктат Запада, глобализация, современная война, русские национальные проекты, русская цивилизационная альтернатива.

Сегодня, пожалуй, как никогда ранее остро стоит вопрос о выработке Россией и сопряженных с цивилизационной логикой её развития обществ и государств – иномерной глобальной («горячей» – А.А. Зиновьев) войне – альтернативной версии существования и развития человечества. Версии, подчеркну, мироустроительной. И это обстоятельство имеет своё объективное основание в нежелании России, Китая, Индии, Ирана, Бразилии и целого ряда других стран, активно участвовать в «мегатренде» глобальной войны. Точнее – входить в те или иные союзы и коалиции под знаком бога Марса.

Этому предмету сегодня посвящены многочисленные работы аналитиков всего мира, среди которых нужно назвать Й. Галтунга, М.Г. Делягина, А.Г. Дугина, В.Ю. Катасонова, С.Г. Киселева, Р. Кларка, Дж. Кьеза, А. Негри, Р. Нейка, Дж. Сакса, А. Фурсова, М. Хардта, Н. Хомски и мн. др. Практически все авторы отмечают новую валентность и формы развертывания современных войн: от множества «горячих точек» до высототехнологичных сетевых воздействий.

При этом логика поведения глобального Хищника пока неумолима: ведь даже допуская наличие великих и региональных держав (Г. Киссинджер), он, не мытьем, так катанием стремиться к ослаблению их роли в мирополитическом процессе. К примеру, сам мэтр американской дипломатии в своей передовице в газете «Washington Post» от 05. 03. 2014 года указывал: «Слишком часто украинский вопрос воспринимается как решающий поединок: присоединится ли Украина к Востоку или Западу. Но если мы желаем сохранения и процветания Украины, она не должна стать восточным форпостом против Запада и наоборот. Она должна служить мостом между ними. Россия должна принять как факт, что попытки сделать Украину своим сателлитом и, тем самым, вновь передвинуть российские границы, обречены заново вовлечь Москву в бесконечный цикл взаимного давления с Европой и США...» [1, с. 151] (выделено мной – Д.М.).

В этой связи хочу заметить, что иные субъекты международных отношений, а не США или ЕС, почему-то «должны принять как факт» то-то и то-то (идя в очередной раз на уступки), т.е. жертвуя своей национальной безопасностью в ближнезарубежном контуре. В противном случае, как бы не вуалировал Киссинджер эту мысль, Россию ожидает «бесконечный цикл» давления со стороны Запада. И как же прав был Н.Я. Данилевский, в своё время указавший на *Drang nach Osten*, как на закономерное

(«бессознательное чувство», «исторический инстинкт») отношение Запада к России [2, с. 41]. Между тем, такая неравновесность, создаваемая Западом, не может самоупраздниться, как не может западное сообщество самопроизвольно сойти с исторической арены. Даже пройдя через рукотворные «кризисы»...

Отсюда проистекает необходимость поиска цивилизационной альтернативы (альтернатив), способной вывести человечество к реализации модели реальной многополярности, плюс нахождения полилового режима существования дискретного человечества в модусе решения глобальных проблем и вызовов.

Поэтому ниже в статье преследуется цель – выявить и очертить группу цивилизационных альтернатив, органичных истории и политической культуре России, её историческому самосознанию.

В этой связи, во-первых, нужно обратить внимание на следующее. К сожалению пока не оправдался прогноз, касающийся изменения баланса мировых сил в пользу Востока и России за счет ослабления Запада и США [3, с. 473 – 684]. Ни последствия войны в Ираке, ни ипотечный кризис 2008 года, ни провал политики США в Грузии, ни сбой в хаотизации Большого Ближнего Востока, ни госпереворот на Украине и уход Крыма, ни неудачная война в Донбассе, не вызвали «стратегическую усталость» сверхдержавы. Скорее напротив.

В качестве аргумента, указывающего на тотальную экономическую войну против всего мира, включая Россию, перекрестно сошлюсь на аналитику двух авторов – Дж. Сороса и В.Ю. Катасонова.

У первого находим: «США на протяжении многих десятилетий создавали систему глобального управления банками и иными финансовыми организациями. Поскольку доллар обслуживает подавляющую часть всех международных расчетов, эти расчеты проходят через банковскую систему США, и Вашингтон имеет возможность при необходимости блокировать их. Второй важный элемент системы – финансовый контроль со стороны Вашингтона над банковскими системами других стран. Схема контроля такова: Федеральная резервная система США (ФРС) осуществляют эмиссию долларов, первыми получателями которых являются банки Уолл-Стрита (они же – главные акционеры ФРС). Банки Уолл-Стрит размещают полученные деньги как внутри США, так и за рубежом... Третий элемент созданной США глобальной системы управления банками – идеологическое обоснование применения возможностей блокирования долларовых транзакций иностранных банков и финансовых организаций... И вот на наших глазах выстраивается четвертый элемент системы, предполагающий прямой административный контроль со стороны Вашингтона. Речь идет о законе FATCA (ФАТКА)... Это закон экстерриториального действия, прямо посягающий на суверенитет других государств» [4, с. 199 – 200]. Такова фактура «финансовой войны» против России.

У В.Ю. Катасонова в свою очередь зафиксировано: США стали глобальной политико-экономической системой: во-первых, метрополией Pax Americana; во-вторых, они продвигают свои интересы с помощью ФРС, созданной и функционирующей в интересах «узкой группы мировых ростовщиков»; в-третьих, доллар – «продукция печатного станка» ФРС. Цель этой системы – подчинить весь мир, включая Россию, узкой группе мировой олигархии [5, с. 161 - 368]. А события на Украине, как и санкции против России, квалифицированы как война против тех, «кто пытается проводить самостоятельный экономический и политический курс» [там же, с. 370].

При этом уже не для кого не секрет, что именно глобализация и её системное военно-стратегическое и культурно-информационное обеспечение, являются

проектными величинами, сегодня вполне объективированными в материю Истории западной пост-христианской / пост-просвещенческой, техно-урбанистской, гедонистически-потребительской цивилизацией. В том числе – в пространстве Евразии, этой интегральной площадке для общего месторазвития большого числа этносов, не исключаяющего логику его частных вариантов.

Но после 1991 года благодаря гиперлиберальной терапии России и стран СНГ, их социальная онтология и динамика стали определяться именно американскими императивами. К счастью поверхностно, но не глубинно-психологически или морально. В этой связи полезно вспомнить мнение известного советолога, а ныне – специалиста по России Р. Пайпса: «Русские не верят в то, что государством можно управлять демократическим образом. Они считают что правительства других стран – это какие-то преступные группировки, которые используют власть для собственной выгоды. Что вся эта демократия – фасад и враки» [6, с. 71].

Поэтому, двойная (европейско-евразийская) коррекция Русского пути после 1999 года, дело вполне предопределенный процесс.

Но здесь следует иметь в виду: Россия и Русский Мир «до» и «после» 2014 года – реальности не однопорядковые. Хотя 24 марта 1999 года / 11 сентября 2001 года мир был подожжен Америкой (переведен в режим «горячей войны»), сам бикфордов шнур был вложен в жизненное пространство русской цивилизации. Попытка же поджечь Кавказ, на этот раз через Грузию (ставшей при Саакашвили ненавистницей России), заставила руководство России включить «защитные механизмы», а в дальнейшем, после госпереворота в Киеве, сосредоточится на стратегии собирания русских (советских) земель. Иначе говоря, действуя на опережение. Естественно, признав распад СССР – «крупнейшей геополитической катастрофой».

Но по большому счету это только первый шаг в обретении цивилизационно-имперского самосознания, второй – тезис о патриотизме как идеологическом клише России, который служит делу активной нравственной связи поколений, и социокультурного воспроизводства на этой основе. Однако ещё важнее решить проблему «другого», т.е. явных и скрытых угроз, методично исходящих от западных «партнеров», равно как и у сторонников (агентов) Запада внутри Русского Мира.

Учитывая то, что в последнее время, как внутри России, так и на Западе у наблюдателей сложилось достаточно любопытное мнение о контрадикторности этих культурно-исторических величин, предлагаю рассмотреть их подробнее.

Вначале нужно указать на всё заметнее проявляемую по всему фронту отношений «экзистенциальную несовместимость» США и России: «Америка хочет определять границы России, систему её отношений с окружающими её странами и с Евросоюзом, вообще её национальные интересы, а также её политическое устройство, её внутреннюю политику содержание российского законодательства и даже то, какой именно человек должен находиться во главе российского государства. Казалось бы, это абсурд, но ведь дело обстоит именно так» – замечает В.Т. Третьяков [7, с. 27]. И России в такой геополитической логике приходится обороняться, но и подумывать о контр-игре в Донбассе, в Крыму, на Украине, в Прибалтике. А также на дальних подступах – Сирии или Латинской Америке.

Далее, нужно отдать должное германскому политологу А. Рару, увидевшему в пикировках Запада (США и ЕС) и России – мировоззренчески-ценностный конфликт. Причем, он имеет предысторию, вылившуюся в 1-ю и 2-ю мировые, «холодную войну». Теперь – «горячую», уже пылающую на границах России. Причина в различном видении индивидуальных, социальных и культурных ценностей. Если «в России

восстанавливаются потерянная христианская культура – люди опять ходят в церкви, верят в Бога, придают большое значение семье, патриотизму и национальным традициям», то Запад «ставит во главу угла идеал свободы, защиты прав человека и самореализации каждой отдельной личности», включая права меньшинств. Но самое важное заключается в следующем: о столкновении двух концепций будущего мироустройства, а именно, европейцы и американцы полагают, что человечество должно разделять общие ценности, русские поддерживают идею культурного и ценностного многообразия [8, с. 277 – 278, 280].

Наконец, существенно важна свежая аналитика итальянского политолога Дж. Кьеза, показавшего что современный Запад вновь актуализировал русофобию в виде идеи о том, «будто Россия и русские являются прирожденными агрессорами по отношению к своим соседям» [9, с. 123]. И это на фоне того, что НАТО прибрал к рукам всю Центральную и Восточную Европу, при этом перейдя границы бывшего СССР, поглотив не только прибалтийское трио, но навис над Сербией и Македонией, Грузией, Молдавией и Украиной (!). Поэтому, «высказывания об «агрессии» России ввиду этого вопиющего стремления Запада установить своё господство вызывает недоумение. Но отчего же европейское общественное мнение (и руководство) – самокритично вопрошает Кьеза, – по-прежнему обвиняют ягненка, пьющего ниже по течению реки, в том, что он мутит воду волку, лакающему выше по течению?» [там же, с. 130]. И этот вопрос не является риторическим.

Уже хотя бы потому, что распрекрасная европейская демократия, во-первых, не только нарушает принцип свободы слова (главным образом по отношению к Донбассу и Крыму, якобы оккупированным территориям, но мало говорит о госперевороте в Киеве и бесчинствах фашиствующих украинских националистов); во-вторых, исходит из ложного представления о нравственной вселенной, где именно Запад ассоциируется с Добром, а не-Запад со Злом, вопреки всем стандартным этическим – религиозным и светским – версиям их, Добра и Зла, соотношения. В плане международных отношений этот пункт связывается с силовым одолением коммунизма в СССР и соцсодружества, а также с «началом тотальной экстраполяции «Добра» [10, с. 103, 104]. Последнее можно связать и с войнами, происходившими по контурам СССР, с войнами в Югославии, «цветными революциями» в странах СНГ и на Большом Ближнем Востоке, теперь в Донбассе...

Но Запад, помимо этого испытывает то, что другой итальянский политический мыслитель – Д. Дзола, обозначил как «тройкий функциональный дефицит». Речь идет о: 1) «дефиците последовательности, непротиворечивости, возникающем из непоследовательности или антиномии пользы и вреда, возникающих в результате принятия политического решения»; 2) «структурном дефиците, вызванном отсутствием единого органа принятия решений и наличием цепи нецентрализованных и фрагментированных решений»; 3) «дефиците времени, порождаемом нарастающей непредсказуемостью, даже в краткосрочной перспективе, переменных политической системы и её отношений с внешней средой...» [11, с. 235 - 236].

В таком случае, Запад, как бы он не ухищрялся, обрекает всех участников международных отношений, но главное самого себя, на игру с нулевой суммой. Поэтому и принцип транспарентности здесь не очень эффективен.

Именно поэтому теперь, как никогда ранее важна контр-инициатива, или если угодно, мета-игра, органично вырастающая из логики русской истории и самое культурно-цивилизационного кода России. Отсюда, из этой диспозиции, вытекает одна важная методологическая тонкость: переход от сугубо оборонительных практик, к

разработке цивилизационной (по сути – цивилизационно-геополитической) стратегии для России вполне оправдан. Стратегии наступательной, с минимальным прицелом – воссоздания русского имперско-цивилизационного пространства, с максимальным – образования содружества цивилизаций (номинальный шаг – БРИКС) с целью оппонирования глобальной энтропии Запада и переходу к иной архитектуре мироустройства. В этом ряду – «Русская доктрина», «Право и Правда», «Проект Россия», «Доктрина Русского мира» и многое другое, в которых сделан немалый задел в деле выработки «высшей стратегии» или «цивилизационной стратегии».

В этом контексте вспоминая наследие А.С. Панарина, нужно подчеркнуть, что цивилизационная стратегия (= цивилизационная альтернатива) является ничем иным, как «процессом приумножения общих интересов и создание единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различия интересов, соблюдать общие «правила игры» [12, с. 71]. Собственно эта дефиниция дает шанс продвинуться в нужном направлении с учетом цели статьи. Но здесь нужно обратить внимание на полифонию мнений и выделить в ней главное, существообразующее начало.

Сегодня, к примеру, в пестрой палитре русских think tanks уже формализованы и актуализированы – как на уровне теории, так и на уровне практики – государственные приоритеты России. Так, состоявшийся в «Гумилев-центре» в 2013 году круглый стол на тему «Где искать национальную идею?», продемонстрировал, что таковая может развиваться в двух направлениях: 1) как технотронный проект; 2) как проект по формированию нового человека [13]. В свою очередь центр С.С. Сулакшина в коллективной работе «Национальная идея России» в 6 тт. дал комплексную развертку национальной идеи через 20 функционалов, опорой которой является «идея России о самой себе, для её собственной жизни и успешности». При этом, есть и более приземленный вариант её прочтения: Россия обязана справиться с исторически накопленными долгами государства перед собственным народом и сегодня сделать центром политической активности – человека, его интересы, достоинство и условия жизни [14]. Собственно здесь предлагается модель good society, в которой акценты смещены на микроисторические экзистенциальные параметры. Конечно, данная перспектива важна и нужна в условиях диктата западных санкций и программы импортозамещения. Но она не отменяет мезо- и макроуровней исторических реалий, на которых Россия и Русский Мир собственно и возможны как субъекты исторического процесса.

Однако, как я пытался (вслед за А.С. Панариным) показать, что Россия возможна и желательна *либо в качестве империи, либо в качестве цивилизации*, либо, что намного точнее с т.з. соответствия её исторической сущности – *цивилизационной империи*, лишает приоритетности вопрос о задачах национально-ориентированного дискурса [15]. И дело касается всего объема систем и процессов, которые Россией генерированы в ходе дискретно-непрерывного исторического маршрута, в той или иной мере закреплены (закодированы) в ядро принципов / ценностей / идеалов. Нередко взаимодополняющих, нередко контрастирующих, и даже взаимоисключающих.

И дело тут, по-видимому, в аксиоматике самой социальной теории: где-то православно-метафизической, где-то марксистски, позитивистски и технократически нормативной, где-то подчеркнуто гибридной. Но сама по себе социальная теория обязана исходить из некоторого предположения о процессе (континуальном, дискретном, континуально-дискретном), вводя фигуры обоснования либо из его истоков, либо из его структуры, либо из «вложенной» телеологии. В этом плане и

наблюдается маятниковое движение дивергенции / конвергенции точек зрения и позиций, в основном сосредоточенных вокруг полюсов «Третьего Рима» и «Третьего Интернационала».

Отсюда и всеобъемлющая медиаторно-герменевтическая задача по созданию цивилизационно-имперского образа России. В качестве избранного пакета основных образов можно назвать:

– образ «православной цивилизации» (А.С. Панарин), включающий в себя интеграцию православной традиции и универсалий Просвещения, социокультурные синтезы народов Евразии;

– образ «Острова России» (В.Л. Цимбурский), генерирующий структурный синтез: обжитой «основной земли», государственно оформленного «основного человечества» и «сакральной» (в основе своей – православной) вертикали со смещением центра в Урало-Сибирь;

– образ диахронно-динамической четырех-имперской России с выходом на конституирование «пятой империи», синхронизирующей ценности и достижения предшественниц (А.А. Проханов), в рамках которой сосуществуют по типу дополнительности: идея Пасхи как национальная идея России, философия «общего дела», религия Победы, корреспонденция «Технического» и «Духовного» Космосов;

– образ России-Евразии как империи и цивилизации А.Г. Дугина, имеющий привязку к месторазвитию и циклизму, централизованной государственности, религиозный плюрализм и терпимость при доминантности православия, иерархически сложно организованной социальности, самобытными интересами и ценностями, плюс своими континентальными стратегиями глобальной ноомахии;

– образ России как «традиционной духовной цивилизации», «цивилизации ценностей» (Л.Г. Ивашов) геополитически центрирующей (географически, ландшафтно, климатически, лингвистически, культурно и религиозно-идеологически) Евразию, её евразийский Запад и евразийский Восток, но реализующая четыре параллельных процесса: 1) проект собственного возрождения и развития; 2) проект реанимации СНГ в экономике (ЕврАзЭС), вертикально-интегрированной структуре производства, восстановление пространств культуры, науки и образования, общей безопасности (ОДКБ); 3) иницируется развитие ШОС с привлечением новых членов и образованием Евро-Азиатского союза; 4) усиление БРИКС как альтернативной архитектуры мирового порядка;

– образ России как православной империи (М.Б. Смолин), в которой «универсальное государство» дорастает до цивилизации, до самобытного политико-культурного мира, предназначение которого удерживать целый мир, а не только православную ойкумену, от обрушения в бездну, быть гарантом морально-сотериологического порядка.

Как видим, данный набор образов (которых, разумеется, значительно больше), акцентирует глубинно-сущностные характеристики России – цивилизационной империи, проявляемые ею последовательно феноменально на протяжении больших хронополитических циклов. Как минимум, романовского и советского. Но здесь, как мне кажется, кроется важнейшая проблема, связанная с актуальным расширением (на деле восстановлением) империи и выполнению собственно цивилизационных функций, среди которых не только поддержание принципа суперэтнического христианского и светского гуманистического универсализма, реализация экономической интеграционной евразийской модели «внутриконтинентальных» и межконтинентальных притяжений (например, ШОС и БРИКС), гибкий политический

союз в масштабах (Россия – Беларусь, СНГ, Россия – Китай), всемирно-сетецентрическая культурная политика («мягкой силы» Русского Мира, но и культурно-цивилизационная модель управления конфликтами.

Она заключается в культурно-цивилизационной транскрипции и коррекции существующей мирополитической картины мира, со сверхдержавой во главе (олицетворяющей не только «Свободу», «Демократию», «Права человека», «Добро» и т.д., но и безальтернативную «глобальную Власть»), её сателлитами и «лузерами», словом всеми теми, кто готов или не готов жить в этом Pax Americana по правилам сверхдержавы. Жить в монололическом идеолого-политическом, финансовом, промышленном, военном, дипломатическом, торговом, языковом, культурном универсуме. Универсуме тотального диктата, о котором писал Дж. Оруэлл. Однако коррекции в каком направлении? – резонен вопрос.

Известно, что в истории человечества были названы положительный и отрицательный (священный и профанный) примеры организации мирового общежития. В первом случае это Царство Небесное и Церковь, во втором – «вавилонская башня» и «домик на холме». Нетрудно догадаться, какие из них в той или иной мере реализовались в рамках цивилизационных маршрутов: в Китае – Поднебесная империя, в Индии – иерархически структурированный мир парциального восхождения к Абсолюту; внутри исламской цивилизации – сопряженно-дуалистическое движение государства и церкви к Абсолюту; в России – симфоническое государственно-церковное («красный проект» этого не отменяет) утверждение принципа предверия, а затем и соборного скачка в Царство Божие; Запад же артикулировал целый ряд процессов – либерально-плюралистический («Вавилонская башня»), тоталитарный проект для избранных в виде империи-фабрики (фашизм), либерально-индивидуалистический («домик на холме»). Но самое важное состоит в том, что каждый вариант был и во многом остается действенным (!), хотя и с известными вариациями.

Такая архетипика вообще дает возможность уяснить нынешнее положение дел, включая претензии – из локального (регионального) угла – построить дом для всего человечества в его наиболее «счастливой» версии. Чаще всего без Неба, «другого», но зато с Адом крошечным для «других». И неважно, называется она «демократический мир» или как-то иначе. Между тем, эти цивилизационные традиции реализуют соответствующие модели управления мировой ситуацией (конфликтами, «снятием» противоречий, «замирением» и т.д.). Насколько они эффективны понятно на примере Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Донбасса...

Напротив, русской цивилизационно-имперской традиции инвариантным инструментом такой трансформации картины мира выступает *диалог всех заинтересованных сторон* (!). На деле полилог, удерживающий в поле внимания хрупкость мира, и солидарную ответственность за его нынешнее состояние, а также возможное не кровожадное (по-европейски или по-американски) будущее. Общее, не селективное будущее.

Собственно с этой презумпцией, как представляется, связана цивилизационная альтернатива, содержащаяся в культурном самосознании России, и которую она должна совместно с другими реализовать, уберегая мир от глобальной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киссинджер Г. Для урегулирования украинского кризиса нужно начать с конца / Г. Киссинджер // Цивилизация, притворившаяся страной: ведущие западные аналитики о России. – М.: Эксмо, 2016. – С. 150 – 155.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н.Я. Данилевский. 6-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, издательство «Глагол», 1995. – 552 с.
3. Уткин А.И. Подъем и падение Запада / А.И. Уткин. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 766 с.
4. Сорос Дж. «Фонд» для России: что было, что будет / Дж. Сорос. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
5. Катасонов В.Ю. Америка против России. Холодная война 2.0 / В.Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир 2015. – 448 с.
6. Пайпс Р. Два пути России / Р. Пайпс. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
7. Третьяков В.Т. Конфликт с Западом. Уроки и последствия / В.Т. Третьяков. М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.
8. Пар А. Россия – Запад: кто кого? / А.Пар. – М.: Издательство «Э», 2016. – 352 с.
9. Къеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? / Дж. Къеза. – М.: Издательство «Э», 2016. – 288 с.
10. Бодрийяр Ж. Дух терроризма / Ж. Бодрийяр // Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – С. 95 – 188.
11. Дзюла Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Д. Дзюла. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 318 с.
12. Панарин А.С. Философия политики / А.С. Панарин. – М.: Новая школа, 1996. – 424 с.
13. Национальная идея современной России: круглый стол // Режим доступа: [www.http:// gumilev-ctntr.ru/stenograma-kruglogo-stola-nacionalnaya-ideya-sovremennoj-rossii](http://gumilev-centr.ru/stenograma-kruglogo-stola-nacionalnaya-ideya-sovremennoj-rossii) (дата обращения: 25. 10. 2016 г.)
14. Степанов С.А., Тарко А.М. Россия в XXI веке: проблемы идентификации и национальных целей: Монография / С.А. Степанов, А.М. Тарко. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2015. – 160 с.
15. Муза Д.Е. РОССИЯ в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Д.Е. Муза; Предисл. С. Ю. Житенёва; Центр стратегической конъюнктуры. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. – 232 с.

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

ON RUSSIAN CIVILIZATIONAL ALTERNATIVE TO GLOBAL DICTATES OF THE WEST

D. E. Muza

The article focuses on the analysis of modern approaches to alternative scenarios reviving Russian civilization under condition of total dictates of the West. It is shown that the desired alternative is based on a number of presumptions, the main of which is the integrated political picture of the world.

Key words: global dictates of the West, globalization, modern war, Russian national projects, Russian civilizational alternative.

Муза Дмитрий Евгеньевич

доктор философских наук, профессор
Донецкий педагогический институт
Начальник научного отдела

Musa Dmitry Yevgenievich.

Doctor of Philosophy, Professor
Donetsk Pedagogical Institute
Head of Research Department
e-mail: dmuza@mail.ru

УДК 165.191

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

© 2016. *Е. А. Шелехов*

В статье проанализирована связь науки и образования как важнейших элементов социального и культурного развития человечества. Сделан акцент на ценностях как интегрирующем факторе науки и образования. Определены основные ценности классической, неклассической и постнеклассической парадигм научного знания. Сделан вывод о том, что образование и наука неразрывно связаны между собой как факторы, формирующие личность и ее социальное окружение. Современность требует перехода образования от задачи формировать техническое мышление к задаче формирования научного мышления, которое даст возможность не только строить инновационную экономику, но и защищать общественное и индивидуальное сознание от манипуляций и формировать толерантность в условиях бесконечного культурно-ценностного разнообразия.

Ключевые слова: рациональность, наука, сознание, мышление, общество.

Наука и образование является неотъемлемой частью социокультурного развития человечества. Оба эти института принципиально важны для формирования, накопления и передачи наиболее ценного опыта и знаний о природе, обществе и человеке. Наука и образование имеют множество точек соприкосновения, что особенно ярко проявляется на уровне высшей школы. Ценностные трансформации, происходящие в современном мире, касаются всех сфер общественной жизни и непосредственно касаются науки и образования. Более того, именно ценности во многом выступают фактором их многоуровневой интеграции.

Целью данной работы является выявление роли аксиологического фактора в интеграции науки и образования.

Ценности выступают общей основой, которая объединяет разные уровни и сферы культуры. В связи с актуализацией значения ценностей в постнеклассической науке, эта проблематика требует тщательного философского анализа. Если проследить трансформацию аксиологического базиса в научных парадигмах, то основные его особенности заключаются в следующем:

1. Классическая парадигма науки: научная рациональность имеет абсолютную ценность для общественного развития; научное познание – это высшая форма познания и основа единственно правильного мировоззрения; наука составляет фундамент и двигатель социального прогресса; наука – это сфера независимая от политики и идеологии.

2. Неклассическая парадигма науки: наука не является аксиологической универсалией общественного развития; роль науки является доминирующей в сфере технического прогресса и проявляется, в том числе, в геополитическом военном противостоянии; научная рациональность в значительной степени обусловлена историческим и социокультурным контекстами; наука как основание общественного и индивидуального мировоззрения, имеет ряд альтернатив; развитие науки тесно коррелирует с экономическими и политико-идеологическими факторами.

3. Постнеклассическая парадигма науки: научная рациональность обладает лишь относительной ценностью для общественного бытия; наука – это один из видов дискурса, наряду с философией, искусством, средствами массовой информации,

языком и так далее; научная рациональность имеет социо-гуманитарную сущность, базируется на ценностях толерантности и гуманизма, поэтому нуждается в соответствующем контроле – этическом, экологическом и ином; ученые несут личную ответственность за продукты научной деятельности и их влияние на общество.

Итак, на примере этого перечня ценностных оснований различных моделей научных парадигм четко прослеживается тенденция к нарастанию роли ценностей в науке и научной деятельности.

Субъективные и объективные характеристики ценностного отношения зачастую рассматриваются в социокультурном контексте, учитывая нормы, идеалы и представления, которые определяют так называемое «отношение к ценностям» в сфере научного познания.

Вопрос об аксиологическом измерении науки затрагивался в работах многих исследователей, среди которых – В. Горохов [1], М. Мамардашвили [2], М. Опенков [3], М. Сергеев [4] и др. При этом общие теоретические размышления о соотношении ценностного и познавательного приобретают конкретное содержание. По мере того как в философии осмысливаются формы и способы взаимодействия аксиологических и гносеологических факторов развития науки, сама проблема аксиологического взаимодействия образования и науки приобретает вид четко определенной парадигмы исследования. В частности, неоднократно в научной литературе освещался вопрос о том, как именно ценности проникают в научное знание, обусловлена ли сама возможность аксиологизации науки методологическими и мировоззренческими установками, как связаны между собой внутринаучные и внешненаучные основания и ценностные факторы познавательной деятельности.

Часто ответы на эти вопросы опираются лишь на устойчивое убеждение в том, что ценности имеют исключительно внешний характер, а соотношение «знания – ценности» тождественно соотношению, например, естественных наук и этики, которая дает первым гуманистическую направленность. Логично, что в этом случае проблема выходит за пределы методологии науки, приобретая более широкое общественное значение.

Речь идет, в частности, о ценностях науки как специфически человеческого способа ориентации человека в обществе и природной действительности. Ценностями считаются также регулятивные принципы, теории, гипотезы, методы, средства обоснования научного знания и т.д. Актуальность аксиологической проблематики объясняется необходимостью преодоления ограниченности ее классического идеала, который сегодня очевидно исчерпал свой внутренний социокультурный потенциал. Классическая ценностная парадигма науки, фактически, игнорирует необратимость времени, спонтанность и непредсказуемость процесса развития общества и человека как субъекта познания, и, собственно, только для достижения своей главной цели она без всего этого на самом деле может обойтись. Возможно, именно благодаря такой модели, жестко сориентированной на объективное знание, наука и приобрела свой общественный авторитет, а вместе с ним и своеобразный методологический «иммунитет», который долгое время гарантировал успешную конкурентную борьбу науки с другими системами представлений о мире.

В XX в. образ науки существенно трансформировался. Наиболее характерным признаком идеала научности на сегодня считается включение мира человека в структуру научного познания, что является полной противоположностью по отношению к прежней позиции незаинтересованного, исключительно «объективного» познания, в котором для мира человека не оставалось места. Теперь в научных кругах

не редкость даже критика самого принципа «объективности». Разумеется, объективность остается ценностью как науки, так и образования. На ее максимальное соблюдение направлены многочисленные методы и подходы как исследовательского, так и педагогического характера. Любой исследователь должен, вне всякого сомнения, стремиться к тому, чтобы быть максимально десантированным от собственных предпочтений и индивидуальных вкусов. Но, с другой стороны, каждый исследователь является человеком и имеет собственное мировоззрение, опыт, систему знаний, а значит, его действия всегда будут в определенной степени субъективными. Вопрос о том, что же есть объективной реальностью, может вообще быть темой отдельного философского исследования. Сегодня философы, социологи и историки науки перешли на позиции социокультурной и ценностной обусловленности познания и показали, что даже физическое или математическое знание также конструируется в культурном контексте и имеет ценностное измерение. Для того, чтобы аксиология научного познания стала возможной, следует, прежде всего, устранить некоторые стойкие стереотипы, которые мешают всестороннему осмыслению ценностной проблематики в контексте нового образа науки.

Одним из таких несколько устаревших представлений является убеждение в ценностной нейтральности научных истин. Но при этом необходимо помнить, что в истории науки образ аксиологически нейтрального знания играл особую роль, оберегая науку от поглощения идеологией (что, фактически, произошло в нацистской Германии), и обеспечить ей условия для стремительного, ничем не ограниченного развития. Модель ценностно-нейтральной науки проявила себя одновременно и как философский принцип, и как методологический регулятор, и как элемент научного сознания. Она гармонично соотносится с характеристикой фундаментальных исследований как познания природы или общества, которые не имеют практических задач. Но также эта модель может служить основанием для элитарной интерпретации науки. В целом, абстрактность данной модели позволяет трактовать ее различными способами.

Для современной науки характерна ориентация на индивидуальность и неповторимость личностного мышления и бытия, что гармонично вписывается в провозглашенную постмодернистами (Ж. Лиотаром, Ж. Делезом, Р. Рорти и другими) концепцию исчерпанности действия всех крупных нарративов (что, фактически, стало формированием мегапарадигмы всеобщего релятивизма). Позитивным аспектом такой ситуации стало развитие толерантности, мирное сосуществование различных научных школ и позиций, устранение угрозы проявлений тоталитаризма и плюрализма мышления. Но при этом нельзя не отметить и ряд негативных аспектов – хаотичность мышления, научных и социокультурных поисков, мировоззренческая дезориентация и дегуманизация науки.

Сегодня можно говорить об утрате единого стандарта и ценностной шкалы, и возникновения на их месте большого количества разнообразных и принципиально равных между собой стандартов и шкал. Проблема коренной трансформации ценностей, развития аксиологического плюрализма и релятивизма становится важной ступенью на пути понимания не только проблем современной науки, но и общества и культуры в целом. Это проявляется в нарастании интереса к экзистенциальной проблематике, к проблемам биоэтики, экологической этики и т.п. Вместе с тем наблюдается рост общественного интереса к вненаучным типам мировоззрения, таким как религия и мистицизм. Особенно справедливым это утверждение выступает по отношению к бывшим советским странам с их феноменом «религиозного ренессанса» после долгого периода господства атеистической идеологии. Но, не смотря на это, наука

оставляет за собой доминирующие позиции как ведущая сфера современного социума. Частично это объясняется ощущением свободы, могущества и власти над природой, которое она дает человеческому обществу (например, это касается технических разработок, достижений в областях медицины, генетики, астрономии и т.д.).

Научно-технические достижения как никогда остро демонстрируют свою двойную природу, которая выступает как благом, так и потенциальным путем к самоуничтожению человечества. При чем, это касается не только естественных, но и общественно-гуманитарных отраслей знания, ведь общественные и геополитические проблемы содержат не менее важный этический компонент, чем, например, вопрос клонирования живых организмов. Становление информационной цивилизации требует от мирового сообщества перехода от технического мышления к научному мышлению, поскольку последнее имеет ряд неоспоримых преимуществ: соответствует выкладкам эпохи (стремительное развитие многих научных отраслей, необходимость преодоления кризиса во многих из них, повышенная динамика технико-технологического прогресса, формирование инновационной экономики и так далее); направлено на поддержку гуманистических ценностей; способствует развитию индивидуальности; в условиях чрезвычайно широкого социокультурного и ценностного разнообразия помогает формированию толерантных отношений, но не конформизма и примирения с негативными явлениями социального бытия.

Современный человек, живущий в информационную эпоху, должен не только уметь пользоваться новейшими технологиями, но и самостоятельно справляться с постоянным усложнением общественного бытия и неоднозначностью социальных процессов, а также быть открытым новому. Итак, человек XXI в. с очевидностью должен иметь развитое научное мышление для того, чтобы осуществлять дальнейший цивилизационный прогресс. Но ни один человек не рождается с научным мышлением, его можно приобрести только в процессе образования. М. Сергеева приводит по этому поводу интересный пример, который описывает научную карьеру нобелевского лауреата 1915 г. У.Л. Брегга, который еще в 23 года осуществил вместе со своим отцом У.Г. Бреггом выдающееся исследование, получившее международное признание [4]. Як удачно отмечает М. Сергеева, можно списывать такие достижения на наследственность, но в истории науки нередки случаи, когда будущие нобелевские лауреаты учились и работали вместе с другими нобелевскими лауреатами, а значит – именно такое образование и воспитание соответствующих ценностей научной рациональности позволило им в итоге достичь высоких результатов в науке. Из этого можно сделать вывод, что сближение науки и образования является естественным и неизбежным, а формирование научного мышления выступает важнейшей ценностью современного образования.

Единство науки и образования, а также исследовательская направленность образования создает принципиально более качественную мотивацию профессиональной подготовки и имеет глубокое воспитательное значение. Научно-исследовательская направленность образовательного процесса должна иметь место в каждом вузе. Это, безусловно, не означает, что каждый выпускник станет потом заниматься исключительно наукой, но формирование научного мышления (которое можно в данном контексте полностью отождествить с понятием инновационного мышления) является необходимым требованием современной эпохи и гарантией эффективной деятельности в любой профессиональной отрасли.

Говоря о прогрессивном опыте отдельных ведущих западных университетов, А. Карпов указывает на то, что «...в студенческой среде исследование вовсе не играет

роль полученной услуги, прежде всего, оно становится воспитанием, которое определяет высокое качество образования» [5, с. 90]. Тогда как комодификационное отношение к исследованиям (например, исключительно как к источнику получения грантов) приводит к отделению образования и научных исследований, в том числе, и в контексте научного партнерства и мобильности.

Еще в работах Р. Мертона и Б. Барбера были выделены такие базовые ценности как универсализм, общность, бескорыстие и организованный скептицизм, рационализм и эмоциональная нейтральность. Фактически, данные ценности одновременно являются и качествами, которые требуются от ученого как носителя научной рациональности.

Универсализм глубоко укоренен в христианской онтологии и связан с теологической концепцией качеств божественной природы, среди которых – идея абсолютной божественной мудрости. Бесконечно премудрый Бог не может создавать неупорядоченный мир, а значит, в нем есть строгие законы и закономерности, которые возможно познать, в том числе благодаря научным методам. Что касается общности научного знания, то оно означает его интерсубъективность и всеобщую доступность. Смысл ценности бескорыстия состоит в том, что ученый не должен использовать свои исследования для личной выгоды, а осознавать то, что научные открытия имеют общественное значение. Организованный скептицизм неразрывно связан с ответственностью ученого за результаты своих исследований, хотя следует отметить, что ответственность за использование научных разработок лежит также на всем обществе. Рационализм и эмоциональная нейтральность является неотъемлемыми атрибутами процесса научного исследования, хотя они всегда в определенной степени ограничены.

Такие ценности как знания, профессионализм, критическое мышление, интеллектуальная свобода, истина, качество, индивидуализм как сотрудничество, общественно-политическая, идеологическая и финансовая автономия, рациональность, эмоциональная нейтральность и эффективность можно считать общими как для науки, так и для образования.

Как справедливо отмечают И. Налетова и А. Прохоров, сегодня под влиянием комодификации научно-образовательной отрасли происходит системная трансформация ее фундаментальных ценностей: универсализм сменяется локальным контекстом, всеобщность – мультидисциплинарностью, бескорыстие – смесью коммерческих, политических и социальных интересов, организованный скептицизм – конкуренцией, а индивидуализм – принципами командной работы [6]. Также изменяются и ценности образования, а значит и ученого-преподавателя. Это еще раз доказывает, что лучшими преподавателями при таких условиях могут быть специалисты, которые объединяют преподавательское и исследовательское направления своей деятельности.

Конечно, наука не сводится только к профессии ученого (в СССР образ безумного ученого, который, забыв обо всем на свете, погрузился в свои исследования, даже был постоянной темой анекдотов). Но при этом статус ученого, который (как и статус преподавателя) предполагает совокупность определенных качеств, также является ценностью, на которой стоит остановиться более детально.

В постиндустриальную эпоху наука продолжает сохранять свою элитарность, при том, что образование носит массовый характер. Принадлежность к сообществу ученых означает принадлежность к интеллектуальной элите социума. На первый взгляд может показаться, что сегодня войти в это элитарное сообщество довольно просто, ведь ученый –

это человек, который постоянно занимается обработкой и генерированием информации, превращая ее в новые знания, а информация является одним из самых демократических источников власти. Конечно, в примере с нобелевским лауреатом У.Л. Бреггом семейный статус (а именно, отец-ученый) сыграл особую роль, но в целом человек, который желает стать ученым, сам формирует в себе качества, необходимые для успешного занятия наукой. В итоге, благодаря развитию информационных технологий доступ к информации сегодня широк как никогда. Но далеко не каждый из тех, кто имеет такой доступ, становится ученым. На самом деле, абсолютно прав М. Опенков, который пишет: «...возможность доступа совершенно не означает владение. Информация является выборочной. Интеллект специалиста выступает главным фактором, который лимитирует возможность приобщения к данному ресурсу» [3, с. 30].

Еще один вопрос, который возникает при анализе ценностного измерения фигуры ученого, состоит в том, должен ли преподаватель быть также и исследователем? Вызовы современного образовательного пространства обуславливают утвердительный ответ на данный вопрос, особенно если это касается университетских лекторов. Обеспечить высокое качество высшего образования и сформировать научное (инновационное) мышление может только преподаватель, который сам является ученым и имеет такое мышление. Кроме того, он должен постоянно развиваться, чтобы не только не отставать, но и продвигать развитие науки. Именно в процессе постоянных научных поисков преподаватель-ученый проявляет в полной мере свою личность, ведь чтобы формировать ярких личностей, необходимо самому быть таковой. Чем глубже и шире компетентность человека как ученого и как преподавателя, тем более уникальными становятся знания, которые он генерирует и транслирует. За объединение науки и образования выступал еще М. Ломоносов. Хотя эта идея активно декларируется на разных уровнях в большинстве стран постсоветского пространства, ее воплощение не отличается последовательностью. Так, например, в современной России делаются попытки проводить научные исследования в университетах, противопоставив их государственным академиям наук. При этом акцент делается на конкуренции между тремя взаимосвязанными структурами – государственными академиями; государственными научными центрами, тесно связанными с промышленностью, и университетами, что очевидно является нелогичным шагом и может привести к разрушению фундаментальной науки. В Украине также существуют значительные проблемы, касающиеся, в частности, разделения науки на академическую, отраслевую и вузовскую, и недоразвитости связей между ними. Тяжелое финансовое положение и выраженная коммерциализация и ориентация на прикладные исследования привела к падению престижа статуса ученого и снижению профессионализма работников высшей школы, а также эмиграции многих талантливых ученых за рубеж и переходу их из научных и образовательных учреждений в коммерческие структуры. К сожалению, преподаватель украинского вуза остается, в целом, только лектором, человеком, который воспроизводит определенную информацию и практически не генерирует новой. Решение этого вопроса возможно только комплексным путем, в том числе, через активное приобщение творческой молодежи к научно-образовательному труду. Как сказал известный физик С. Хокинг, необходимость не отставать от аспирантов всегда была для него чрезвычайно важным стимулом и не позволяла увязнуть в болоте [3, с. 29].

Еще одним направлением анализа социально-аксиологического аспекта науки и образования выступает их связь с техникой. Техника стала средством для достижения человеком практических целей. Техника – это совокупность действий человека, направленных на господство над природой, что предоставляет необходимую

культурную форму окружающей среде. Смысл техники состоит в освобождении от власти природы, а технология – это своеобразное «сжатие» времени путем достижения результата за оптимально короткое время. В XX в. понятия науки и техники стали настолько неразрывными, что их стали лексически объединять («научно-техническая отрасль», «научно-технический прогресс» и т.д.). Более того, сама наука в общественном сознании превратилась в теоретическую основу технических разработок. Доминирующие позиции в образовании стали занимать политехнические вузы. Эти процессы можно обобщить через единую ценность – контроль человека над объектами материального мира. Сегодня соотношение науки и техники может быть пересмотрено, поскольку в начале XXI в. сформировалась тенденция к выдвижению альтернативных ценностей человеческого бытия – гармонии с окружающей средой, общественной справедливости, возможности различных типов рациональности и др.

Наука на сегодняшний день – это весьма сильно разветвленная система, включающая огромное количество учебных дисциплин. В научной периодике в последние годы нередко можно лозунги по поводу необходимости интеграции научного знания, что вполне объяснимо. Но определенный смысл есть и в точке зрения, высказанной, в частности, М. Сергеевой, которая считает, что сегодня как никогда раньше важно отделить гуманитарные науки от технологий, поскольку если этого не сделать, то со временем гуманитарные науки будут также дискредитированы в глазах общества, как сегодня естественные науки, поскольку в обыденном сознании физики виноваты в создании атомной бомбы, а химики – в загрязнении окружающей среды (а психологи и социологи, по аналогии, могут быть обвинены в том, что граждане поддаются манипулятивным влияниям) [4].

В связи с влиянием ценностей индустриализации (а сегодня – постиндустриального общества) и коммодификацией науки и образования отдельные научные отрасли начали ранжироваться по престижности. Считается, что технические и естественные дисциплины по сравнению с социально-гуманитарными являются более адаптированными для конкурентных рыночных отношений, поскольку содержат больший прикладной компонент и вырабатывают знание, которое можно быстрее продать. Но при этом можно выделить два замечания, которые ограничивают значение данной тенденции. Во-первых, сегодня, по аналогии с коммерческими структурами, постоянно говорят о формировании в университетах навыков менеджмента и технической компетенции. Это может показаться парадоксальным, но результаты последних исследований показали, что лучше всего этими навыками можно овладеть именно при изучении социально-гуманитарных наук [1, с. 10]. Во-вторых, трудно не согласиться с М. Мамардашвилли, который сказал, что не существует прикладных наук, а есть только наука и ее применение, и там, где знание не находится в состоянии производства другого знания, мы – вне науки и вне знания [2, с. 100].

Таким образом, наука и образование являются двумя важнейшими факторами, которые формируют человека и человеческую культуру. Наука выступает ценностью равно в той мере, в которой она ценностью не является и не может быть, не перестав выступать как особое человекообразующее явление [2, с. 100]. Любое разделение образования и науки является искусственным, что становится наиболее очевидным в постинформационную эпоху, когда на повестку дня выносятся вопросы формирования у всех членов общества научного мышления, научной картины мира и инновационного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху академического капитализма / В.Г. Горохов // Вопросы философии. – 2010. – №12.
2. Мамардашвили М.К. Наука и ценности – бесконечное и конечное // Вопросы философии. – 1973. – № 8.
3. Опенков М.Ю. Ценность незаменимого специалиста и трансформация системы образования / М.Ю. Опенков // Совет ректоров. – 2008. – №3.
4. Сергеева М.Г. Ценности науки как базовые ценности европейской цивилизации / М.Г. Сергеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.researcher.ru/>
5. Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного развития / А.О. Карпов // Вопросы философии. – 2012. – №10.
6. Налетова И.В., Прохоров А.В. Трансформация ценностей академической культуры в условиях глобализации / И.В. Налетова, А.В. Прохоров // Аналитика культурологии. – 2009. – Вып. 3(15) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/archive/item/300-article_10.html (Дата последнего обращения – 22.09.2016 г.)

Поступила в редакцию 02.12.2016 г.

AXIOLOGICAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN SCIENCE AND EDUCATION

Ye. V. Shelekhov

The article highlights the connection between science and education as the two most important elements of cultural development of humanity. The author focuses on the values integrating science and education. The main values of classical, non-classical and post-non-classical scientific paradigms have been defined. It has been concluded that science and education are closely connected with each other as the factors forming a personality and their social surrounding. Modern life forces education to change its objectives. The objective of forming technical thinking turns to the objective of forming scientific thinking. This will enable to build innovational economy, protect social and individual thinking from manipulations and form a tolerant attitude under the conditions of lifelong cultural and axiological pluralism.

Key words: rationality, science, mind, thinking, society.

Шелехов Евгений Александрович

Кандидат философских наук

Доцент кафедры философии

Донецкий институт железнодорожного транспорта

Shelekhov Yevgeniy Alexandrovych

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Department of Philosophy

Donetsk Institute of Railway Transport

e-mail: jenjaistorik@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3-5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: liza_nada@mail.ru

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 541, 542).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2016. – № 3

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: М.В. Фоменко

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 27.12.2016 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 12,48
Тираж 100 экз. Заказ № 16-Дек269

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.